

№8

литературный журнал

01|24

НАТЁ

проза. драматургия

18+

содержит
нецензурную брань

№8

литературный журнал

01|24

НАТЁ

проза. драматургия

18+
содержит
нецензурную брань

Главный редактор: Мария Тухто

Редакционная коллегия:

Александра Сулова

Ирина Бондырева

Илья Склярский

Юлия Афонина

Полина Ужгина

Дизайн макета,

иллюстрация на обложке:

Светлана Подаруева

Дизайн портретов: Алина Кольцова

Иллюстрации:

Елена Антар

Яна Аршинова

Мария Данилова

Лиза Ермакова

Валерия Жданова

Вика Левотаева

Виктор Лукьянов

Елена Махонина

Светлана Подаруева

Ольга Н. Регхай

Анастасия Эмиль

Верстка: Мария Тухто

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru

Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru

Сайт: <https://nate-lit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

Boosty: <https://boosty.to/glavvred>

Поддержать проект: <https://pay.cloudtips.ru/p/39896291>

Рукописи не рецензируются.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке текста ссылка на журнал обязательна.

Восьмой номер «НАТЕ» посвящен теме неустойчивости и творчеству в условиях хрупкого пограничья. Работы студентов-литераторов (проект «Литреформа») посвящены поиску себя и своего места в мире; писатели обращаются к теме путешествий (Вера Семенова «Долго будет Карелия сниться»), рассматривают национальные вопросы и культурные традиции (Ксения Самарина «Переменная облачность», Анна Рыбалкина «Армения снова меня накрыла»), воспринимают идею движения (буквального и символического) как попытку избавиться от судьбы или примерить на себя судьбу чужую (Наталья Анискова «Ослиная шкура»). Авторы показывают, как мышление архетипическими образами спасает героев в критические моменты жизни (Мария Рачинская «Веснушчатый журавлик»), как важна вера в сказку и опасно тонка грань между жизнью и фантазией, особенно когда в игру вступает Слово (Виктор Михайлов «Жизнь в борьбе»). Модернистская игра подсознательного (Е. Барановский «Терпилы») гармонично сочетается с комедией нравов (Вадим Федоров «На кладбище»).

Номер публикуется в двух частях. В первую вошли рассказы, пьеса и фрагменты повестей. Представленные работы автофикциональны в разной степени.

Мария Тухто (главный редактор)

Январский номер журнала «НАТЕ» получился по-настоящему художественным. Наши иллюстраторы сделали визуальное оформление в стиле ар-деко, главные отличительные черты которого — строгая закономерность, геометрия, шик и этнические геометрические узоры.

Кропотливо работая и придерживаясь определений цветовой гаммы, художники смогли достичь желаемого оформления в выбранном стиле. В этом номере вас удивят изящные силуэты, выразительные жесты и взгляды, вы увидите пейзажи, похожие на витраж, и сможете рассмотреть интересные орнаменты и необычные по композиции иллюстрации. Вдохновившись обложками старого «Vogue» и архитектурой Эмпайр-Стейт-Билдинг в Нью-Йорке, мы погрузились в чудесный мир «декоративного искусства». Приглашаем и вас разделить с нами это интересное путешествие!

Светлана Подаруева (дизайнер)

Содержание

Рассказы, автофикшн

Авторы проекта литературных вечеров «Литреформа» (сост. Илья Скларский).....	9
Михаил ГЕРАСИМЕНКО. Движимый-недвижимый.....	-
Дарья САФРОНОВА. Похороны.....	13
Настя ЧИРКАШЕНКО. Одним зимним, но уже предвесенним утром я проснулась с мыслью о том, что мне необходимо связаться с Ксюшей Агаповой.....	17
Олеся ТЮРИНА. последний раз плакал, когда умер авичи.....	21
Рубен ХУДАВЕРДЯН. 3000.....	27
Наталья АНИСКОВА. Ослиная шкура.....	30
Юлия СИГАЛИ. Переменная облачность.....	56
Вера СЕМЕНОВА. Долго будет Карелия снится.....	63
Мария РАЧИНСКАЯ. Веснушчатый журавлик.....	71
Анна РЫБАЛКИНА. Армения снова меня накрыла.....	81

Пьесы

Вадим ФЕДОРОВ. На кладбище (комедия).....	98
---	----

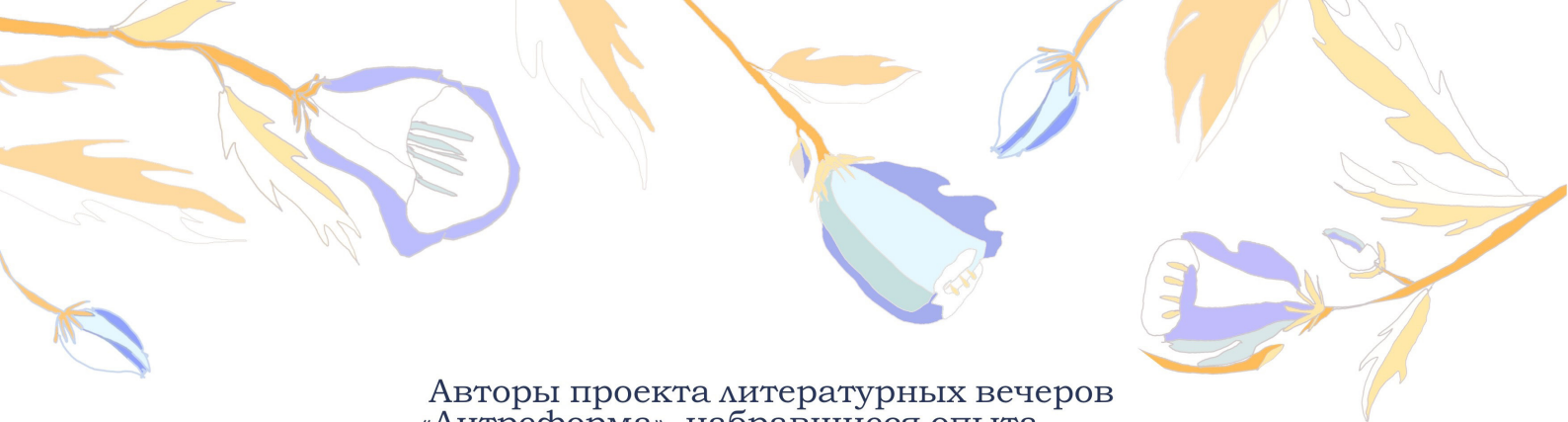
Сери

Евгений БАРАНОВСКИЙ. Терпилы.....	117
Виктор МИХАЙЛОВ. Жизнь в борьбе.....	139

РАССКАЗЫ, АВТОФИКШН

Авторы проекта литературных вечеров «Литреформа», набравшиеся опыта в выступлениях с прозой перед зрителями, теперь на страницах нашего журнала.

Объединяет их ещё и то, что все они студенты Литературного института имени А.М. Горького.

Составитель подборки — ИЛЬЯ СКЛЯРСКИЙ

МИХАИЛ ГЕРАСИМЕНКО

Литературный журнал «Нате»

Движимый-недвижимый

Следующая станция — Нататинская. Я быстро уселся и принялся смотреть на людей, не успевших занять места. Женщина в синей куртке повисла над мужчиной в очках, очень увлеченным чтением какой-то книжки. Кричала ему что-то в ухо, а он делал вид, что не слышал. Она повторила, но громко гудел поезд. Она повторила громче, но всё еще не понятно. Она повторила опять и уже даже я услышал. Мужчина — глухонемой, наверное. «Болит нога, — говорит, — мужчина, уступите, пожалуйста, не могу стоять уже, — говорит, — ехать еще долго». А он всё не слышал. Уже осуждающе засмотрели соседние пассажиры: и кто стоял, и кто сидел. Я и сам подумал: а чего бы и мне не уступить? Но не до меня же помогают. Мужчина же недвижим. Несчастный — застыл, и женщина, что над ним нависла, и весь вагон,

и даже дети, что вопили в другом его конце, — всё недвижимо. А поезд двигался, будто сопротивляясь этому. Когда я зимой ходил по Чертаново и глядел, что вот идет снег — снег как будто двигался. А потом очень долго лежал, а следом уже и таял, и на его месте ничего особо не оставалось. Но когда я был совсем маленьким — одного нюанса не понимал. Снег падает — снег лежит — снег самоудается. И больше его нет. И казалось, что это навсегда. Если что-то происходило — оно оставляло последствия. А когда снег выпадал через год — я удивлялся. В это же время, когда я удивлялся, я часто ходил к соседскому мальчику на участок, чтобы позвать его гулять и валяться в снегу. Мы обычно представляли себя строителями подземелий, землеройками, всякими подземными лазутчиками или какими-нибудь спецагентами, пробирающимися через окопы и катакомбы. Я всегда подходил к воротам его дома и всегда застаивал его одним и тем же: колющим дрова. Еще совсем маленьким он поднимал над своей головой толстый колун и ударял им что есть силы по чурке. Он всегда потом тяжело выдыхал, а через пару секунд сила как будто возвращалась, и он вновь замахивался. Увидев меня в окно, выходила тетя Наташа, кричала мне: «А папка твой дома?» А я ей отвечал: «Папа на работе». И потом отпрашивал уже сам Сашку Соколова пойти со мной гулять. Тетя Наташа мамкала и папкала постоянно, а мне на это было и ответить-то нечего: как-то неловко. Вот, позвонят попить чаю, а мне и входить даже не хочется, потому что дома у Соколовых орет ребенок и постоянно накурено. Мы куда-нибудь пробежимся с Сашкой, подальше от наших участков, и там уже что хотим, то и делаем. Белобрысый веснушчатый дурачок — так я его называл у себя в мыслях. Он был глуповат, но зато фантазия просто отменная. И мы с ним иногда ходили и тоже думали, что вот снег — он такой подвижный и движимый, он ведь никогда не кончается. У него есть такое свойство — возвращаться в исходную точку и лежать на всё тех же дорожках, деревьях, на нашем крыльце, на крыше, иногда заваливая нас так, что входную дверь не открыть и нужно откапывать. И Сашка Соколов сидел и думал, что снег — это такая форма души у воды. Вернее, снег и есть выражение этой души. Что вот она меняется и в ходе своих перерождений меняет свою форму. А потом возвращается к исходному. И я тогда радовался, что мы так хорошо друг друга с Сашкой Соколовым понимали. Но мы, конечно, и значения души-то не понимали. А потом Сашку Соколова забрали в другую школу — в моей он на второй год остался в первом классе. А уже в моем втором Сашка Соколов меня позвал в гости и, пока никого дома не было, показал мне свои диски с порнухой. Но было это конечно всё так же неловко, тем более, в доме было всё еще накурено, а в соседней комнате орала младшая. В то время он потихоньку рос и начал драться со своим папкой. Папка

постоянно буянил — а тетя Наташа его не могла усмирить. «У папки, — говорила мне бабушка, — в башке только Чечня его и осталась». К пятому классу мы с Сашкой Соколовым перестали общаться — я видел его иногда, но только когда он колол дрова. Вот — зима, а я опять его встречаю за этим делом. Еще через год — снова. И всё так происходило зимой и только зимой, что уже в десятом классе, под новый год, когда он давно забыл о моем существовании, я снова проходил мимо его участка, и через небольшую щель в воротах увидел, как он колет дрова. Я не видел его больше ни в одном другом состоянии — только за топором в руках. С всё тем же тяжелым замахом и выдохом. Потом, как я узнал, со временем, он уже не мог усмирить своего папку и просто зарубил его во время очередного скандала. Списали за самозащиту, наступила холодная зима, и Сашка Соколов стоял, такой же белобрысый и веснучатый, колол дрова. С одинаковым выражением лица, с одинаковым замахом — только в росте изменился, стал здоровенным лбом — в потолок. Сестра его осталась на второй год в первом классе. Тетю Наташу я уже десять лет как не видел. Сашка уже успел сходить в армию и вернуться оттуда, чтобы колоть дрова. Я на него смотрю издали, думаю, помнит ли он, сколько разных форм душа принимает у воды, становясь снегом, льдом или паром. Сдвинулось ли что-то у него, недвижим ли он. Я не знаю, начал ли он гнать самогон с мужиками, начал ли за кем-то ухаживать. Он как памятник. А Новосибирское в один большой монолит срослось уже с Чертановским. Здесь никто уже не колет дрова, но здесь — следующая станция — Нахимовский Проспект. А мужчина, кажется, переспрашивает у женщины, что ей от него нужно. Она надрыгается — он задается вопросом: «А почему именно я?» И он прав, на самом деле. Но встает с озлобленным выражением лица и чуть слышно говорит: «Вот и мне черт подает гроши». Останавливается поезд, люди переходят в другое состояние: кто-то испаряется, кто-то конденсируется, кто-то снова застыл.

Иллюстрация: Елена Махонина

Похороны

Всё лишь бредни шери
бренди, ангел мой.

Так и не удалось влюбить-
ся, но успокоилась.

Сосите со своим Москоу
сити.

Сижу с Элей, пью лимонад
абрау дюрсо. Мультик на
прошлогоднем полу цве-
том неба. Неба над москоу
сити. Uberlin. Der himmel
uber.

Новому врачу веду себя
так, чтобы быстрее стало
понятно, что я за человек.
Не хочу замуж, говорю, со-
вершенство только у бога,
я на его роль не посягаю,
говорю, симметричное не-
красиво, теперь слушаю
музыку вслух голосом, как
и договаривались, говорю.
Итак, себя люблю доста-
точно, как личность люблю достаточно, мне в себе всё внутри люблю,
говорю еще

Раз

Который день мне не пыкчет солнце в центр виска и не весело отра-
жает белое в окно ночью. Все мои подружки — дуры, особенно Соня,
потому что сообразить пора, что надо до, а не после узнавать про ВИЧ.
Очередной Мальчик пишет, что я удивительный нежный комочек, и
я думаю, что он, наверное, тяжелый тупой идиот, и я ему совсем не
верю и сразу думаю, что я его умнее и лучше.

Бог не отвечает на молитвы, не подключает блютусом наушники к те-
лефону и отравляет мне дорогу домой.

Таракан лезет к шоколаду без сахара, от которого я за две недели отъ-
ела две дольки.

Ссанный булгур почти закончился, и остались нормальные, обычные,
нисколько не хитровыебанные каши, и я перехожу теперь на диету из
просто воды и яиц.

Составляю на столе композицию из всяких разных капель, и пши-

ДАРЬЯ САФРОНОВА

калок в горло, и антибиотиков, и муколитических средств, ставлю рядом убиралку кошачьей шерсти сметать вековую пыль углов, которые я не приберу сегодня, и завтра я тоже ничего не приберу.

Нахожу тапки, которые купил Саша в самом начале коронавируса, и шорты, которые Саша тогда купил, и они стерлись настолько, что ткань сыпется от прикосновения, и вспоминаю еще, как казалось, будет здорово нам всем закрыться от страшного дома у Саши, и набрали полную корзину сыров и киндеров, а Саша смешал водку с метадоном, и мы уехали в ту же ночь, не вышло отсидеть карантин.

Я разбрасываю по комнате вещи и ощущаю песок между пальцев, я общаюсь с людьми, я много чего делаю и думаю написать Алле Валентиновне о том, что кажется, вот она сказала, что будет ждать меня, как Пенелопа Одиссея, и что вот она дождалась: Одиссей не справился и вернулся, и я вернусь, но я боюсь

Мне хочется, чтобы включилось радио на таком моменте, после которого я подумаю: да, вот это те сантименты, ради которых я читаю Шкловского, то самое, и я еще подержусь немного с бетоном моей осознанности и позволю себе грубить другому человеку.

Пока грублю только себе.

14

Зачем-то кричу на маму и снова ругаюсь на реабилитацию, говорю, что оттяпали годик моей чудной жизни, взяли и оттяпали. Как могли? На папу кричу заслуженно абсолютно, или не кричу, не крик это, а злой интенсивно натянутый голос, у меня таким голосом только не уметь ругаться, не уметь ругаться, а хотеть

Обидеть

Всех обидеть

И бежать в сторону госпиталя, мы там раньше залазили, дети, на танк, мы были дети, и лезли на танк, и были выше, чем были до танка, и видно было далеко и долго, и было радостно как-то и легко, а потом качаться на качели и думать: вот я, такая маленькая девочка, качаюсь, и никто за мной не смотрит, я тут есть, а где-то в другом месте другие такие девочки качаются в этот же самый момент на других, может, по цвету таких же, по сути, качельках, и думают девочки маленькие о том, что вот они качаются сейчас одни на качельках, а где-то в мире, может, сотни одновременно таких же девочек качаются, и я ищу

Предчувствия любви

И я смотрю на

Маму

Папу

И мне не жаль их нисколько и только тошно от того, какая я злая, и

кату я обидела, и машу, я на всех накричала, и ни в качельке, ни в госпитале любви нет ни секунды, и хочется, чтобы просто где-то толика жалости во мне или вовне, и я мечтаю обнять бабушку, я ведь очень люблю бабушку, и я достаю телефон и набираю, а папа говорит, говорит, что бабушки нет больше и некому набирать,

и я тогда хочу, чтобы мне разрешили последний разговорчик

В этом, где все дураки и нет любви, все дураки, представляете, и тогда ощущаю необратимость произошедшего и как жестоко все-таки, бога нет, жестоко со стороны бога не дать мне умереть раньше всех, не дать мне поговорить с бабушкой

Смыкается глотка, и падает обратная сторона глаза перестает мочь дышать, я открываю веки, и мне жаль. Сажусь на кровать, придвигая колени к лицу, и повторяю, что сон, конечно, что сон, конечно, мне всё приснилось, и я проснулась в туда, где никто еще не умер, никто не умер, и я, конечно, не злая и не могу то тем им

— Знаешь, мне такой ужасный сон приснился

— Ууууу, котек((((

Иллюстрация: Виктор Лукьянов

Одним зимним, но уже предвесенним утром я проснулась с мыслью о том, что мне необходимо связаться с Ксюшей Агаповой

НАСТЯ ЧИРКАШЕНКО

Ксюша Агапова — моя бывшая одноклассница. До девятого гэ класса мы вместе с ней учились. Но были мы чем-то большим, чем просто одноклассницами. И мне очень не хватало такой вот «больше, чем просто одноклассницы» в это почти что весеннее утро.

Ксюша была из Воронежа. Впрочем, как и я. Ксюша говорила гэ, как будто она правда из Воронежа, — глубоко фрикативно. Я не любила фрикативные гэ, так же, как и не любила весь Воронеж. Вот только в то утро начала скучать именно я.

Мы с Ксюшей жили в разных сторонах от нашей квадратной школы. Она жила справа, а я — слева в доме для старух, воняющих псиной. В моей стороне не жил никто из нашей школы. Потому что те, кто жил слева, должны были ходить в Школу номер, я же училась в Лицей номер. В Лицей номер я попала, потому что мой отец учился в Школе номер. И ему там не понравилось.

Я всегда завидовала школьникам с правой стороны от моего Лицея. Они целой толпой настоящих друзей умели весело идти из школы или даже не менее весело — в нее. Поэтому, чтобы не надоедать себе грустью, мне после школы хотелось затеряться где-нибудь на левой половине улицы.

Большинство наших ребят из школы обитало там, на площадке у Ксюшиного дома. Я регулярно уговаривала Ксюшу, чтобы мы с тобой, Ксюша, пошли к тебе в гости сразу после школы. Я так хочу пообедать с тобой сардельками и запить их борщом с майонезом, который я ненавижу больше, чем рак. Ксюша в основном сначала отнекивалась, но потом поддавалась моим уговорам, и мы шли в гости.

На улице долго задерживаться мы не любили. Так, Ксюша поздороваается со своими дворовыми, я постою рядом, и пойдём в парк. Ксюше после школы никогда не хотелось гулять. Для нее эти все дворовые мальчишки были так — суета. Она любила гулять только в Боево, там было много парней на тачках, там было кого любить и кем быть любимой, не то что здесь. Здесь — некого.

Моя комната в моем доме находилась на восьмом этаже, на котором ничего, кроме неба и птиц, не видишь. В Ксюшиной первозтажной квартире я любила смотреть в окно. Каждый одноклассник, каждый дворовый пацан оказывался на моей ладони. Я наконец-то могла пялиться на них так сильно, как мне на самом деле того хотелось. До лопающихся сосудов глаз и до холодного пота. Я исследовала каждое их движение, проникала во все уголки их необъятной сути. В этот момент Ксюша обычно аккуратно нарезала нам бутерброды с толстой колбасой, параллельно рассказывая, как она в очередной раз каталась на ладе калине с Димой, и как он положил ей руку на колено, и какой он был пьяный и смелый, потом они долго целовались, а потом он должен был высадить ее у дома Любы, потому что отец не должен был знать об их связи, потому что ее отцу не понравилось бы узнать, что его дочь спит с двоюродным братом, пусть и которого любит сильнее всех прочих.

18

Когда мне надоедало смотреть в окно, я шаталась по кухне и рассматривала огромное количество магнитиков из всяких там. Мне было интересно узнать: была ли ты, Ксюша, в Турции? Не была. Была ли ты, Ксюша, в Италии? Не была. Была ли ты, Ксюша, в Анапе? Yes, I did. А откуда у тебя магнитики из всех этих мест, интересно узнать. Это всё Наташка. Сестра Ксюши, но не родная и не двоюродная. Она досталась Ксюшиной маме в качестве дочки после смерти чьих-то родителей. Судя по кружке МТС, в которую мне наливали сладкий черный чай, и судя по ручке с логотипом МТС, которую я до сих пор не вернула Ксюше, кто-то здесь работал на МТС. И это была definitely Natasha.

Потом мы шли в зал. Это комната, где обычно на диване спала Ксюша с мамой. У Наташки была отдельная комната с современным белым пушистым под какого-то игрушечного зверька ковром. Там мы только иногда могли очень сильно смеяться над общими знакомыми и падать спиной от смеха на ковер, совсем не чувствуя боли от приземления.

С Ксюшей мама обращалась строго. Ласки никакой не давала. Она работала полойкой и ничего не понимала. Не понимала тенденции этой Ксюшиной ездить каждые выходные к папашке в Боево. А еще у нее был рак. Все, кроме Ксюши, об этом знали, весь двор и все одноклассники. Нас просили не рассказывать ей. И тогда я

«Одним зимним, но уже предвесенним утром я проснулась с мыслью о том, что мне необходимо связаться с Ксюшей Агаповой»

сделала запись в дневнике, где написала «рак» самыми маленькими буквами, чтобы Ксюша никогда не узнала.

Моя мама раньше каждый раз говорила мне, когда встречала Ксюшину маму в магазине или в аптеке. Просто говорила факт видения Ксюшиной мамы. Сейчас мама уже давно мне ничего о ней не говорила. Думаю, она просто забыла, что об этом надо говорить. А я зачем-то не забыла.

«Ужасно, когда люди нужны друг другу, а за окнами разные города». Так было написано на странице Ксюши Агаповой. И это было не про нас. Но мне очень захотелось прижаться к ней и громко заплакать. Чтобы она простила меня за то, что я называла ее Агушевой, хотя ей и очень это не нравилось. Чтобы я хныкала, а она отвечала на мой вопрос «как дела» не скрывая ни одного постыдного места, только в простых предложениях, только с самыми интимными подробностями, только о том, о чем обычно не рассказывают первым встречным. I need you, Ksusha. А ты совсем нет.

Иллюстрация: Лиза Ермакова

№8 (январь 2024)

ОЛЕСЯ ТЮРИНА

последний раз плакал, когда умер авичи

апельсины и гранаты, цветки апельсина и жасмина; аметист и изумруд; тюльпаны; летучие мыши; сахар, засахаренный мираболан; смоковница; дыни и огурцы; брелоки и конфеты; зонт; камешки; помада; миндаль; лимонный сок; инжир; мед; малина; розовое масло; вода, сладкий пар от воды; весь он состоит из сахара и молока (гюльхенруз).

ты вылитый скрипичный ключик.

она ведет одинокую жизнь, она ведет одинокую жизнь. когда она проснулась в свете позднего утра и ее день только-только начался, она открыла глаза и подумала: «о, что за утро! этот день не для работы, это день, что-

бы загорать».

плюсы пожить одной:

можно спать без одежды (особенно ценно в июне). отпустить цыпочки, просыпаясь рано — некого будить. забыть, где лежат наушники.

люди, общение с которыми могло продлиться без тошноты не более двух недель: неопознанный объект, кто-то.

темы для разговоров: истграм, пиво, флакон, японские сигареты, андрей аствацатуров, отчисление из литинститута, деньги — всё самое надоевшее.

испуганные глаза, требующие от меня ответа:

1. синяя гирлянда, «может, тебе скорую вызвать?», водка с блю кюра-сао, опухшее соленое лицо, захлебывания.

2. двор с лавками буквой «П», на земле пыльная банка лёвенброя с вытекшей пеной, отвернулась от них, но не могу не трястись, они делают вид, как будто не знают, почему я, но они знают.

3. женщина наискосок в сидячке, пытаюсь сдержаться, но они сами катятся, извините, это так невежливо, скоро показывать паспорт.

в левом ухе пульсирует, как тикали часы у бабушки и дедушки в квартире, надо было пытаться спать детским дневным сном и ощущать что-то похожее на жажду, и отвращение, и что всё вокруг чужое. когда пыталась спать детским дневным сном, дома ощущала то же самое и подглядывала, щуря глаза на оранжевые шторы, и изучала волны, которые образуются от сборок штор на гардине, от этого чувство только усиливалось. во взрослом возрасте ко мне часто приходили эти состояния из детства и не только связуясь со сном, но уже давно такого не было.

куст шиповника во дворе бабушки и дедушки мне не нравился, и сам шиповник есть я не любила. я любила есть боярышник в своем дворе. а еще вишню. бежать от собаки

срезаю пленки с кролика. когда мне было немножко, мама с папой приготовили кролика и сказали, что это курица. потому что кролика мне было бы жалко, а курицу не жалко. я сказала: странная курица детские сексуальные удовольствия: ромбы, конфеты «капри», девочки с волнистыми волосами.

детский наркотический опыт: нажимать на закрытые глаза ночью, чтобы увидеть цветные геометрические фигуры и калейдоскопические узоры. вращаться в черной в красный крупный горох юбочке сколько выйдет, пытаюсь не упасть, чтобы сесть потом на серый ковролин, опереться ладошкой и терпеть головокружение.

если я буду поступать правильно, я должна буду получить вознаграждение, — ошибка доступа. прекращай такое, это неправильно. за эту правильную мысль я тоже должна буду получить вознаграждение.

запихивать одеяло в пододеяльник малышкой было тяжело, но с возрастом пришло наслаждение бытом

жизнь состоит из дел, которые надо делать как надо и когда надо. вести себя нормально, даже когда устала, сохранять лицо, не отвечать людям слишком недовольно

спала четыре часа, недовольна

писала текст, недовольна

увидела свое отражение в стекле в метро, недовольна

мама говорила: лицо попроще

да она курить просто бросает

че

зачем

нет карандашей, кроме простого

выход из рутины, купить одежды на тридцать тысяч
белый чай с питахайей на вкус, как несладкая жвачка из чупачупса.
в штуках с начинкой, начинки всегда мало.
уборщица драит коридор, пахнет, как в шесть лет турция сиде хам-
мам банное мыло аквапарк
признаки романтического интереса / наличия в жизни солевого ни-
котина:
портится настроение. море волнуется раз, море волнуется два
туда доходит осмелившийся, не осмелившийся не доходит
закрой глаза открой рот.
может, если я сделаю это или сделаю то, то.
за оказанную милость надо испытать благодарность, а не желать
большого. вообще-то
мне снится сон, где ты спрашиваешь: «ты что, кошек боишься?»
промывать рис, используя дуршлаг, или не промывать.
ему не нравится моя серая шапка, а ей нравится. а ему больше нра-
вится зеленая с розовым.
он говорит серая странная.
она реально странная.
надень сегодня странную шапку, ты же странная.
расскажи им смешную историю, ты же смешная.
да ладно, не высказывайся, конечно, ты же молчаливая.
купи йогурт на эритрите, ты же не ешь сахар.
согласись пойти на оппенгеймера, ты же живешь в фильме всегда
говори да. поехать на рынок — нет.
если они ругаются на улице — топать мальчонкой, плясать в снег под
ногами и шмыгая носом. если они ругаются в метро, она периодиче-
ски ищет меня глазами, чтобы я не отставала. если они ругаются у
нас в комнате — идти к холодильнику за третьей порцией сладкого,
сидеть в телефоне, периодически отвечая, как я интерпретирую то,
что сказал он или она или делал ли кто-то из них это или то. иногда
продираться сквозь текст, пытаюсь игнорировать звуки. на лекциях
это делать проще — мне всё равно, что говорят на лекциях и на лек-
торов всё равно.
потом они ласкаются и дурачатся, как крошки. никто больше не
анфан террибль
она моет полы, я выкидываю мусор. мы подкармливаем друг дру-
га. я не выгляжу старше, но умею сбивать градусник. уменьшитель-
но-ласкательные суффиксы захватывают мою речь. обретаю девоч-
ковость

бесценная информация:
кто с кем спал на курсе.
с прилизанными волосами и пучком, открытыми ключицами — буд-
то нагая.
мятную жвачку покинула сладость, жжет язык. некуда выплюнуть
была бы фруктовая какая-нибудь, начала бы растворяться во рту —
это хуже
два хвостика или две косички
у меня всегда есть вода
салфетки
прокладки
тампоны
портативка
провод тайп си
конечно, бери, не за что, конечно, бери, не за что, конечно, бери, не
за что
я хранитель и официальное лицо детской воды светлячок
олесь, дай попить
24 когда-нибудь попросит неприятный человек, выкину баклажку по-
сле пары. а пока целуюсь с ними, красивыми, добрыми, через бу-
тылку 1,5 литра нежно, любя.
олесь ты по срле прям умная. можно у тебя самостоялку списать?
называть институт школкой, ждать столовки на большой перемен-
ке. они просят жвачку, я даю, под партой он подставляет руку, она
выдавливает ему из пачки белую с редкими розовыми крапинками
шайбочку. она пишет мне скучно. мне тоже скучно, и мы начинаем
баловаться. после урока она забывает телефон, и я ворую его в кар-
ман пуховика. скажи ракета скажи сундук
самая тупая, заняла нашу парту
быть в ссоре, не разговаривать — что-то детское. потрясающе, что
взрослые люди вокруг меня так делают
она открывает дверь и говорит мне
тут скользко, аккуратно
она рассказывает мне про мужика, который в доме, где хинкальная,
сбивает сосульки на прохожих, и говорит мне
так что будь аккуратно
в плацкарте отчитываю старшеклассников за шум в два часа ночи
то, что способствовало расшатыванию детской психики: чрезмер-
ный просмотр телепузиков, чрезмерный просмотр абвгдейки; ре-

клама тайда с владимиром епифанцевым; лицезрение заляпанного после резни двора на улице барашева; походы в крытую часть центрального рынка, где мясо, кровь и сладкий запах и надо смотреть только вниз, на мокрую, в грязи и следах от ботинок плитку; некоторые папины знакомые и их жаркие квартиры

первая часть фильма «я, ты, он, она» очень близка к телу, но мне так тяжело его смотреть. отопления нет. мне нельзя иметь выходные, я распоясываюсь. стопроцентное пюре из яблочка и голубики. тремор после сна, я проливаю воду.

морщины носогубные

лоб

готовка половина дня, мытье посуды половина дня

раскладной стол из красного дерева, бордовая скатерть, заляпанные бежевые обои с флер-де-лисом

реклама сока фруктовый сад 2005, музыка из рекламы фруктовый сад 2005

я не стала женщиной — не научилась зимой ступать взрослой, гордой, уклюжей походкой. я шагаю по сугробам, как ф, заваливаюсь неликвидная

нежидкая, проверила свою вязкость

мама обводила губы темно-коричневым

я тоже обвожу

когда было десять, мы с самым первым другом сидели на вишневом дереве у футбольной коробки и слушали ильяну на моем черно-синем слайдере самсунг. когда было тринадцать, вышел сериал молодежка, и особенно сильно ощутилось противостояние двух женских лагерей. те, кто считают, что самые привлекательные — футболисты, и те, кто за хоккеистов. я всегда выбирала футбольчик. самые привлекательные — те, кто ходил в музыкалку, или те, кто ходил в художку. конечно, в музыкалку. спасибо, полина татьянина, но женский футбол+музыкалка это неправильная комбинация.

влюбленность в карие глаза невыносима, влюбленность в светлые глаза неизведанна

причины:

французский язык делает со мной это, потому что в детстве было

C'est pas ma faute,

Et quand je donne ma langue au chat,

Je vois les autres

и

C'est sa vie

Le rhum au mambo

Embouteillage

Il est comme ça

немецкий язык делает со мной это, потому что в детстве было

Sie will es und so ist es Brauch

Was sie will bekommt sie auch

Tiefe Brunnen muss man graben

wenn man klares Wasser will

воздушный рис, конфеты часики, конфеты малибу, конфеты шипучка.

она у вас такая бледненькая, проверьтесь на анемию

да не

она у вас такая послушная

да не

она у вас такая умная

да

она у вас такая красивая

да

26

карминовая консервированная вишня на розовом пирожном в кокосовой стружке. зонтик на трех шариках мороженого в стеклянной вазочке. клубничный молочный коктейль с воланами взбитых сливок.

с двоюродным братом в детстве мы играли в сегу, собирали колорадских жуков, воровали на огороде у соседей кукурузу и арбузы, чипсы в сельпо, смотрели эротику ночью по рен-тв и порноролики, которые качали на тегосе, ели макаронны с кетчупом и курицей, слушали кемикал бразерс. потом братик вырос дебильным

йодная сеточка, пипетка, марганцовка

я зрею, я вяжу шарф, а потом делаю чек ап в инвитро, покупаю корень барбариса и расторопшу, пью таблетки, и пью таблетки, и пью таблетки, и пью таблетки

анкета для девочек

знак зодиака: козерог

знак восточного гороскопа: дракон

любимый фрукт: мандарин

любимый цвет: голубой

любимый школьный предмет: биология

3000

An instantaneous and strong impulse moved him to battle with his desperate fate. He would pull himself out of the mire; he would make a man of himself again; he would conquer the evil that had taken possession of him. There was time; he was comparatively young yet¹.

O. Henry, «The Cop and the Anthem»

Теперь и я не могу запомнить своего лица.

Человек, который зачал меня, жена которого родила меня и затем ушла от него из-за его тревожности, при мне (если мне не изменяет память) всегда был веселым и понимающим — если сравнивать с другими. Он, как и я, не мог назвать кого-либо дальше к себе или ближе. Когда кому-то из нас вдруг становилось очень тяжело, другой из нас слушал и давал наставления, меня всё это раздражало, оскорбительная ссора, и некоторое время спустя кому-то из нас вдруг становилось очень...

Теперь и я не могу запомнить своего лица.

Человек, который зачал меня, жена которого родила меня и затем ушла от него из-за его тревожности, при мне (если мне не изменяет память) всегда был веселым и понимающим — если сравнивать с другими. Он, как и я, не мог назвать кого-либо дальше к себе или ближе. Когда кому-то из нас вдруг становилось очень тяжело, другой из нас слушал и давал наставления, меня всё это раздражало, оскорбительная ссора, и некоторое время спустя кому-то из нас вдруг становилось очень...

Скучно любить того, кто не создает неудобств. Чувства наши взаимны. Один из его частого круга умер, про того одного рассказывали (я внимательно слушал), он выкрикивал бредовые мысли и фразы, когда еще был жив, а в день своей смерти оказался мирным и таким с открытыми глазами и уснул, а затем умер. Я не знаю, зачем пристал

¹«Немедленный и мощный импульс вынудил его бороться с безнадежной судьбой. Он бы вытянул себя из трясины, он бы снова сделал из себя человека, он покорил бы зло, которое им овладело. Время было, он был сравнительно молод еще». (— *Примечание автора.*)

² Автор не посчитал необходимым называть имя, потому что не запомнил. До этого описанного момента он был знаком с похожими каналами, и когда мы их обсуждали, он вечно путался. Но его видение всегда звучало так естественно, что становилось страшно попытаться перебить. (— *Примечание друга автора.*)

РУБЕН ХУДАВЕРДЯН

27

с этой смертью, как не от разлуки. Жёны общих знакомых при моих повторах становились как будто заводными, их мужья незаметно для всех оставались в себе, и кто-то обязательно сначала смеялся от мема (понятного еще только ближайшим коллегам), кто-то еще спрашивал, первый отвечал, и новый разговор разрастался. Оставались нетронутыми моими словами только он и я.

Должен сказать, что не считаю этого человека хуже меня. Тем же вечером он предложил мне блогера, с юмором обозревающего новости². Я вернулся на съемную квартиру предельно трезвым, подготовил всё ко сну, как посмотрю, помылся, вытер голову, открыл окно и перешел по ссылке к последнему выпуску новостей. Непомерная гордость, хорошо подкованный язык, шутки плоские и переходы между новостями, типа, смотрите, как могу. Где откровенность, а где юмор — непонятно, отношение ко всему приходится самому выбирать. Я не заметил, как скоро закончилось видео, и до звонка первого будильника осталось только пять часов. Проснулся с ватой вместо горла и позвонил человеку, который зачал меня, чтобы сказать, что заболел. Он сказал, что тоже.

Болезнь (что мне не свойственно) я переносил тяжело. На фото и видео с путешествий человека, который зачал меня¹, отвечать были силы только реакциями: огонь, класс, сердечко. Но занятия мои продолжались. Я требовал от учеников не выключать камеру и сам придерживался этих слов, затем цепь ответов и вопросов, «Oh, I am so sorry!..» или «I hope you'll recover soon!», и остальное. Значимая часть времени уходила на заваривание чая, внебодрствование, выпивание чая, лекарства, и по ночам, иногда, я видел, как он лежит мертвым, я все говорю и говорю ему, и сон заканчивается, когда я, поднимая голову, обнаруживаю напротив себя скулящую дворнягу.

Скоро я снова мог чувствовать себя правда неплохо, я мог бы вернуться домой, но во внезапных подъемах мы совершаем всё. По словам того человека, я наисчастливейший. Ощувив в себе как будто невесомость, я написал друзьям (которые уже долго предлагали), и через несколько дней мы снимали вулканы Камчатки с вертолета². Совершенно внезапно случился извержение из самых недр, нас бы ничто не спасло. Там одна подруга (которая считала непрекращающийся риск «лучшей формой стабильной жизни и настоящего успеха») сделала мне предложение: она предложила мне эмигрировать в

1 В этот период болезни автора мы много списывались о его чувствах. Он часто думал о том, что его родитель намеренно совершает то, чего сам автор никогда бы не стал делать. И хотя с моей стороны никакие разубеждения не помогали, он как будто забыл свои слова и вскоре сам начал собираться на Дальний Восток. (— *Примечание друга автора.*)

2 Тут автор имеет в виду своих покровителей. Заработавшие достаточно денег, те люди находили в авторе рупор своей интуиции. Почти как и я, они очень любили его. Какая-то женщина предлагала пересечь их и отцовский маршруты на Курилах, но к тому моменту его телефон уже болтался течениями, а автор каждый раз одинаково бесстрастно отвечал: «У меня нет номера». (— *Примечание друга автора.*)

Штаты и вести блог о правде жизни. Я попросил время подумать.

Есть древнекитайская практика самомумификации. Давным-давно один японский буддист узнал о ней, перенял ее, она распространилась и на другие азиатские страны, а в один момент дошла и до России. Я узнал о трех тысячах дней от бывшего военного, теперь русского язычника (и не только) и дальнобойщика. Суть соксимбуцу (говорил он) в том, что ты доводишь себя до состояния, при котором никогда не разложишься из позы лотоса. Много кто пробовал, удалось двадцати четверем.

Еще не совсем вечер и, тем более, не сумерки. Нас остановили на бывшей научной станции, в скромном деревянном домике, принадлежавшем уже умершему метеорологу. Размещались, готовились к обедуужину. Мой дальнобойщик курил у машины и смотрел в сторону сине-розового моря. Я подошел к нему.

— Можно с вами?

— Спрашиваешь!

Он протянул мне черную пачку «Космоса» и дал огонька.

— Ох-х, я говорил Андрею, дальше нужно.

— А что тут не так?

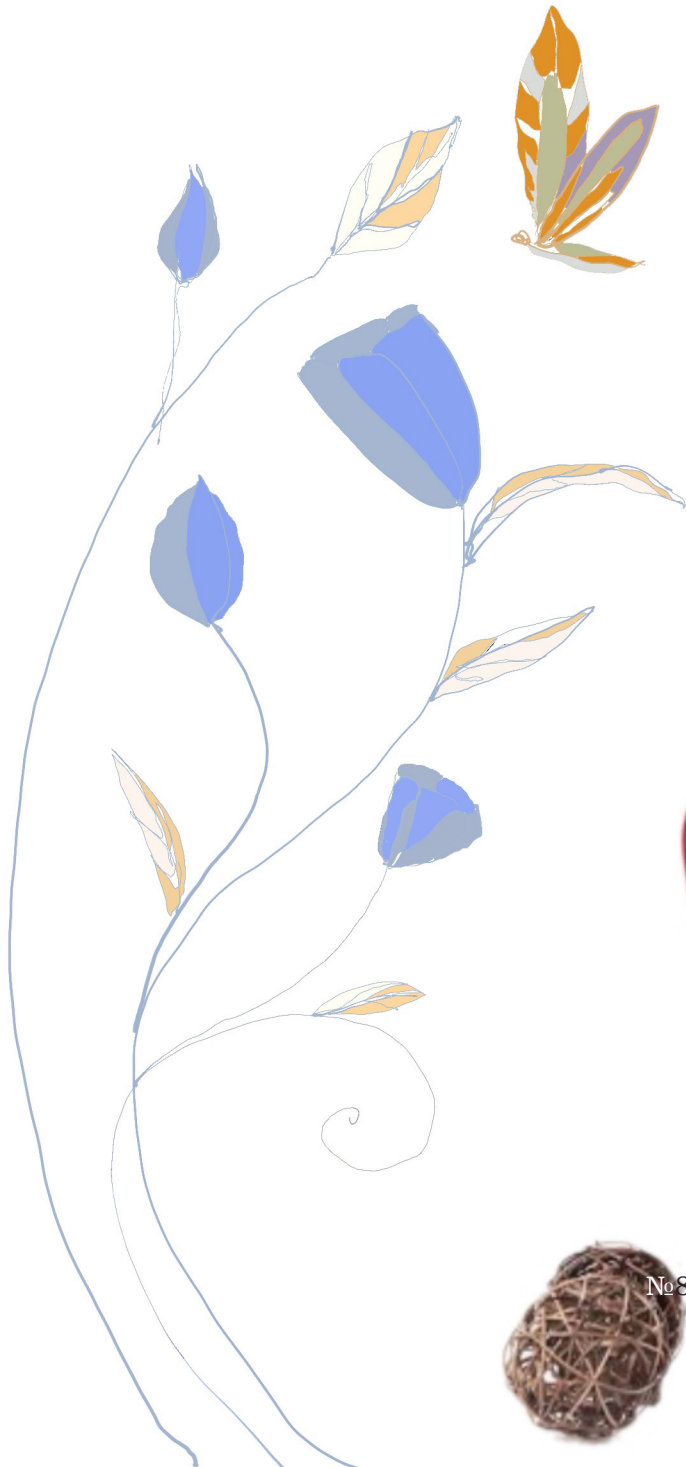
— Да вот... — он махнул рукой в сторону дома. Флюгер, торчащий из угла двускатной крыши, то замедлялся, то ускорял свое движение. — А что говорить!

— Можете объяснить подробнее тот способ...

Как будто внезапно он сразу понял всё, и просто, спокойно, но рассказал³.

³ За два дня до исчезновения автора отец ему написал: «Привет. Не могу дозвониться». Первые тысячу дней автор питался орехами, ягодами, древесной корой и прочим от леса. Вторая тысяча дней прошла на коре и корнях. Третья тысяча дней прошла в питии чая из сока лакового дерева. Он много потел и вырывал. Когда прошла последняя тысяча дней, он сел в каменный склеп в позу лотоса. От дальнейшего лучше воздержусь. (— *Примечание.*)

НАТАЛЬЯ АНИСКОВА
Родилась
в Новосибирской области,
окончила университет
в Новосибирске.
Занимается
академическим рейтингом
и дизайном. Несколько лет
пишет прозу.

Ослиная шкура

1988, Денис

Катей ее звали. Когда я впервые попробовал ее имя на вкус, мне показалось, что во рту, под языком, прокатилось что-то свежее и мятное. Я даже зажмурился, а секунду спустя понял, что мята — это вкус ее темно-русых до плеч волос. Именно так: вкус, а не запах. И вкус этот именно прокатился. «Катить – Катя», — мысленно произнес я и удивился, что никогда не задумывался над такими вещами раньше.

Была Катя среднего роста, с ладно сбитой фигуркой, ясными серыми глазами и трогательными ямочками на щеках. Еще она была улыбочива и дружелюбна. А еще... Еще я влюбился в нее, если и не с первого взгляда, то, наверное, со второго.

В летнем лагере, разбитом на берегу реки Ивдель, в десяти километрах от городишки с таким же названием, мы, второкурсники Томского педвуза, работали пионервожатыми. Вчетвером: кроме нас с Катей была еще смешливая конопатая Наташка и молчаливый, скупой в движениях Ринат.

От подъема до отбоя приходилось крутиться хлеще белок в колесе, и урвать час-другой расслабухи можно было лишь поздним вечером. Лагерь затихал, и мы вчетвером садились вокруг костра, болтая обо всем и ни о чем под монотонный звон мошки.

Всякий раз, волоча к костру очередную охалку хвороста, я думал, что вот сейчас отзову Катю в сторону и скажу ей. Иногда мне удавалось связно построить в уме те фразы, что собирался сказать. Пару раз я даже, вывалив хворост, набирал в грудь воздуха и фразы эти начинал. И всякий раз, стоило Кате вскинуть на меня глаза, осекался и принимался натужно хохмить, а то и нести, запинаясь, первую пришедшую в голову чушь. Конопатая Наташка, готовая прыснуть, покажи ей указательный палец, залиvisto хохотала. Ринат хмурил густые татарские брови, а Катя поправляла волосы и молча улыбалась.

Так было до тех пор, пока к нам не зачастили гости.

Глядя на Кравцовых, трудно было предположить, что они братья-погодки. Старший, Клим, — высокий, белокурый и синеглазый, с виду настоящий мажор. И младший, Толик, неторопливый коренастый крепыш, коротко стриженный, смуглый и кареглазый.

— Местные мы, — залихватски подмигнул мне при знакомстве Клим и размашисто хлопнул по плечу. — Ивдельские мы, простые, серые и заскорузлые, как те лапти.

Толик смущенно улыбнулся и робко протянул руку. Серыми

и заскорузлыми братья не были. Простыми тоже. Оба учились в Свердловском университете, а в Ивдель, на родину, как говорил Клим, наезжали на каникулы. Наезжали на новенькой девятке, доставшейся от щедрот отца.

В первый свой визит братья пробыли у нас недолго, но, вернувшись на следующий день, Клим заявил, что ему здесь нравится. Из багажника Кравцовы споро извлекли походную финскую палатку, рыболовные снасти, гитару, две бутылки марочного вина и ящик с водкой.

— Для бабцов, — пояснил Клим, жонглируя винными бутылками. — А это, — кивнул он на водку, — для нас.

— Не окосеешь? — хмуро поинтересовался Ринат.

Клим не ответил, велел Толику расставлять палатку и принялся настраивать гитару.

— Как у нашего Рината взорвалась в саду граната, — выдал он.

Конопатая Наташка расхохоталась, и Клим мгновенно сменил репертуар.

— Наташа, Наташа, три рубля — и наша.

32

Смех прекратился, Наташка опешила. Ринат, набычившись и сжав кулаки, шагнул вперед.

— Ты чего, обиделась? — изумился Клим. — Это же частушка.

Он неожиданно отбросил гитару в сторону и, повалившись на колени, принялся колотить лбом о землю.

— Прости юродивого-о-о!

Толик, распрямив спину и смущенно улыбаясь, принялся объяснять:

— Дурачок у меня братишка. Но не полный, а так — недоумок.

— Полудурок, — поправил с земли Клим, и Наташка расхохоталась вновь.

Вечером пили водку, закусывали привезенными братьями копченостями, потом танцевали под гитару. А затем Клим отдал инструмент Толику, поднялся, подбоченился и бросил:

— Танго!

Только теперь мы поняли, что настоящий гитарист не он, а младшенький. Как Толик играл! Мастерски, с переборами и переливами, не меняясь в лице, сосредоточенно и серьезно.

Клим прошел по кругу, пританцовывая, а потом резко нырнул в сторону, выдернул из темноты Катю, привлек к себе и властно повел, закружил в ритме музыки. Спологи света от костра падали

на запрокинутое Катина лицо, и ее глаза стали вдруг шалыми, а у меня защемило под сердцем, и кто-то вкрадчивый, ехидный шепнул на ухо: «А что ты хотел? Думаешь, он сюда ради тебя приехал?»

Следующие трое суток я промучился ревностью и бессонницей. Лежа на спине, вслушивался в ночные шорохи и скрипел зубами от едва сдерживаемой злости.

На четвертый день Катя, к моей вящей радости, объявила, что от танцулек она устала, и мы, рассевшись вокруг костра, принялись по очереди травить байки. Вскоре, однако, темы истощились, и общим вниманием завладел Клим, один за другим загибая нескромные анекдоты. Наташка без устали хохотала, Катя ей изредка вторила, Ринат, как обычно, хмурился, а Толик растерянно улыбался, словно хотел сказать: «Вот такой у меня братик, недоумок, что взять».

— Надоело, — прервал я наконец Климов поток непристойностей. — Давайте о чем-нибудь посерьезнее.

— Легко, — согласился Клим. — Посерьезнее так посерьезнее. Вот, например, фильм про Фредди Крюгера кто смотрел?

Крюгером оказался маньяк, мучивший детей по ночам. От него перешли к привидениям, затем к колдунам, от них к вампирам и зомби.

Толик по обыкновению молчал, и лишь когда остальные иссякли, спросил тихо:

— Хотите, я про аномальную зону расскажу?

Рассказчиком он оказался еще лучшим, чем гитаристом. Неторопливо, детально и с выражением Толик поведал нам о чудном месте, называемом Золотыми Воротами и находящемся по сибирским меркам неподалеку — километрах в ста.

— На реке Вижай, — неторопливо говорил Толик, — каменные ворота врезаны в береговой склон. Неподалеку поселок есть, тоже Вижай. Раньше там зона была. «Ивдельлаг», — многозначительно добавил Толик, и все понимающе кивнули. — Сейчас просто поселок, работяги живут и старые манси.

— Кто такие манси? — полюбопытствовала Катя.

— Косоглазые, — встрял Клим. — Типа чукчей.

Толик с неудовольствием посмотрел на брата и продолжил:

— Говорят, кто один раз в те ворота пройдет, с тем непременно случится что-нибудь скверное, — Толик замолчал.

— Ну же, договаривай! — загорелась Наташка. — Что скверное?

— Всякое говорят. Бывает, заболевает человек. Бывает — с ума сходит. А бывает, что и того, — Толик потупил взгляд. —

Насмерть.

— И что, ты этому веришь? — насмешливо спросил я.

— Верю, — Толик вскинул глаза. — Я в этих краях родился, всякое видел. И ворота те видел, только войти не посмел. А еще говорят, болезни, психозы и смерти только на первый раз бывают. А на второй — исчезает человек. Манси говорят, его духи под землю уволакивают.

— Какая ерунда, — угрюмо буркнул Ринат. — «Духи», — передразнил он Толика и покрутил головой. — Я чуть было не поверил.

— Ну, и напрасно не поверил, — сказал вдруг Клим. Очень серьезно сказал, так серьезно, как еще не говорил ни разу.

1610, Ойко

Смерти вогульского князя Ойко ждал несколько лет. Каждый месяц он камлал в своем чуме, спрашивая у духов, когда же, когда Салтык отправится в нижний мир. И вот время пришло. Три недели назад Ойко увидел в пламени костра, как старый князь проходит через камень. Наутро шаман кликнул тощю Енько и Потти-рыбака, наказал собираться в дорогу.

34

Быстро шли, за пять дней добрались к Вижаю. Затаились. Потти сделал маленький шалаш из лапника, там они с Енько и сидели. За камнем Ойко сам наблюдал. Забирался на дерево и смотрел, не покажется ли Салтык. Может, Потти и хороший рыбак, но в остальном простой, как ребенок. Или не узнает вогульского князя, или себя обнаружит, или еще какую глупость сделает. Про Енько и говорить нечего — та умом тронулась после того, как с лесным духом встретилась. Или не дух это был, а просто чужой человек из крови и мяса... В любом случае, вернулась Енько из леса чуть живая, а через несколько месяцев родила неживое и соображать совсем перестала. Так что Ойко сидел на дереве, сливаясь с ветвями, пока солнце не начинало клониться к закату. Ночью-то через камень никто не ходит, можно не следить.

Дождлся Ойко. Как-то утром заревели дудки из лосиных костей — так вогульский шаман отгонял злых духов от камня. Рев приблизился, аж в ушах заломило. Ойко крепче ухватился за ствол. Вогульский шаман вышел из леса, остановился на берегу, сложил два костерка у камня и запалил их. Следом приковылял князь. Он был очень старый, князь Салтык. Он долго жил и славно правил. А теперь, когда нижний мир звал князя, он готовился всё передать сыну.

Ойко замер, аж дышать перестал, когда Салтык повернулся к реке спиной и шагнул в каменное лоно. Он вышел к лесу лицом,

и Ойко выдохнул. Князь совсем сгорбился и медленно побрел к лесу. Когда вогулы ушли, Ойко соскользнул на землю и припустил к шалашу.

— Айда!

Втроем они тихонько выбрались на берег реки. Костры, которые запалил вогульский шаман, еще горели.

— Иди, Потти, — подтолкнул Ойко рыбака. — Выйдешь с той стороны и жди нас.

Тот безропотно шагнул вперед. А вот Енько замотала головой, а когда Ойко направил дурную бабу вперед, заскулила.

— Иди, иди, Енько, там не страшно, — увещевал Ойко.

— Бою... Боюсь... — подвывала она в ответ.

В конце концов Ойко взял придурковатую за шкирку, подтащил к камню и пихнул в проход. Енько пулей вылетела наружу, к Потти. Это ничего, думал Ойко. Всё сделано. Следующий князь и не поймет, что Потти забрал его наследство, когда пойдет через камень. А через несколько месяцев остяки двинутся войной на вогулов. И победят их, как тот лесной дух — или человек — победил Енько.

1988, Катя

Наступил последний день смены. К обеду разъехались дети, и в лагере повисла звонкая до одури тишина. Ринат с Наташкой убирали столовую, а я наводила порядок в игровой комнате. Дверь скрипнула. Денис стоял у входа и переминался с ноги на ногу.

— Давай помогу, Кать?

— Помоги, конечно.

В четыре руки мы разложили по коробкам конструкторы и мозаики, собрали кукол и плюшевое зверье, загнали в гараж под столом машинки. Мы почти не разговаривали, нам и не нужно было. Уютно и покойно, как будто... как будто мы убираем игрушки своих детей.

— Катя!

— Да, Денис?

Он сидел по-турецки на полу и прилаживал колесо к танку. Русые волосы, подстриженные ежиком, выгорели на солнце до золотистого цвета. Выгорели и брови домиком. А в серо-бирюзовых, как море, глазах плескалось что-то несказанное. Мне захотелось подойти и коснуться рукой ежика волос, так захотелось, что я уже шагнула вперед. Дверь распахнулась. В игровую вбежала Наташка.

— Вот вы где! А я уже обыскалась, бегала-бегала... — тараторила она. Я не слушала. Денис поднялся, поставил танк под

стол и вышел.

Вечером, как водится, сидели у костра и обсуждали в последний раз, что взять с собой. Рассказ Толика об аномальной зоне долго не сходил с языков, и в конце концов мы условились добраться туда, к Золотым воротам, когда закончится смена. Утром явились братья Кравцовы: похожий на большого плюшевого медведя Толик и нахальный красавец Клим. Было решено идти вшестером. Толик поначалу отговаривал нас, убеждал, что это опасное дело. Куда там! Клим настаивал, что это чудо природы каждому стоит увидеть, и рвался показать чудо нам. В конце концов Толик махнул рукой, и на лице у него было написано: «Придется и мне за тобой, недоумком, присматривать».

Лес шумел, постанывал, шелестел листьями, шуршал подшерстком травы под ногами. К мошке привыкли, и надсадный звон вскоре стал привычным, как дыхание за спиной. Первым шел Клим, за ним шагала Наташка, следом за ней Ринат, потом топала я. Позади меня шел Денис, а замыкал процессию Толик.

К вечеру мы выдохлись, и когда в березняке вдруг открылась полянка, встретили ее с восторгом. На краю поляны стояли два больших тополя, растущие из одного корня — как растопыренные пальцы.

36

Солнце медленно закатывалось на покой; мы сидели у костра, вытянув гудящие ноги, и лениво перебрасывались репликами. Негромко булькал котелок с водой, было уютно и хорошо, но отчего-то меня не оставляло тягостное предчувствие.

Уютно и хорошо быть перестало, когда Клим в очередной раз прошелся насчет «косоглазых манси, которые чукчи».

— Еще раз скажешь про косоглазых, дам в морду, — медленно цедя слова, проговорил Ринат.

— Ты мне? — изумился Клим. — А ну, попробуй.

Ринат вскочил, оттолкнул пытавшегося его удержать Дениса и метнулся к Климу. Тот пружинисто распрямился навстречу. Положение спас Толик. Я даже не заметила, как он успел оказаться между готовыми задраться парнями.

— Извини, — примирительно улыбнулся Ринату Толик. — Язык как помело, — обернулся он к брату.

— Что есть, то есть, — легко согласился Клим, отстранил Толика и сказал дружелюбно. — Ну, давай, врежь мне по мордасам, заслужил.

Ринат хмыкнул, и вскоре мы разошлись по палаткам.

Каждое утро Ринат встречал Наташку новой беззлобной

дразнилкой: то «букашка», то «простоквашка», то «промокашка». Наташка всякий раз хохотала в ответ. Этим утром Ринат нашел новую рифму.

— Наташка-растеряшка, — весело сказал он.

— Отстань, а?

Ринат оторопел, а Наташка отвернулась и заулыбалась, едва из палатки выбрался Клима.

После завтрака мы навьючили на себя чуть полегчавшие рюкзаки и двинулись вперед. Наташка, стараясь держаться около Клима, отчаянно щебетала. Ринат шел молча и даже на вопросы не отвечал.

Ночевать остановились на поляне, посреди которой стоял камень. Откуда ему в лесу взяться — здоровенному, красно-бурому, похожему на лошадиную голову?.. Ринат обошел диковину вокруг, а потом выдал нам целую лекцию по геологии. По словам Рината выходило, что камень торчит здесь едва ли не с докембрийской эры.

Денис не согласился. Его ответная тирада сводилась к тому, что каменюка не докембрийская, а гораздо моложе. Ринат возразил, и слово за слово из геологического спора вышел скандал. Красные и взъерошенные, парни орали друг на друга. Денис подскочил и схватил Рината за грудки.

И вновь, с неожиданной для плюшевого медведя ловкостью, между парой задир вклинился Толик.

— Ша, ребята, — заговорил он с комичным прононсом. — Научный спор такого азарта не требует.

Ринат помотал головой и взглянул на Дениса исподлобья. Тот медленно выдохнул.

— Ничья, — улыбнувшись, подытожил инцидент Толик.

На третье утро хмурыми были все. Толик в попытках разрядить обстановку рассказывал анекдоты, но успеха не имел. Позавтракали, собрались и двинулись по маршруту дальше. На исходе дня наткнулись на охотничью избушку, в ней и остановились ночевать. Маленький приземистый домик был почти пуст: печка-буржуйка, стол, двухъярусные нары по стенам. Мы выбрались на поляну и разожгли костер.

— Почти как избушка Бабы-яги, — сказала Наташка, указывая на домик.

— Почему? — поинтересовался Денис.

— Да так. Только курьих ножек не хватает.

Жутковато стало и показалось, будто в темноте, за спинами,

кто-то ворочается и шепчет. Я передернула плечами.

— Страшно? — сидевший рядом Клим потянулся, как будто собрался обнять.

— Немного.

Я подняла глаза на Дениса. Ну что же ты?..

Денис смотрел на Клим, странно смотрел, как не видя. Ну, раз так... Я придвинулась чуть поближе к старшему Кравцову, и его рука нашла мое плечо. Ох, если бы это был Денис. Тогда можно было бы придвинуться чуть ближе и... он бы меня обнял, наверное.

— Трусиха ты, Катька, — процедила Наташка. — И зачем только с нами пошла?..

— В каком месте я трусиха?

— Я твоей анатомии подробно не знаю, — противно хихикнула Наташка.

— Ты... Ты что несешь?

— Не поняла? Бабы-яги испугалась и сразу к мужику под бочок.

Я оторопела. Подобной выходки я не ожидала, тем более от смешливой, дружелюбной Наташки.

— А ты, похоже, завидуешь, — бросила я в запале.

— Кому? — фыркнула Наташка. — Лупоглазой шалаве?

— Да ты сама шалава! Сучка конопатая!

Наверное, мы бы подрались, не выручи в очередной раз Толик.

— Вы что, красавицы? — вмешался он в перепалку. — Только женского бокса нам тут не хватало. А ну, мириться. Завтра сплавляться будем...

Поселок Вижай оказался маленькой угрюмой деревенькой: покосившиеся некрашеные заборы, бревенчатые дома, пара кирпичных зданий с обязательным красным флагом на крыше.

Река была сразу же за крайней околицей, без всякого причала — просто берег обрывался в воду. Клим с Толиком ушли и вернулись втроем с мужичонкой затрапезного вида. Клим сунул ему в ладонь несколько купюр, и тот долго, слюня пальцы, их пересчитывал. Затем закосолапил по кривой, наполовину заросшей тропе, мы гуськом двигались вслед.

Мужичонка помог столкнуть в воду две лодки, старые, с облупившейся краской. Принес весла, вновь пересчитал купюры, почесал в затылке и сказал, что всё-таки маловато будет. Клим добавил еще, затем мы наконец отчалили и двинулись вниз по Вижаю.

Действительно, стоило идти сюда три дня, чтобы увидеть: лес поднимался по берегам зубчатыми стенами, переливаясь оттенками зелени, величественный, суровый. Ребята менялись на веслах, но грести особой нужды не было: на гибкой спине реки лодки чуть покачивало и быстро несло вперед.

Весь путь занял часа два. Обогнули очередную излучину и враз увидели Ворота: скала выдавалась из берега, на ней высилась каменная арка. Грубая, не похожая на творение человеческих рук. Но и на природные камни не похожая тоже.

1998, Денис

— Заключенный Белов, Денис Андреевич.

— Я.

— К начальнику лагеря!

В кабинете начлагеря или, пользуясь терминологией контингента, в кумовской, было тепло, светло и сухо. Сам начальник, он же, по-зэковски, кум, восседал за служебным столом под портретом Ельцина, курил и, морщась от дыма, перелистывал подшитые в картонную папку бумаги.

— Садись, Белов, — кум, не глядя на меня, кивнул на табурет. — Документы на тебя пришли. Приказ подписан, через неделю выйдешь на волю. Ну так что, на свободу, как грится, с чистой совестью?

— Она у меня и здесь чистая, гражданин начальник.

— Ну-ну, — кум покрутил головой, задавил окурком в пепельнице. — Как жить-то дальше думаешь? — поднял он на меня взгляд.

Я пожал плечами. Как жить дальше, я не знал. Понятия не имел. Но одно знал точно — зачем.

На зоне, в исправительной колонии усиленного режима в четырехстах километрах от Красноярска, я отмотал десять лет. Столько определил мне самый гуманный в мире советский суд в наказание за преступление. За умышленное убийство, которого я не совершал.

За эти десять лет не было ни единого дня, когда бы я мучительно не пытался понять, что произошло тогда, на излучине реки Вижай, в месте, называемом Золотыми Воротами. Сотни, нет, тысячи раз я восстанавливал в памяти события того дня. По минутам, едва ли не по секундам.

Мы обошли вокруг причудливого каменного свода, затем спустились к реке. Девчонки глядели на арку, поживаясь.

— Неуютно здесь, правда? — спросила Наташка.

— Красавицы, да вы что, боитесь? — изумился Клим.

Катя кивнула.

— Ну тогда смотрите смертельный номер! Проход живого человека через аномальную зону! Кто здесь не ссыкло? — взглянул на парней Клим.

И я подскочил, подбежал к каменной арке и шагнул в нее. Вышел к лесу, обернулся и победоносно помахал рукой.

На привал устроились в сотне метров ниже по течению. В сумерках, как обычно, разожгли костер. Ринат кашеварил, Клим отпускал обычные сальные шуточки, Толик растерянно улыбался, а я тонкими слоями нарезал копченое мясо и думал о том, что через три дня мы вернемся, разъедемся и, вполне возможно, я больше никогда не увижу Катю.

— Хороший у тебя нож, Дениска, — сказал, отмочив очередной анекдот, Клим. — Дай посмотреть.

Нож был и вправду неплохой: тяжелый, складной, с хищным акульим лезвием. Я купил его на барахолке у детины в потертой камуфляжке, который уверял, что нож — всамделишный десантный и вволю попил душманской кровушки.

40

Я дорезал мясо, убрал нож в карман и сказал Климу, что перебьется. Тот ничуть не обиделся и завернул про монашенку и гомосексуалиста. Наташка расхохоталась, Катя заметила, что никогда не видела живого гомосексуалиста, а Ринат угрюмо позвал всех ужинать.

Ели молча, даже Клим не проронил ни слова, и мне внезапно показалось, что назревает, готовится нечто скверное. Видимо, подобное предчувствие было не у одного меня, потому что сразу после ужина, едва залили костер, без слов решили не продолжать и разойтись по палаткам.

Проснулся я посреди ночи, внезапно. Рывком сел, с минуту боролся со сном, затем нашарил фонарик. Зажег, быстро провел лучом по фигурам спящих. Я помню, как ухнуло, пребольно ударившись о грудину, сердце. Свернувшись калачиком, беззвучно спал Ринат, похрапывал разметавшийся в расстегнутом спальном мешке Толик.

Климане было, и дурное предчувствие заставило меня вскочить. Наскоро одевшись, я выбрался из палатки наружу. Минуты две стоял, дрожа на ветру и вслушиваясь в вязкую таежную тишину. Стоял до тех пор, пока не услышал вскрик, который оборвался, словно кричащему перекрыли глотку. Я замер, и мгновение спустя вскрик повторился, на этот раз совсем короткий. Подсвечивая под ноги фонариком, я бросился на голос.

На обрывающейся к берегу лесной опушке Клим прижимал к сосновому стволу Катю. Луч фонаря вырвал из темноты его перекошенное лицо и ее, бледное, искаженное. Отшвырнув фонарь в сторону, я кинулся на Клима.

Мы сцепились, повалились на землю и покатались по береговому склону к реке. Сходу вмазались в прикопанную в песок лодку. Отчаянно закричала Катя, а мы с Климом, вскочив на ноги, кинулись друг на друга. Он был сильнее, я пропустил удар в лицо, за ним другой, третий. Из рассеченной брови хлынула кровь и враз залила глаза. Не знаю, удалось ли мне хоть раз его достать, так или иначе, через минуту между нами вклинился Ринат, за ним Толик, и нас растащили в стороны.

Клим, матюгнувшись напоследок, ушел, а я, вырвавшись из рук Рината, пошагал по берегу прочь и продолжал идти, не обращая внимания на окрики оставшихся. Жутко болела голова, ныла зашибленная челюсть, а еще донимала злость на самого себя.

Какое твое дело, твердил во мне внутренний голос. Тоже мне, герой-любовник. Девчонка на тебя ни разу не посмотрела и ушла с ним сама, не силком ведь он ее тянул. И тут, откуда не возьмись, появляется мститель. Д'Артаньян хренов.

Я присел на влажный поваленный ствол и просидел так не менее часа. Затем, стиснув зубы от унижения и стыда, отправился обратно.

— Пришел, наконец, — приветствовал меня Ринат. Они вчетвером сидели вокруг костра. — Давай, присоединяйся, драчун. А второй где?

Клима у костра не было. Не явился он и под утро, и когда уже совсем рассвело. Толик с Ринатом отправились на поиски и обнаружили его в двухстах метрах от палаток. Клим был мертв.

Согласно судебной экспертизе, смерть наступила от проникающего удара острым колющим предметом в сердце. Этим предметом оказался мой нож, который и извлекли из тела. Нечего говорить, что на рукоятке обнаружили отпечатки моих пальцев. И не обнаружилось ничьих иных. Меня водворили в камеру следственного изолятора, где я и просидел до суда. А там... там, в зале, были со смесью презрения и жалости глядящий на меня Толик и с ужасом и отвращением — Катя. Так, по крайней мере, мне казалось со скамьи подсудимых.

1786, Игнат

Над Вижаем собрались толстопузые тучи, готовые вот-вот разродиться от водного бремени. Игнат глянул на небо, сплюнул. Он уже не помнил, сколько дней пробирался лесом, голодный,

оборванный, со сбитыми ногами. Он почти забыл, зачем тащится к Переход-камню. Пожрать бы да выспаться в тепле...

О Переход-камне рассказала Игнату знахарка-вогулка из Конды. Лет пять назад по дороге в Невьянск молодого тогда мастерового скрутила лихоманка. Попутчики оставили Игната у знахарки и двинули дальше. Он же, выплыв из вязкого болезненного марева, лежал на лавке, пил горькие травяные отвары да вполуха слушал бесконечные вогульские сказы, на которые щедра оказалась старуха. Ничего не запомнил Игнат, одна только история о Переход-камне, на котором свою судьбу можно сбросить да новую взять, намертво вгрызлась в память. Тогда подумалось: грех это, грех и бесов искус — сменять судьбу, как шкуру змеиную. Теперь Игната не смущал такой грех: столько повисло на шее новых, своих, чужих, вольных да невольных.

Игнат Михайлов, демидовский мастеровой, смолоду был парень трезвый, даром, что не старовер. Нагляделся сызмала на отца, вот и не брал хмельного в рот больше чарки-другой по праздникам. Табачного зелья Игнат чурался, в драку зря не лез. Вот на работу молчаливый, букватый мастеровой был и сноровист, и жаден.

42

У такого тихого да упертого парня завсегда сыщется думка заветная, придет время — она и явью обернется. Нашлась у Игната такая думка, как не найтись. Луша, дочь заводского мастера, лицом выдалась будто не в мать и не в отца, а в проезжего молодца. И невяньские, и пришлые парни столбенели, ее завидев. К такой девке с голым задом не посватаешься, но Игнат на заводе не штаны протирал. Набрался он духу и на святках отправил сваху к мастеру. И получил, получил согласие!

У Игната тогда в груди стиснулось, а потом закричать захотелось, на весь Невьянск. Он свахе рубль сверху дал, поблагодарил от души, но еще что-то нужно было сделать, так радость из него наружу рвалась. И Игнат зашел в кабак. Как зашел — помнил, как выпил первую чарку — помнил. А как выходил оттуда — не помнил. Очухался Игнат наутро в переулке за кабаком. Рядом с ним лежал окровавленный нож, а чуть поодаль — мертвый Митька Щелкунов. Околоточный долго не думал — чего тут думать. Заковали Игната в колодки да отправили в острог. Только дотуда он не добрался: ночью, когда колодников расковывали, выбрался из сарая, дал казаку по уху и рванул к Вижаю искать Переход-камень.

И вот теперь за спиной у Игната бежала холодная сивая вода, а перед ним торчала скала с дырой посередине, похожей на бабью... Игнат сглотнул и потряхнул головой. Была не была. Раз уж

добрался, надо лезть в эту дыру, хоть бы даже на чертову сраку она походила. «От реки к лесу идти, от реки к лесу, или не возьмет и не даст», — бормотала старая вогулка. Он поднялся к скале и шагнул вперед. Вышел из каменного створа, огляделся. Ну как, все еще беглый колодник Игнашка Михайлов или уже нет?..

На мертвого Игнат наткнулся через полдня. Тот лежал, придавленный упавшей сосной, а по удивленному лицу споро ползли мелкие черные муравьи. Игнат опустил на колени и оглядел мертвеца. Заметил справный армяк, крепкие сапоги, небольшую суму за плечом, потом перевел взгляд на свое колодническое тряпье. Задыхаясь и поминутно оглядываясь, Игнат раздел мертвого донага. Потом скинул заскорузлые тряпки и выломал сук покрепче.

Беглый колодник Игнашка Михайлов остался лежать под сосной с разбитой в кровь башкой. К вогульской деревне вышел мещанин Яков Иванов. За несколько медяков — нашлись в суме — вогулы подрядились на лодке доставить его до Иркутска. Частоколом топорщились по берегам ели, вздымались каменными кулаками скалы. Когда река вывернула вбок, на берег будто выкатилась чудная скала с дырой посередке.

— Диво какое, — кивнул мещанин.

— Дурное место! — замахал руками вогул. — Нехорошо! Нельзя туда!

2003, Денис

Рината Имрекова я нашел через пять лет после выхода на свободу. Нашел в Казани, в занюханной автомастерской, где он был одновременно хозяином и слесарем.

Эти пять лет я отбатрачил на приписанном к Владивостокскому порту рыболовном траулере. Затем уволился, и меня списали на берег. Заработанных денег должно было хватить на поиски и расследование.

Ринат меня не узнал. И не мудрено: за пятнадцать лет, что мы не виделись, я сильно изменился. Из сублильного белобрысого юнца превратился в заматеревшего, битого жизнью здоровилу с обветренной рожей и намертво въевшейся в кулачищи грязью напополам с морской солью.

— Ты? — опешил Ринат, когда я представился. — А мне сказали, что ты... — Ринат осекся.

— Издох на зоне? — помог я.

— Да, Наташа говорила, что ты умер. Ей тоже кто-то сказал, не помню, кто.

— Вот как, Наташа? И где она сейчас?

Ринат насупился и замолчал.

— Она умерла, — сказал он наконец. — Погибла. Попала под машину пять лет назад.

— Понятно, — протянул я. — Мир праху.

За десять лет за решеткой я очерствел к смерти и, тем не менее, весть о том, что погибла Наташка, едва мне, по сути, знакомая, застала меня врасплох. Сам не знаю, почему.

— Ну, а как ты, Денис? — запоздало осведомился Ринат. — Как ты все эти годы?

— Потом расскажу, — не стал отвечать я. — Скажи, ты не поддерживаешь связи с Катей? Или... или с Анатолием.

— Зачем тебе они? — хмыкнул Ринат. — Оправдаться хочешь? Так ты уже вроде того. Искупил. И потом...

— Ответь, пожалуйста, на вопрос, — прервал я.

— Да пожалуйста, — Ринат снова хмыкнул. — С Анатолием связь поддерживать мне не по чину. Он высоко взлетел. А с Катей обмениваемся изредка открытками, на праздники. Она как бы при нем.

— При ком «при нем»? — вновь не понял я.

— Да при Кравцове. При Толике.

2003, Катя

Екатеринбург завалило снегом в конце ноября. Город барахтался под толстым одеялом, выпростав серые локти девятиэтажек. Я отвезла Сережу в гимназию и не спеша рулила на работу, механически глядя по сторонам. «Катин город», как называл его муж, выглядел сегодня уныло до чрезвычайности.

Строго говоря, салон красоты работой не назовешь — Толик купил его мне, чтобы не скучала. Позаботился. Заботливый, сволочь.

Пятнадцать лет назад я была ошарашена, попросту сбита с ног. Всё никак не укладывалось в голове, что из-за моей глупости один человек погиб, а второй попал в тюрьму. Зачем я тогда выбралась из палатки? Зачем пошла с Климом, обещавшим показать «такое, чего никогда не видела»? Почему не разбудила и не позвала с собой Наташку? Все это я и выложила Толику, рыдая и захлебываясь, после суда. До сих пор помню неказистое кооперативное кафе, где я елозила мокрыми рукавами по столику.

— Кать, перестань. Не виновата ты ни в чем, — погладил меня по голове Толик. Он записал мой номер телефона — чтобы присматривать — и стал появляться чаще и чаще...

Маме Толик сразу понравился.

— Видно, что основательный мальчик, не какой-нибудь дурачок. Будешь с ним как за каменной стеной, Катюша.

Я тогда ни о каких мальчиках не думала, зато была по-настоящему благодарна Толику — за то, что не дал сгинуть от вины и отчаяния. Через год он предложил пожениться.

— Мы друг другу подходим. Тебе со мной будет хорошо, обещаю.

Заканчивались восьмидесятые. Толик — единственный теперь сын секретаря обкома — крутился, открывал и закрывал кооперативы, оборачивал и приумножал. Через пару лет родился Сережа.

В салоне меня встретили с поднятыми бровями и любопытными глазами.

— Катеринапална! Там вас спрашивали, — махнула рукой в сторону коридора администратор Мариша.

— И кто спрашивал?

— Э-э... Мужчина, — как ни странно, объяснить подробнее Мариша не смогла.

Что ж, мужчина так мужчина. Посмотрим. Коридор вел в небольшую приемную, где на диване сидел...

— Здравствуй, Катя, — поднялся мне навстречу Денис.

Не отрывая взгляда, я неловко села на тот же диван.

Денис. Повзрослевший, битый и продубленный, поширевший в плечах, с первыми морщинками, не знающий, куда деть руки, неловкий — это был всё-таки Денис. Тот же мальчик, от которого звенело внутри... Потерянный навсегда за дальним поворотом.

— Пойдем в кабинет, — голос у меня куда-то делся, остался только сдавленный шепот.

Денис кивнул. Когда я открывала дверь, руки явственно тряслись. По привычке дошла до стола, села. Денис устроился напротив.

— Кофе хочешь?

— Нет, — Денис покачал головой, выдохнул. — Кать, ты... Как ты вообще живешь?

— Вот... Сам видишь...

Что я могла ему рассказать? Как тяну лямку рядом с чужим человеком, с которым обмениваюсь парой фраз в сутки? Как надеюсь каждый вечер, что Толик заночует у очередных блядей? Как ради Сережи молчу и не нарушаю конвенцию?

— Вижу, — кивнул Денис.

Я сейчас видела совсем другое. Отчетливо, как на экране, видела, что мы могли бы провести эти пятнадцать лет совсем иначе. Вместе. Рядом. Обида накатила резко, накатила и смешалась с горечью и старой злостью на себя.

— Почему так, Денис? Почему с нами так вышло? Ты... — я запнулась.

— Катя, ты веришь, что я убийца? — Денис протянул руку, будто дотронуться хотел, и остановился на полпути. Он говорил, а я смотрела на ладонь, лежащую на столе: потемневшую от загара и труда, с выступающими венами, на большом пальце шрамик, который был еще тогда... Наконец, накрыла ее своей ладонью.

Мы долго говорили. Сначала спотыкались, боялись неловко тронуть что-нибудь болезненное. Потом обвыклись друг с другом, освоились. Вспомнили лагерь и наш печальный поход. А потом договорились до того, что нужно побывать там еще раз — посмотреть на Золотые Ворота трезвым взглядом.

До Ивделя, а потом до Вижая добрались на моей машине. Оставили BMW в поселке, взяли там лыжи и двинулись к воротам. В середине дня мы были на месте. Арка высилась, прикрытая снегом, алмазно блестящая под солнцем. Вокруг было тихо — еще тише, чем летом — бело и сурово.

46

Мы обошли вокруг арки, потоптались в чахломе леске и ничего, конечно, не обнаружили. Встали спиной к реке и посмотрели друг на друга.

— И что нам тут делать, Катя?

— Попробуем пройти через них? — я указала на ворота.

— Ты не боишься, что можно исчезнуть?

— Я как раз не прочь исчезнуть...

Денис пошел первым. Он остановился на мгновение перед аркой и резко шагнул вперед. Я смотрела во все глаза — Денис показался с другой стороны камня. Как и много лет назад, он обернулся и помахал рукой. Я тоже подошла к воротам, сплюнула через левое плечо и ступила вперед.

1988, Денис

Я брел по лесной тропинке вслед за Катей и думал о том, какой я всё же дурак и мямля. Взять хотя бы эту идиотскую экспедицию: и как меня угораздило в ней участвовать?

«Из-за Кати», — услужливо подсказал внутренний голос. Ты отправился невесть куда и зачем, потому что пошла Катя. Внезапно меня охватило дурное предчувствие: вдруг ни с того ни с сего показалось, что поход закончится скверно. Я даже причину

осознал: закончится скверно он потому, что пустился я в него не в первый раз.

Я остановился и замер. Причина показалась мне не менее нелепой, чем само предчувствие.

— Что встал? — спросил за спиной Толик.

— Да так, — я сделал вперед шаг, другой, и пришел в еще большее замешательство. Я внезапно понял, что за ближайшим березняком будет поляна, и на этой поляне непременно что-то произойдет. Нехорошее что-то.

— Эй! — звонко закричала откуда-то спереди Наташка. — Смотрите, какая прелесть!

Я заспешил на голос и через пару минут без особого удивления увидел поляну. Прелестью оказались два тополя, растущие из одного корня и похожие на распяленные пальцы. Удивительно, но я был уверен, что вижу эти тополя не впервые.

Когда стемнело, разожгли костер, уселись вокруг, и Клим по обыкновению принялся трепаться. Сейчас отпустит шутку про чукчей, вдруг понял я.

— Натуральные дикари. Взять хотя бы косорылых, — немедленно выдал Клим. — Манси, шманси, в общем, чукчей.

Сейчас будет ссора, осознал я.

— Еще раз скажешь про косоглазых, дам в морду, — медленно цедя слова, проговорил Ринат.

— Ты мне? — изумился Клим. — А ну, попробуй.

Я успел схватить Рината за руку, но он вырвался и метнулся навстречу вскочившему на ноги Климу.

Толик вмешался через секунду после того, как я понял, что именно он не допустит драки. Так и произошло: ссора быстро утихла, а затем и превратилась в шутку.

За следующие несколько дней ощущение вторичности происходящего всё усиливалось. Я словно знал, что у здорового камня, похожего на лошадиную морду, я едва не подерусь с Ринатом. Как будто чувствовал, что на пути встретится охотничья изба, и в ней под дурацким предлогом перессорятся девочки. И всякий раз предвидел, что назревающий конфликт будет погашен Толиком. И всякий раз угадывал.

Когда мы добрались до убогого поселения со странным названием Вижай, ощущение стало походить на идефикс. Я предвидел чуть ли не каждое слово, едва ли не каждое движение остальных. Клим с Толиком сторговали на время две лодки у местного. В полном соответствии с моими предчувствиями местного

под конец не устроила цена. Клим добавил еще.

— Катя, — решился я перед тем, как ступить в лодку. — Тебе не кажется...

— Что? — Катя вскинула на меня глаза.

— Что всё это с нами уже было, — выпалил я. — И скоро произойдет что-то плохое. Очень плохое.

— Денис, — Катя шагнула ко мне. — Тебе что, тоже мерещится?

— Эй вы, молодые-зеленые, — не дав Кате договорить, гаркнул над ухом Клим. — А ну, в лодку, живо!

Клим сиганул через борт, ловко уселся на банку и подал руку Кате. Меня пробрало ревностью напополам с неприязнью. Столкнув углое суденышко в воду, я запрыгнул на корму.

До Ворот мы добрались за два часа. Я увидел их, едва лодка обогнула излучину. И, не удержавшись, выругался вслух. Каменная арка вросла в береговой склон и, несмотря на всю ее необычность и загадочность, я мог бы поклясться, что всё это уже видел.

Мы причалили к берегу и один за другим выбрались на сушу. Затем гуськом отправились к арке и обошли вокруг нее. Спустились к реке. Когда девчонки переглянулись, я уже знал, о чем спросит Клим.

48

— Кто здесь не ссыкло?

— Я, например! — выпалила Катя.

Она подскочила и взбежала к лесу. Через минуту Катя вышла из арки лицом к нам и победительно взглянула на Наташку.

Мы рано разошлись по палаткам, но сон ко мне не шел. Я лежал и прислушивался. Ветер, отдаленный плеск воды, шелест листьев, шорох спального мешка, шепот снаружи... Меня подбросило. Осветив фонариком лица спящих, я уже знал, кого не увижу. Клим не было. Я бросился на берег. К сосновому стволу прилипла нелепая сдвоенная фигура. Дернув Клим за шиворот, я размахнулся, но тут ко мне на грудь кинулась Катя.

— Денис, Денис, не трогай его, не надо! Пожалуйста!

Мне как холодной водой в лицо плеснули.

— Простите, что помешал тет-а-тету, — я аккуратно снял Катины руки с шеи и отстранился. — Уже ухожу.

— Да нет же, Денис! Это не то! Не то!.. — Катя прижала руки к горлу, будто сама себя душила.

Я развернулся и побрел в палатку. Придурок. Какой придурок... Спасать побежал, идиот. Да у них свидание там было. Амур, бонжур, тужур. Я рухнул поверх спальника и собирался даль-

ше есть себя поедом, но вырубился моментально.

Утром Клима в палатке не было.

— Загулял наш герой-любовник, — мрачно бросил я.

Я ждал, когда же из леса покажется довольный, сытый Клима. Но он так и не появился. Толик с Ринатом нашли его на опушке леса, с перерезанным горлом. К стволу ближайшего дерева прицепился обрывок Катиного платя. Я протянул руку, чтобы снять клочок ткани, спрятать его от ветра, но тут коlobком подкатился Толик и сказал:

— Стоп, Денис.

1940, Гаврош

Гаврош был не простой урка, а интеллигентный человек. Знал обхождение, понимал про антиквариат и хороший коньяк, умел слушать. На воле Гаврош красиво работал и красиво жил. Он даже погорел красиво — на бабе. Одна профессорская жена так втрескалась в Гавроша, что принялась искать его через легавых. Нашла, ах ты ж сука. Так и поехал Гаврош на севера.

В бараках «Ивдельлага» особенно красиво не жилось никому, даже честным вора. Конечно, работали за них мужики с каэрами, конечно, с воли их худо-бедно грели, но скучно тут было — мать честная! Да и холодно. Гаврош мечтал, как выйдет отсюда, поехать в Сочи поправлять здоровье и материальное положение. Дни считал до того, как истечет его пятерочка. Дни тянулись медленно и муторно. Как-то раз, проходя по бараку, Гаврош услышал:

— Другой человек выйдешь! Совсем другой!

Косоглазый мужичок втолковывал что-то сутулому каэру, а тот кивал, потрясая жидкой бороденкой.

— Совершенно верно, Дмитрий. В моих исследованиях как раз отражено влияние перехода на дальнейшие жизненные обстоятельства...

Гаврош остановился. Прислушался. А потом подсел на каэровские нары.

— Вы рассказываете поразительные вещи, товарищ...

— Коротков. Алексей Петрович. Статья пятьдесят восемь один.

— Оставьте, товарищ Коротков, — элегантно взмахнул рукой Гаврош. — Каэртэдэ у вас на лице написана.

Коротков невесело хмыкнул.

— Гавриленко Сергей Павлович, — представился Гаврош. — Так вы говорите, что у местных представителей коренных народов есть легенда о камне, меняющем судьбу человека?

— Я думаю, это не просто легенда, Сергей Павлович! — с жаром заявил Коротков. — Я историк, я проводил исследования. Сопоставлял архивы, старые записи, сам успел опубликовать несколько статей.

— И где же этот камень?

— Он находится неподалеку от лагеря. Вот Дмитрий, — каэр показал на мужичка, — там бывал.

— Нельзя туда идти! Нельзя! — замотал головой косоглазый.

Соблазнительная была мысль. Очень соблазнительная. Пройти через такой камушек, всё поменять, начать с чистого листа. Гаврош бы тогда... нет, в комиссары не пошел бы. Махнул бы в Париж, пока выпускали. А не понравилось — в Аргентину бы оттуда уехал. Там всегда тепло и народ простой, доверчивый. Гаврош зажмурился, будто жаркое солнце опалило ему глаза. Уходить надо с косоглазым. Он местный, все тропы знает, да и к камню приведет. «Неподалеку от лагеря» — это сколько? Нужна консерва?

Месяц Гаврош обхаживал косоглазого Митьку и в конце концов уломал. Тот согласился сделать ноги из лагеря и отвести Гавроша к нужному камню. Правда, поглядывал косоглазый хитро, будто недоговаривал чего. Ладно, с этим по пути разобраться успеется. Может, косоглазый тоже в Аргентину хочет.

50

Ночью Гаврош соскользнул со шконки, взял сверток с вещами и подобрался к Митькиным нарам. Протянул руку, и тут за нее кто-то ухватился.

— Сергей Павлович! — зашептал Коротков. — Я должен идти с вами.

Ах ты ж сука! Зато вопрос с консервой решился сам собой. В случае чего — будет. Втроем перелезли под колючкой, и Гаврош скомандовал Митьке:

— Веди нас к камню.

Митька помялся, затем повернулся и уверенно зашагал к лесу. Гаврош с Коротковым потрухали за ним. Метель завывала вокруг, заноса следы.

Через два дня каэр совсем стух. Он ковылял позади, падал через десяток шагов, поднимался на четвереньки и что-то шептал под нос. Затем вставал и, шатаясь, брел дальше. В конце концов Гаврош не выдержал.

— Долго еще до камня? — спросил он у Митьки.

— Ночь и день идти.

А, продержатся. Когда Коротков в очередной раз упал, Гаврош вернулся к нему.

— Сергей Павлович! Спасибо! — зашептал историк. — Я должен увидеть камень. Увидеть камень и умереть, — он зашлепал сухими губами.

— Это можно, — ответил Гаврош.

А потом присел и полоснул Короткова финкой по горлу. Тот всего раз дернулся, наверное, и не понял ничего. Не зря Гаврош был интеллигентный человек. Он слегка забросал труп снегом и пошел обратно к Митьке, который ждал неподалеку. Косоглазый ничего не сказал, сплюнул, повернулся и пошел дальше.

Следующим вечером перед ними показался берег реки. Сизое небо рвал красный кулак заката.

— Все. — остановился косоглазый. — Пришли.

— А камень где? — удивился Гаврош.

— Нельзя туда. Плохое место.

— Да насрать мне какое там место! Где камень?

Косоглазый махнул рукой вправо.

— Ищи. Всё равно не знаешь, как ходить.

Гаврош схватил его за грудки и потряхнул.

— Ах ты ж сука! Как еще ходить?

— Чтобы выйти другой. Я не скажу.

Гаврош подсек его ногой, уронил на снег, навалился сверху. Схватил за горло, придавил.

— Как надо ходить? Как ходить, мурло косоглазое?!

Митька хрипел и бился под ним. Внезапно Гаврош услышал отдаленный лай. Надавил сильнее.

— Как ходить?

Митька обмяк, а под ногой у Гавроша стало мокро. Обоссался косоглазый. Сдох. Гаврош вскочил, огляделся и кинулся бегом вправо. И увидел его! Камень стоял на границе леса и берега, и за круглым проходом светило солнце.

Лай приблизился. Гаврош метнулся вперед, к реке, к камню и услышал за спиной:

— Стой! Стрелять буду!

Всего себя Гаврош вложил в бег. Еще рывок! Он влетел в проход и выбежал к реке. Там Гавроша и догнала пуля. Он упал, перевернулся на спину и глянул вверх. В небе закатывалось красное аргентинское солнце.

2003, Денис

Я ищу. Почти половину жизни я ищу. Сначала я искал всё, что

было кем-то и когда-то написано о том камне. С него всё началось. Если бы не история Толика, мы не рванули бы в экспедицию. Никто не прошел бы через камень. Клим остался бы жив. Катя не попала бы в тюрьму. А возможно... Ладно, это уже лишнее.

Я искал всё о камне. Закончив истфак, единственный со всего курса остался в аспирантуре. Написал диссертацию о легендах манси. Перелопатил тонны бумаги. Когда я нашел запись о побеге Алексея Короткова из лагеря, закончился Катин срок.

Все десять лет, каждые полгода я навещал ее. Идиот? Может быть. Я знал, с первого дня знал, что убить Клим она не могла. Хотя на суде Катя рассказала, что Клим пытался ее изнасиловать. Но почему тогда не позволила мне ударить Кравцова? Это Катя объяснить отказывалась, только раз обмолвилась: «Ты решишь, что я сумасшедшая». Это я-то, всю экспедицию страдавший от дежавю?

Итак, в девяносто восьмом я поехал встречать Катю. И обнаружил, что она вышла месяцем раньше — по амнистии. Ирония подобных решений всегда жутковата. Катя вышла и исчезла. Как сквозь землю провалилась. Я разыскивал ее пять лет и обнаружил, наконец, на кассе в занюханной «Пятерочке».

— Здравствуйте, — сказала она, скользя мимо меня взглядом.
— Пакет ну...

— Здравствуй, Катя. Пакет не нужен. Нам нужно поговорить.

2003, Катя

Первым делом я испугалась. Да кто на моем месте не испугался бы? Специально сбежала от мужика пять лет тому, чтобы не напрягать его своими головняками, а он теперь стоит и заявляет, что поговорить надо. Нарисовался, не сотрешь. Он нормальный? Или псих?

Ладно, выглядел Денис вполне вменяемым, просто упрямым. Такому проще дать, поэтому я согласилась поговорить с ним. Хотя вспоминать историю с камнем и убийством Клим мне совсем не хотелось. Я сама ее обсосала до мелких косточек, всё думала, как же так вышло. А потом дошло: Толик, брат-акробат. Толик нас этой экспедицией соблазнил. Толик нас довел, следил, чтобы не перелаялись по дороге и не повернули назад. Толик остался единственным сыном большого человека. Он Клим и прирезал, некому больше. Понять я поняла, но молчала. К делу понимание не пришьешь, а доказательств никаких. Да еще это мутное ощущение, будто всё, что случилось в походе, с нами уже происходило. Только мне казалось, Денис вот-вот встрянет в какую-нибудь дрянь. Казалось-казалось, да и оказалось. Так что я бы лучше забыла это всё и

жила дальше как сумею.

Еще пятнадцать лет назад я заметила, что Денис — парень основательный, но тогда я не поняла, насколько он упертый. А теперь, в гостях у него, поняла. Раскопал ведь всё про этот камень и совал мне распечатки одну за другой.

— Смотри, Катя. Вот выписки из разных этнографов. Вот статьи Алексея Короткова. Он много занимался камнем. Там всё написано. Манси верили, что этот камень дает проходящему через него новую судьбу, чужую.

— Чужую?

— Да. Он так и сработал. Ты ведь должна была прожить эти пятнадцать лет иначе.

— И как я их должна была прожить?

— Мы бы вернулись домой, в Томск. Потом... — Денис смутился. — Потом я нашел бы тебя. И начал бы за тобой ухаживать.

— А потом? — я внезапно охрипла.

— А потом у нас были бы дети. Мальчик и девочка.

— Ну нет. Мальчик и мальчик. Похожие на тебя.

Денис онемел и медленно снял очки. Кто меня за язык тянул? Ладно, на минутку я представила, что и как могло бы случиться дальше. А потом похлопала его по руке и сказала:

— Оденься.

Денис подобрался и вернул очки на нос.

— Очень интересно, как сложилась жизнь самого Короткова. В тридцатых он попал под большую чистку и оказался в «Ивдельлаге».

— Да ну?

— А потом сбежал из лагеря. Больше там никаких записей о нем нет. Обрато его не вернули, смерть тоже не зафиксировали. Думаю, он добрался до камня и прошел через него. И ушел с чужой судьбой. А свою оставил там, в камне.

Я откашлялась.

— Денис, вот ты человек образованный. Кандидат наук. И рассказываешь мне сейчас про обмен судьбами неизвестно с кем через дыру в камне?

— Да, Катя. Именно это я тебе и рассказываю.

Всё-таки он меня уболтал. На майских выходных мы поехали туда. До Ивделя автобусом, до Вижая раздолбанным уазиком, до камня на лодке. И вот он перед нами. Мы стоим на берегу и смотрим в проем. А оттуда на нас смотрит... Нечто.

— Ну как? — негромко спросил Денис.

Я пожала плечами.

— Понимаешь, там, на зоне, учишься как-то чувствовать опасность...

— Знаю, — Денис замер и поправился. — Представляю.

— И что-то в этом камне есть. Может, он и правда такой... судьбообменник.

— Помнишь сказку про ослиную шкуру?

— Что?

— Как принцесса надела ослиную шкуру и не могла ее снять, шкура приросла намертво.

— А-а... Помню.

— Катя, сейчас на тебе такая шкура. Чужая судьба. Судьба несправедливо обвиненного человека. Коротков даже срок получил такой же, как ты. Эту шкуру можно снять. Просто пройти через камень.

— И тогда она будет здесь висеть и ждать нового... носильщика?

— Можно предупредить людей. Опубликовать в интернете историю камня. Здесь щит поставить в конце концов.

— И всё равно найдется дурачок — или дурочка — который сюда полезет.

— Мы сделаем всё, чтобы их предупредить. Строители мостов несут ответственность за самоубийц?

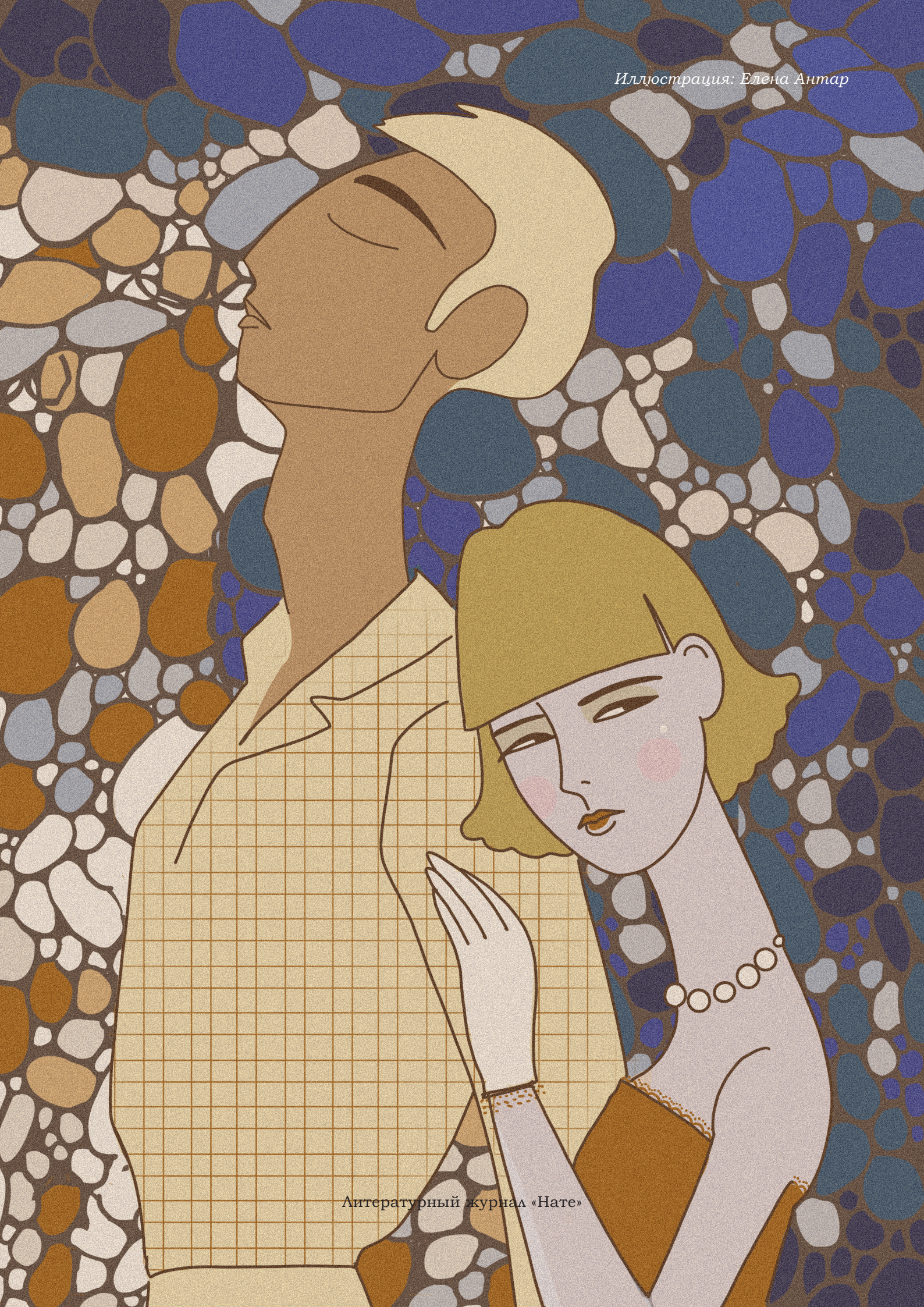
— Нет, Денис. Но я туда не пойду.

— Почему?

— Вспомни сказку еще раз. У принцессы под ослиной шкурой всё-таки что-то было.

Мы ушли от камня, сели в лодку и не спеша поплыли к Вижаю. Денис греб, а я стянула ветровку и посмотрела на небо. Солнце пекло сегодня невероятно, как в Аргентине.

Иллюстрация: Елена Антар

Литературный журнал «Нате»

ЮЛИЯ СИГАЛИ

Родилась в крошечном городе в Башкортостане, где смотрела много кино и решала на скорость задачи по неорганической химии. Закончила медицинский университет, интернатуру и ординатуру в Санкт-Петербурге, там же пять лет работала врачом-кардиологом в стационаре. В настоящее время живу в Грузии, работаю тьютором у детей с РАС. Прозу пишу (не слишком изобретательно и совсем) недавно. Училась на нескольких курсах CWS. Публикаций раньше не случилось.

Фото: Лиза Чекалина

Переменная облачность

Белье не просыхало третий день. В сумерки дождь замирал, но толку было чуть: влага сочилась всюду, бесшумная завоевательница. Все дела, которые я себе напридумывала для оправдания ежедневности, закончились. Стирка и глажка встали на паузу, потому что ни одна простынь, будь она хоть тысячу раз хлопковой, не высохнет в этой невольной оранжерее — уж скорее покроется кружевом мха и тропическими цветами: многоярусными лилиями, похожими на морские звезды, и веточками акаций.

Пристанище моей горы скудело. Предстояло собраться с духом и выехать в город: купить зонт, полотенце, кофе. Атрибуты нормальности, чтобы поверить: жизнь изменилась чуть менее круто, чем это было на самом деле. Своего пика тоска достигала в котле жизни, а именно среди людей. Чем полнее голосами и ресницами был седьмой автобус, тем больнее оказывалось мне смотреть в мир за его окнами. Все эти люди были свидетелями абсолютной, неохватной реальности происходящего, в которой я — очередной и случайный, неопознанный объект со скудным словарным запасом. Мимо проносились знакомые сюжеты: похоронная процессия, колонка с водой, столпотворение у рынка. Почти все мои попутчики крестились, увидев в окне храм, чуть опустив голову — кроткий жест единения, касание изнанки, взаимоузнавание в безмолвном танце. Эти люди говорили не просто на *одном языке*, они говорили на *общих языках*.

57

Здесь ты почему-то всегда одет по погоде, даже если и рад ошибиться, но вот вписаться также легко в социальный пейзаж — идея, казалось мне, обреченная на провал. В тот день, не полагаясь на точные подсчеты, я бы предположила, что мне предстоит не более чем полтора разговора на смеси моего элементарного грузинского и их почти литературного русского языков. Грузины помнят слова, которые я сама забываю: горбушка, ломтик, ушедшие, привычка. Однако по традиции, которая приближает жизнь к литературе, я ошибалась.

Возле поворота на Gonio turn вошли трое мальчишек, не старше 10–11 лет. Подвижные, бойкие и деловитые, как многие дети их возраста, они заняли кресла с самым лучшим обзором. Жажда жизни: глотка воды, вида из окна, близости единомышленника, если не сказать сообщника — делала их будто бы в десятки раз быстрее и звонче всех окружающих. Они отдышались, переглянулись. У каждого из них на ладонях были повязаны хлопковые платки с пестрым узором. Черный платок на правой кисти и белоснежный, безгрешный, выглаженный — на левой. В моей юности, читай, три тысячи лет назад, похожие платки носили на шее или в волосах.

Раздобыть такое сокровище было задачей со звездочкой для провинциального ребенка. В этом смысле их гордость и трепет перед этими знаками общности и узнавания были мне понятны. Наверное, я даже улыбнулась. Что для них значит этот символ?

Несколько минут я пыталась представить, как заведено в их семьях: кто стирает и гладит эти платки? Ведь они то и дело натыкаются на поручни, кулаки, тесемки целлофана, ягоды шелковицы и приморскую гальку, чтобы пускать блинчики по воде. Неужто просят своих невозмутимых мам?

Мои мысли споткнулись об остановку. Водитель по-грузински объяснялся с пассажирами: стало ясно, что дальше по маршруту он не поедет. Высыпали на асфальт дети, бабушки, вышла и я. Место было смутно знакомым. Перед глазами бетон мешался с глицинией. Речь людей, рассыпающихся в направлении своих домов, затихала. Посреди поразительно длинной, необычайно пыльной улицы оставалась я — с зонтом, полотенцем и пачкой молотого кофе в сумке. Влажный, тяжелый воздух не утаивал будущего дождя. Немного постояв и, полагая, даже пожав плечами, я направилась в сторону горы. Это удивительный город: плоский в своей основной части, он перетекает в горы Аджарии словно бы по щелчке пальцев.

Ощущение полного разъединения и выпадения из понятных мне общностей и пространств наполняло меня какой-то новой невесомостью, она выбрасывала меня на поверхность любого сообщества. Который месяц я так и ощущала себя — где-то на периферии, на опушке леса, одним глазком заглядывавшей в квартиру, где *чужое* семейство будто бы спорит, какой выбрать гарнир к ужину. Хотелось ехидничать: открыть курсы по разрыву всех связей. *«Как в один день перестать быть дочерью, коллегой, всеуважаемым и всеуценным гражданином».*

В своем сомнамбулическом паломничестве в сторону дома (дома — ну неужели я назвала это *домом*?) я размышляла о том, сколькими вещами заполонен мир. Всем в нем находится место, почти все в нем бывают услышаны. В мире есть американские утренние телешоу, где заблудшие души, бывшие бродяги и алкоголики, рассказывают, как их спасла приходская церковь. Их объединяет чистосердечное доверие беде и то, что оттуда их вывело, если оно их, конечно, вывело. Или, быть может, еще ведет. Есть в нем фальсификация научных данных — секрет, который исследователи таят за пазухой с разной степенью мук совести, так долго, как позволят им обстоятельства. Точно знаю, что есть в нем и языки, пытающиеся растаять во времени и камнях — в каменном времени и временных камнях, но те, кто всё еще на них говорит, всегда рады обратиться друг к другу. И, быть

может, где-то даже прячутся тени кельтских мифов, ободряюще кивающие этим певцам уходящего логоса. Точно сейчас в дороге пешие путники, движимые по направлению начертанных на земле ракушек — пилигримы Эль Камино де Сантьяго. Их объединяют ритм шагов, пейзаж, общая банка сардин на ужин и рассвет в Лиможе. В разгаре дворовые состязания по нардам, объединяющие соседей над персидской загадкой. По миру рассыпаны подростки, впервые прочитавшие “The Lord of the Rings” и нависшие над тетрадами и клавиатурами в попытках написать продолжение этой истории. Этой и многих-многих других. Прямо сейчас где-то идут занятия по правильному дыханию в родах, где будущие мамы всех возрастов смотрят друг на друга с неловкостью, сомнением и нежной попыткой предугадать теплоту нового, иного порядка. Есть свадебные застолья, объединившие за общим столом, накрытым в умеренной степени безвкусной скатертью, малознакомых людей. Эти люди разделят воспоминания, фотографии, пару шуток и даже, возможно, похмелье. Все эти случайные и неслучайные группы людей, которые умеют общаться словом и жестом.

Людей всё время сталкивает к этим буйкам и точкам притяжения, они собираются в виноградные гроздья, перекладыны ручных счетов, крепкие узлы, атомные структуры, гулкие аквариумы, спортивные команды, этносы. Идентичности покрывают их новой кожей, указуя в сторону того, с кем можно разделить и слово, и опыт. Никто не один, никто из людей не остров, как говорил нам Джон Донн, и мы, обученные уроку, не спрашиваем, по ком же звонит колокол. Как странно в этом мире общностей быть совсем уж тонкой единицей.

Я замерла где-то на середине пути. Дождь распоясался, капли стали тяжелыми. Намокла спина, поднялся ветер. Мимо проносились автомобили, велосипеды. Редкие пешеходы забежали под редкие навесы. Угроза грозы ощущалась всеми чувствами. Больше всего хотелось расплакаться, словно дитя, потерявшееся в соседнем дворе. *«Но, как известно, именно в минуту отчаянья и начинает дуть попутный ветер»* — в заборе, покрытом трещинами, пылью, влагой, девичьим виноградом, приоткрылась калитка. В ней стоял один из юных моих попутчиков, его я узнала по черному платку на правой кисти. Мне открылась картина со сложной перспективой.

В сером бетонном заборе, в проеме калитки, стоял смуглый молчаливый ребенок, освещенный электрическим светом за его спиной — то был почти белый шар дворового фонаря над собачьей будкой в сочетании со светом лампы, струящимся из окна на листья алоэ и папоротника. Завершал перспективу неизбежный и пронзительный теплый свет в проеме двери. Дверь в дом, вторя

ритму калитки, была распахнута. В арке из дверей и света стояла женщина средних лет, в темном летнем платье, босая. Волосы ее были собраны на затылке, в левой руке ее была миска с овощами, покрытыми каплями — то ли дождя, то ли проточной воды. Она кивнула мальчику, он сказал мне неразборчиво: «моди, моди» и показал рукой на скамейку, спрятанную под козырьком. Я смотрела в лицо этой женщины, пытаюсь понять сцену. Они хотят спрятать меня от дождя, приютить? Женщина стояла почти напротив меня. Немногим меня старше, она отличалась той цельностью и монолитностью, которая часто наполняет хозяйку дома и мать нескольких детей. Никуда не торопясь, чуть склонив голову, она по-русски сказала:

— Заходи, еще час будет ураган точно.

Я ощутила себя одновременно и ее сверстницей, разделенной разностью опыта, и детской фигурой, почти одноклассницей ее, надо полагать, сына. В моем привычном порядке вещей не было правил, по которым стало бы ясно, как повести себя в этой ситуации? Вежливо отказаться, попутно обидев чужую заботу, и продолжить путь, покоряя стихию в попытках добраться до своего приюта? Согласиться на приглашение абсолютно чужих людей в чужой стране? Пока я раздумывала со свойственной мне медлительностью, я заметила, как ребенок в ожидании моего шага держит калитку левой рукой и крутит образовавшееся кольцо из намочающего платка на правой. Мне стало жаль его очевидную драгоценность. Кивнув, я вошла во двор. Покашляв после долгого молчания, я сказала, словно бы им обоим, сделав еще один шаг:

— Гамарджоба. Мадлоба, диди мадлоба. Надеюсь, я не буду вас долго мучать.

Мальчик шустро затворил калитку, подбежал к скамейке, дернул какой-то шнурок — и пространство под козырьком осветилось. Это было подобие террасы под широким балконом, маленький приют для редкого безделия в частном доме — скамейка, спрятанное в тени сиреневое кресло, деревянный столик. Мальчик указал мне на кресло, а сам сел на скамейку, поджав одну ногу, и поставил подбородок на колено. Через пару минут вышла его мать. Ей было немногим больше тридцати, ее лицо было вневнеременно красивым: географические скулы, острый подбородок, спокойный взгляд. Монолитность, ясность олимпийского божества, уверенность шага окружали ее ареолом ненавязчивой заботы. Она несла поднос серебряного цвета — такие почему-то есть во многих грузинских семьях. На нем стояли турка с опадающей шапкой кофейного вулкана, две маленькие синие кружечки, плошка с зелеными сливами ткемали, чашка клубники и несколько домашних лепешек

мчади в блюде. Сначала она молча переставила свое изящное угощение на столик, затем разлила кофе и только после этого опустила на скамейку и потрепала сына по голове.

— Ика увидел тебя через окно. Сказал, вместе ехали на автобусе. Этот водитель, Эзнари, часто не доезжает до конца улицы. Иракли почти не говорит по-русски, но много понимает. Я Мзевинар. Не стесняйся, пей кофе. Наверное, сильно намокла. Не бойся, садись спокойно. Поешь, попей. Ты откуда?

— Оля, — негромко сказала я, прокашлялась и продолжила, — меня зовут Оля. Я из Москвы, но сейчас живу там, — махнула в сторону горы. — Спасибо большое, вы очень добры, мне так неловко.

Мзевинар молча улыбнулась сдержанной, скромной улыбкой. Ее плечи оставались ровными и симметричными, пока она подносила ко рту свой кофе. Кофе, сладкий по турецкой традиции, в Аджарии не редкость — щедро изжаренный, сваренный с доброй ложкой сахара.

— Посиди тут, не бойся. Разве кто другой бы так не сделал? К тому же Иракли сказал, что уже ездил с тобой на автобусе. Даже уступала место Кетеван, говорит, на прошлой неделе. Ну просто всё видит, всё замечает, — ее голос был полон и любви, и той хитрой строгости, которая всегда таится у матери для ее первенца. — Я русский хорошо знаю. У мамы была подруга, Люся, из Гомеля, она каждое лето к нам ездила с дочками. Ты ешь, ешь и кофе допивай, пока не остыло. Сиди, сколько нужно, тут сухо. Через час затихнет. Ика, давай, иди-ка к бабушке.

61

Из вежливости они заговорила с сыном по-русски, чтобы не смущать меня сложным языком. Рассказала, что живет в этом доме уже 13 лет, столько же, сколько она замужем. Мужа ее зовут Гио — Гиорги, он сейчас в навигации. Есть у них и дочь Тамуна, ей 2, она уже спит. Будка — место для пса, который прибился с улицы, назвали Патроном, просто настоящий проглот. Бабушка Иракли, мама Мзевинар, Зейнаб — болеет и почти не выходит из комнаты. Все лилии и агавы во дворе посадила сама Мзевинар. В огороде растут еще и мушмула, и черешня, и мандариновое дерево. Мзевинар ровным голосом рассказывала о вещах, которые были ей несравненно дороги — о людях, о которых она заботится каждый день. О цветах и деревьях, которые она пропалывает и подвязывает. О страхах в шторм, когда Гио в море. Еще о том, что ничего страшного нет в том, что я еще не знаю грузинского — мол, обязательно выучу. Один раз она даже смеется, когда смешно произносит слово *хохотать*: «я так хоховала». Эта женщина в свете нескольких электрических ламп, готовая впустить незнакомку на свой порог посреди грозы, видится мне и подругой, и сестрой, и

даже немного матерью. Слова льются из нее легко, речь ее не прерывается неловким чувством, с которым мы часто боимся выдать секрет или кого-то обидеть. Она спрашивает меня о детях, о доме, о работе. Я рассказываю как могу и умею о страхах, неудачах, ошибках и надеждах.

— Всё будет хорошо, — говорит Мзевинар, — все тебе поможем. Не бойся. Всё лето впереди. Жизнь тоже еще впереди.

Я словно бы начинаю таять, как если бы вернулась домой после долгого хождения по делам и мукам в промозглую погоду. Причудливые кусты агавы, словно древние существа, дремлют в свете ламп и фонаря. Патрон спит, из будки даже не слышно его дыхание. Дождь стихает. Я улыбаюсь, но немного в сторону, чтобы никого не смутить. Потому что ни один человек, будь он хоть тысячу раз поломанный, не останется без живого слова в этом краю. В конце концов, те, с кем мы говорим об *одном* — или на *одном языке* — могут меняться. Их можно выбрать, с ними можно попрощаться. Никогда не знаешь до конца, кто поймет тебя и где та гавань, в которой разговор будет простым.

Я ощутила себя свежей, белой простыней, почти просохшей после трехсуточной непогоды.

— Мзевинар, — спрашиваю я, — а кто стирает и гладит эти платочки, ну, для Иракли, которые он носит на руках? Получается, ты?

Иллюстрация: Мария Данилова

Меня зовут ВЕРА СЕМЕНОВА.
Я родилась в 1985 году
в Санкт-Петербурге.
Окончила Санкт-
Петербургский университет
экономики и финансов.
По профессии я эксперт-
аудитор и переводчик.
В юности писала стихи.
Прозой занялась, окончив
курсы WLAG. Считаю себя
писателем психологического
ландшафта: через образы
природы говорю о печалях
и радостях человеческой
жизни.
Фото: Ольга Канюшкина

Долго будет Карелия сниться

0.

Каждый петербуржец рано или поздно приезжает сюда.

— Поедем на дачу, — сказал папа.

Час тряслись в электричке. Я разрисовала всю раскраску и устала.

— Когда мы приедем? — приставала я к родителям.

— Выходим на следующей, — наконец дал команду папа.

На даче мне не понравилось, зато там был сосновый лес (светлый, веселый — учил меня папа) и огромные камни. Последствия ледникового периода: ледник полз и оставлял длинные борозды на отполированных скалах. Это мне расскажет уже не папа.

— Почему перешеек «карельский»? Что такое Карелия? Мы туда поедем? — это стало моей мечтой.

— Подрастешь — и поедем.

Ждать пришлось долго.

1.

Январским утром мы едем на автобусе по Кондопожскому району.

— Наш регион — депрессивный, — бубнит гид. Кажется, что он сам еще не проснулся, — дотационный. Естественная убыль населения...

Я не слушаю: все цифры карельской жизни поступают ко мне на работе.

Муж спит у меня на плече. Мы прибыли в Петрозаводск ночным поездом. Пока искали, где бы позавтракать и согреться чашкой кофе, из круглосуточного кафе-бара на нас выпало тело и икнуло:

— Храм открыт?

Смотрю на часы. Семь.

— Думаю, да.

Тело на четвереньках уползло в темноту, мы зашли внутрь.

Пока мы завтракаем, посетители бара изучают длинные волосы моего мужа и мою короткую стрижку. Надеваю на лицо выражение «только попробуй подойти» и залпом допиваю кофе.

Садимся в промерзший автобус. Группа довольно большая, автобус заполняется полностью. Гид — мужчина средних лет. Я размышляю, кем он мог работать раньше. Регион-то депрессивный и дотационный.

Дорога пролегает через лес, извилистая и скользкая. Потом автобус выезжает на открытую местность и мягко тормозит. Мы выходим. Морозный воздух обжигает легкие. Мы на берегу Чупской губы Онежского озера, смотрим на величественную Успенскую церковь. Поднимается солнце и покрывает позолотой темное дерево.

— Шатровый деревянный храм, — не замолкает гид. — Построен на закате деревянного зодчества в 1774 году.

Вверх по деревянным ступеням и внутрь. Никакого богатого убранства, три иконы, теплый и густой воздух.

— Высота 45 метров, небывалая для сооружений того времени, — снова гид, — в старые времена не раз внушала она надежду путникам, сбившимся с пути, звоном колоколов или ярким светом на колокольне.

Кончиками пальцев касаюсь черной стены, закрываю глаза. Перед моим мысленным взором встает кижанка — деревянная лодочка, которая движется по Онежскому озеру. Она плывет через туман к лучу света, падающему с колокольни.

— Все мы немного маяки, — вспоминаю, как уговаривала подругу пойти на психотерапию, — но главное — не выгореть самим.

65

Спустя пару лет Успенская церковь сторит дотла, как спичка. Я вспомнила черные стены и потолок-небо — и заплакала. Иногда о домах скорбишь, как о людях.

2.

Большую часть пути я проспала. Открыла глаза, только когда поезд пересекал реку Свирь. Я хотела вобрать себя всё, что вижу: реку обрамляли зеленые террасы, покрытые хвойным лесом. Мост возвышался на огромных сваях, а далеко внизу плескалась свинцовая вода, не отличимая по цвету от туч над ней. На стекле остался след от моего носа, как в детстве.

Лодейное поле, Свирь, Подпорожье... В Лодейном поле поезд пару минут постоял. Через открытую дверь вагона фотографирую здание вокзала и его желтую башню с большим циферблатом.

В голове крутилась цитата: одиночество — это то уединение, в котором есть проблема. В моем уединении определено была проблема. Уезжая, я не загрузила в телефон ни музыку, ни книги. Так что еще два часа я провела, не находя себе места в треугольнике «кресло – кулер – туалет».

В Петрозаводск поезд прибывает раньше времени заселения в гостиницу. Я кидаю вещи в камеру хранения и налегке бреду в сторону Онежского озера.

Пасмурный день, лишенный утра, на набережной еще нет туристов. Она маленькая, полтора километра. Миную череду памятников от городов-побратимов. В большое ухо каждый второй прохожий шепчет заветное желание, а потом бежит тереть кошелек. Рыбаки закидывают сети, рядом «Волна дружбы», только дружбы больше нет.

Теперь я сама ищу уединения. К счастью, в нем нет проблемы, а еще есть интернет. Поэтому я фотографию набережную и шлю маме, мужу и подругам.

Улыбчивая девушка в национальной карельской одежде высовывается из деревянного домика:

— В Кижии не хотите? На водных крыльях, отправление через пять минут.

На фоне иссиня-серого неба и построек из темного дерева даже время течет медленнее. Колокольный звон, и разговор людей, и шум воды, и голоса птиц, — и всё это окружено тишиной.

Я сижу на мостках. Мимо меня вальяжно проходит утка. На красных лапах, вперевалочку (я хожу так же, когда обувь мне велика). Перья на ее боках отливают ультрамарином. И тут она раскидывает крылья (я вижу всполох белых перьев) и стремительно поднимается ввысь.

Мостки отдают мне тепло. Ложусь на спину и смотрю вверх. Сегодня пасмурно, низкое небо укрывает меня одеялом.

Думаю достать наушники, чтобы включить музыку, но всем телом понимаю, что сейчас она мне не нужна.

Я дышу в такт плеску реки. Мысли катятся, как вода, плывут, как перегоняющие друг друга тучи. И в один момент они покидают меня. Внутренний голос ненадолго замолкает, дает мне просто побыть здесь.

Я — река, я — утка, я — облако. Я слегка шевелю пальцами: мое тело, несомненно, существует. Но в голове нет ни прошлого, ни будущего. Я знаю точно: сейчас в моем уединении нет проблемы.

Я заснула еще на обратном пути в город, прямо в «метеоре».

3.

В семь утра в окно каюты бьет солнце. Отдергиваю шторку: волны набегают на камни у берега; золотые стволы деревьев; и небо, голубое настолько, что кажется ненастоящим. Мы попали сюда из Петербурга по Неве, которая привела нас в Ладожское озеро, оттуда — к реке Свирь. «Северное Приладожье» — катаю эти слова на языке вместе с утренним кофе.

Солнце гладит верхушки сосен и елей, придавая их зелени

особенный оттенок. Цвет стволов меняется: от коричневого у земли и до янтарного ближе к небу.

Вдали — островок. За время его существования почва стала каменистой, белой и сухой. Деревья растут кучно, переплетая ветви и корни. В их кронах гнезятся птицы, которые без труда преодолевают расстояние от дома до большой земли (как будто люди на работу в центр из пригорода, — хмыкнул сосед по столу). Остров похож на человека с травмой. Я видела таких, я сама была такой: выжженное каменистое сердце. Деревья больны и кривы, но растут. Всё как в жизни.

На берегу я не ощущаю никакой вибрации в теле, которая обычно остается после теплохода. Смотрю по сторонам. Налево пойдешь — в гору придешь, а на горе храм. Прямо пойдешь — в скиты придешь. Направо пойдешь — к уличному кафе придешь. Туда и иду.

У мужчины за дощатым прилавком окладистая борода, а взгляд — хитрый, оценивающий. От такого взгляда не скрыться.

— Здравствуйте. Пирожки у вас есть?

— Берите хлеб. Пирожки — товар скоропортящийся. И вот пряники еще, смотрите.

67

Говорит быстро, пристально рассматривая мое лицо. Не знаю, что он хочет в нем найти. Лицо как лицо, в поездке я без макияжа. Но в каждом зеркале вижу, что кожа устала, несмотря на солнцезащитный крем. Я наелась вчера соленой рыбы и покрылась красными пятнами.

— Пряники не хочу, хлеб некуда. Спасибо.

Выхожу из-под прозрачного навеса. На песчаном берегу высится остов лодки. Из-за него выходит одна женщина в черном белье и погружается в воду.

Навстречу ей из воды выходит другая. Намокшее бежевое белье делает ее голее голого.

— Сколько времени? — кричит мне бежевое белье.

— Пять, — устраиваюсь на куске дерева, бывшем когда-то частью лодки. В кармане пищит телефон: «Как погода, не сдуло вас?»

— Слава Богу! А то мы думали, что теплоход без нас уйдет!

Воздух недвижим. В воде лежат небо, сосны, три теплохода в ряд. Делаю фото озера и отправляю в ответ.

Появляются осы, и мне приходится уйти. Когда понимаю, что они остались позади, сбавляю шаг. Дорожка петляет среди деревьев и приводит меня к церкви с красными кирпичными стенами и

зеленой крышей. Она буквально утопает в зелени, начинающей краснеть: осень на пороге.

Покрыв голову шарфом, протискиваюсь в приоткрытую дверь. Внутри крепко сбитый папа, кругленькая мама и девочка лет пяти, похожая одновременно на обоих родителей. Нахожу скамейку, сажусь. Свечи потрескивают.

Когда моя подруга первый раз попала в церковь, была поражена, что глаза с икон смотрят прямо на нее, где бы она ни стояла. В детстве мама обратила мое внимание на такой же эффект от фотографии с обложки виниловой пластинки.

Пластинки хранились в тумбочке из полированного коричневого дерева. Я доставала ту самую, ставила у стены, а потом медленно проходила из одного конца комнаты в другой. Глаза на фото, действительно, как будто следили за каждым моим движением. Не знаю, как этого добился фотограф и какие цели преследовал, но с иконами цель ясна: они следят за твоей жизнью.

Возвращаюсь на теплоход к ужину. В ресторане за соседним столиком сидит семья из церкви. У мамы день рождения. Метрдотель на глазах у всего ресторана дарит ей торт с поздравительной надписью, сделанной розовым кремом. Папа снимает на телефон, как она благодарит за неожиданный подарок, как разрезает торт — в предвкушении, как кладет по кусочку себе, мужу и дочке.

— Маруся, поешь, это же очень вкусно, — мама ставит перед девочкой тарелку с кусочком кремowego поздравления и щедрой ореховой посыпкой.

Маруся берет ложку и ковыряет угощение. Она увлеченно размазывает крем по всей поверхности торта. И размазала бы и по тарелочке, но тут ее останавливает папа.

— Сейчас врежу!

Маруся косится на отца и медленно кладет в рот пустую ложку. В девочке что-то меркнет.

4.

Я стою на каменистом берегу, обрамляющем бурный поток. Цвет воды меняется: от грязно-белого до коньячно-желтого. Водопад Ахинкоски взбивает пену, бросаясь на серые камни, полируя их до блеска.

Я поднимаю взгляд. Моя группа уже довольно далеко. Они стоят на другой стороне речушки, в которую превращается водопад. Отставать нежелательно: автобус никого не будет ждать. Трушу вслед за ними. Переходить на бег я боюсь: неровная дорога, скользкие камни.

Чтобы попасть к автобусной стоянке, каждому туристу необходимо преодолеть препятствие: подвесной мост. Узкая конструкция из деревянных дощечек и металлических прутьев, на которой не разминуться двоим. Рядом с ним — табличка, гласившая, что больше трех человек мостик может и не выдержать, так что нечего туда лезть компанией. Я бы туда и одна не полезла, но меня никто не спрашивал.

Мостик откликается на каждый мой шаг, ловит каждое движение и возвращает обратно легкой вибрацией. Хотя я иду и очень медленно, к середине пути мне становится страшно. Под ногами взрываются клубы пены и гремит водный поток. Мост трепещет и дрожит от каждого моего шага.

Я останавливаюсь и смотрю назад. Людей, которые шли бы за мной, нет, вся группа уже прошла. Значит, я могу не торопиться.

Я знаю только одну технику, которая работает со всеми: задавать вопросы. Когда моя подруга Маша рассказывала о своих горестях, я спрашивала, и спрашивала, и спрашивала. Вот и сейчас я решаю поговорить с собой. Самое время сделать это, когда стоишь на хрупком мостике над ревушим потоком, который сносит ветки деревьев и обтачивает камни. Метафора всей моей жизни, пожалуй.

69

— Чего ты боишься? Ведь здесь неглубоко.

— Боюсь, что не контролирую этот мост. Он так пружинит.

И, получив ответ, я решаю немного постоять над водой, не держась за горячие от солнца железные перила.

— Я пойду дальше. К сожалению, доски, из которых собран мост, довольно скользкие. Но если ты упадешь, ничего страшного не случится. Возможно, ты ушибешься, но ничего не сломаешь. Мост крепкий, он и не таких как ты, выдержал. Просто знай, что я с тобой.

Смотрю вниз. Вода мне не кажется уже настолько враждебной. Она красиво пенится в солнечном свете, а шум как будто стал тише. Осторожно ступая по влажному дереву, дохожу до конца моста. Как по ступеням, спускаюсь по торчащим из-под земли корням сосен к выходу из парка.

5.

В Карелии раз дерево, два — и вот ты уже внутри зеленого замка, башни которого разрезают синеву неба. Деревья впиваются корнями в скалистые берега. Раз волна, два, три — и вот ты уже полчаса, забыв обо всем, смотришь на белые барашки. Но стоит отвести глаза, отвлечься от величественного батюшки-Онеги, как замечаешь, что между деревьями плещутся лесные лампушки.

Много раз я слышала эту песню, но пока сама не увидела, не поняла, что «голубые глаза озёр» — это не фигура речи.

Сосны, березы, ели, осины. Каждое дерево хочет коснуться воды веткой-лапкой. Кто стоит ближе к кромке берега, тот и молодец.

Помню, что в Риме я попыталась понять тех, кто уезжает зимовать в другие страны. Высокое небо там было нереального цвета, какой бывает только на картинах. Деревья — зеленые даже зимой. На них — апельсины. Но уже через неделю мне казалось, что всё это одинаково: и свет в кронах пирамидальных тополей, и безоблачное небо, и солнце, беспощадное уже в январе.

Юг ни о чем не спрашивает, юг беспардонен. Он проникает в тебя, как жара, как солнечные лучи, как иссушающий ветер. Он приглашает к праздному безделью среди цветов и фонтанов. Север нехотя приоткрывает тебе свои двери, но, если ты захочешь в них пройти, он останется в твоём сердце навсегда. Север задает вопросы. Откуда ты? Кто ты? Куда ты идешь? Чего хочешь? И никто, кроме тебя, не может дать на них ответ.

Иллюстрация: Ольга Н. Рехай

МАРИЯ РАЧИНСКАЯ

Родилась в Ленинграде, живет в Петербурге, выпускница Политеха, а также литературной мастерской Андрея Аствацатурова и Дмитрия Орехова, автор стихотворного сборника «Квадранты неизмеримого» и цикла малой прозы «Петербургский сплин», публикуется на платформе «Прочитано», участник сообщества «Люди читают рассказы».

Любит читать и писать с детства, ведет в Телеграме литературный канал «У дядюшки Мефодия» со специями театра и кино.

Пишет о разном: классика, современность (как российская, так и зарубежная).

Любит открывать новое и экспериментировать. Пишет детские сказки под псевдонимом Мария Римская, занимается дизайн-мышлением и сервис-дизайном в IT сфере.

Веснушчатый журавлик

Настасья Сергеевна Журавлева вздохнула. Ей вспомнился выпуск 11А. Тогда, много лет назад, в свои шестнадцать, она была окрыленной и счастливой. Генка и Валентин.

Валентин, светловолосый и высокий, пытался отращивать бороду, но у него это никак не выходило. Генка, коренастый и поджарый брюнет, ходил по школе в затемненных очках в серебристой оправе. Оба такие разные и родные одновременно.

Дружить начали с пятого класса, когда Настя перешла к ним в школу. Валя обожал математику и мог решить в уме любую задачу, на олимпиадах всегда становился первым. Он ей помогал решать алгебраические задачи и уравнения, вытаскивая из курьезных ситуаций у доски. Генка умел быстро заработать на карманные расходы. Он придумал распространять листовки на концерты и смог быстро купить себе велосипед. Часто Генка подвозил ее до дома на багажнике. Еще все вместе они ходили в кафе-мороженое и трескали крем-брюле, глаза на пролетающие мимо автомобили. Оба называли ее веснушчатым журавликом...

Неожиданно стул с зеленой бархатной обивкой как будто лишился опоры, спинка покачнулась. Настасья Сергеевна еле-еле смогла его поймать. Класс спал, спали учебники, зеленая доска затерта до дыр: на ней писали, писали и писали до изнеможения, упорно и с удовольствием. Мелки на доске и на асфальте. Как она любила прыгать, начиная с единички, потом два-три, четыре и опять пара-пять-шесть, семерка — на ней она всегда останавливалась и представляла, каким же будет ее день рождения в этом году. Седьмого июля.

«Ой, линейка!» — вдруг вспомнила она. Задвинув аккуратно стул, она открыла дверь класса и вышла в коридор. Паркет в школе сильно скрипел, где-то он уже выцвел, где-то сильно поблескивал. Шуршание придавало ему элегантность и старомодность. На первом этаже везде висели портреты. В числе потертых фотокарточек выпускников была их троица: серьезный гордый Генка, улыбчивый и застенчивый Валентин и зажигалка Настя. В этот день она себя не узнала. Неужели эта девочка с яркими лучистыми глазами и веснушками, смотрящая вперед бесстрашно и весело, была ею? Настасья Сергеевна задержалась у этих фото. Дети бежали из столовой мимо нее, и вдруг крик: «Генка, побежаааали», — напомнил ей всё то, что она старалась не вспоминать все эти годы.

Выпуск 1996-го. Краска на стенах и на асфальте. Именно Валя впервые придумал купить краску и написать на асфальте «ВЫПУСК 1996 ГОДА». Она помогала ему выбирать цвет, но покрасить он всё

равно решил белым-белым, как предстоящая свадьба. Так казалось всем, кто был с ними в том году рядом. Все готовились и ждали, когда сомкнутся их дороги и пути. Рядом.

В тот летний июньский день они писали сочинение, и Настя смело выбрала тему из Гончарова: раскрыть двух героев, Штольца и Обломова. Всегда симпатизировав Илье Ильичу, она отдавала должное изобретательности Штольца, смекалке и хитринке, с которыми он легко находил путь в материальном мире. С ним было просто и одновременно сложно, поэзия ему была чужда. Именно в этот миг она и осознала, кто есть кто.

Валя, такой добрый и улыбчивый Валя с гитарой за спиной был тем самым Ильей Ильичом, с которым мир кажется добрым и одновременно уснувшим, впавшим в небытие. С Генкой всё было проще и приземленнее, спокойнее, что ли: он знал, как правильно, куда нужно двигаться, и собирался поступать на управление общегородским хозяйством. Почему-то ей казалось, что уж депутатом-то он станет точно, да нет, может и министром, или кем-то важным и значимым, какой-то шишкой. Валя точно не пробьется, будет сидеть и писать песни, стихи. Почему это слово — не пробьется — пришло именно сейчас? Ведь тогда она и решила, что троица их не вечна, но определиться никак не могла.

73

В девятом классе, когда Настя заболела и месяц не могла выйти из дома, он приходил каждый день и рассказывал, что было в школе, как прошел день, забирал ее тетрадки и отдавал их учителям на проверку. Так случилось, что именно тогда написанное ею сочинение прочитали в классе как лучшее. Когда Валя принес ей эту новость, она обняла его и поцеловала в первый раз. Они кружили вместе по домашнему коридору, чуть вальсируя. Настя и Валя. Почему-то ей вспомнился Марк Шагал и парение пары в воздухе: в тот день они летали, вот как на картине.

Сдав свое сочинение, она почувствовала укол, непонятный и незнакомый, в ее туманное сердце. Закравшийся холодок не давал вздохнуть. «Неужели я обречена прожить с Ильей Ильичом», — думала она, выходя из класса. Валя подбежал первым и спросил: «Ну что, написала?». Настя мотнула головой и убежала через столовую к выходу на футбольное поле. Она не хотела ни с кем говорить. Пол скрипел под ногами, она три раза споткнулась то о коробку, то о метлу дворника, затем с размаху влетела прямо в учителя физкультуры. Выбежав на улицу, перепрыгнула через перила и побежала туда, где рос ее любимый дуб. Настя легла на футбольное поле, травка была уже с ворсом, легкой и мягкой, как будто принимала ее к себе на время этого бушующего гвалта экзаменационных дней. Настя закрыла глаза. Куда поступать? Вроде бы уже собралась на

педагогический факультет. Мечтала работать с малышами, 1–3 класс. Настя уже видела, как скоро-скоро случится чудо и у нее появится первый класс детишек. Шелест деревьев и кустарников, шорохи. Скоро начнется серьезная взрослая жизнь. Понимала ли она? Скорее всего, нет: ей виделись только очертания в фиолетовом тумане неизвестности. Фиолетовый? Настя всегда любила этот цвет, и бабушкина блузка с вышивкой ей очень шла.

Гвалт, звонок страшной силы. Линейка. Настасья Сергеевна поняла, что впервые опаздывает, застряв у выцветших фотографий. Ноги не шли. Она медленно взялась за ручку, дернула на себя. В столовой что-то ухнуло и разбилось. У выхода начал дребезжать свет. Настасья Сергеевна закрыла глаза. Она с детства боялась этого мигания. В такие моменты ей казалось, что вот-вот придет гром-ураган и унесет ее куда-то далеко, к злодею-волшебнику.

Шелест листвы. «Через месяц мне исполнится шестнадцать, третий экзамен сдан, скоро выпуск». Комок сдавил ее горло. Настя почувствовала капли, мягкие и холодные, даже терпкие, что ли — она запоминала каждое ощущение. Пошел дождик, но глаз Настя всё равно не открывала. Капли медленно струились по ее лицу, Настя слышала, как они заползают за шею и текут дальше, медленной струйкой, ручейком. Улыбка теплым покрывалом укутывала ее лицо.

Сильный ветер и листья клена закружили Настасью Сергеевну. Забегали первоклассники, сбивая ее с пути. Она пыталась выйти, но рой ребятишек не выпускал. Директор школы Федор Васильевич громыхнул: «Что-то вы тут засиделись, линейка-то закончилась. Пора в класс на занятия, вы где витаете, Настасья Сергеевна?»

И тут ноги ее подкосились. За Федором Васильевичем шел он.

«Знакомьтесь, наш новый учитель математики Валентин Александрович Дубровский», — пробасил директор.

Валя. На ее день рождения они пришли оба, в разных костюмах, смешные и веселые. Сначала ввалился Валька, затем Генка.

Настя встретила их задорно: «Будете драться за мое сердце на шпагах или на рапирах?»

«Не-а, мы водяные пистолеты выбрали». И как ба-бах! Сердце в пятки ушло, а они смеются: мыльные пузыри разлетаются по квартире. Веселые и счастливые.

Выбирать. Было сложно: тогда она хотела всего и сразу, ей хотелось жить по-настоящему, с комфортом и без нужды. Штольц или Обломов? Вечный вопрос мучил ее тогда каждый день: и на переменке, и дома, и на занятиях.

И вот когда Генка на первом курсе принес на Новый год серебряное кольцо с маленьким фианитиком и длинную алую розу, она знала, что лучше так, чем мыкаться по подворотням с гитарой. Была большая свадьба, гуляли всем классом и курсом, только Валя больше не приходил, не видела она его. И в этих всех торжествах исчезало что-то, чего-то ей сильно не доставало, и вроде бы всё хорошо, только теперь их двое, тройца испарилась, развеялась как дым. Какое-то время она еще чувствовала дыхание прошлого, но потом институт, посиделки дома, Генка ухватил однушку, переезд. Он поступил, как и планировал, на хозяйственное управление, пошел по пути работника комитета. Она окончила с отличием институт имени Герцена, стала педагогом младших классов. Но когда Настя завершила учебу, диплом пришлось убрать в стол: Генка был против работы. Говорил, что его жена не должна работать и может позволить себе отдыхать и заниматься хозяйством и детьми. Первые годы она радостно осваивала пространства моды и мебельных магазинов, изучала новинки и обустроивала дом — хватало на всё, даже с лихвой. Путешествовали они раза три-четыре в год, особенно Настя полюбила Магеллановы острова.

75

Так продолжалось лет пять-шесть. На седьмой год подобной жизни Настя начала грустить, на одном из раутов познакомилась с психологом Дмитрием Сергеевичем, ходила к нему раз в неделю на психотерапию.

Как-то раз в парикмахерской ей встретила соседка. Возьми и скажи: «Да вы что, Настасья Сергеевна, не знаете, что муж ваш по бабам шляется? Вам бы к пластическому хирургу, вот и телефончик есть — мой друг занимается операциями по омоложению».

«Гена?! — сначала даже не поняла она. — Да как вы смеете! Не лезьте в нашу жизнь!»

Укладку она в тот день так и не сделала. Убежала домой, хлопнув массивной стальной дверью. И сразу позвонила Дмитрию Сергеевичу — у него оказалось свободное окно в четыре. Пришла на прием и заревела. Первые десять минут он не задавал вопросы, ждал. «Расскажите, что вы чувствуете? Какие эмоции у вас сейчас?» Настасья Сергеевна почему-то затихла. В тишине прошла вся сессия. Он задавал вопросы. Она молчала. Изредка отвечала односложно: да, может быть, не знаю, грусть, обида, злость, ненависть, боль. После сессии ей стало легче: отпустило. Надолго ли? Она не знала. Настя понимала одно: по-прежнему уже не будет. Что-то сломалось в этот день безвозвратно, ушло.

Однушка их за эти десять лет превратилась в трешку. Обстановка, золотые канделябры, даже пианино стояло, для антуража, только никто не играл. С детьми что-то не выходило, боль-

но было, горько и одиноко. Насте уже не доставляли радости ни канделябры, ни кузнецовский фарфор.

В начале весны она начала ходить на занятия: сначала записалась на йогу, затем на курсы итальянского языка.

«Зачем тебе? — всё спрашивал Генка. — Ты лучше домом занимайся, обстановочкой. Каминчик вон надо сладить теперь, а еще домик построим на природе, будем отдыхать. Эх, хорошо будет! Еще один бизнес прикуплю — прибыльный, станция для городских катеров, скоро с тобой отметим! Доходы-то растут! Ай да я молодчина у тебя!»

Она смотрела на мужа и не узнавала его. Все мечты за эти годы исчезли, оборвались, иссушились.

И тогда она ответила: «Возвращаюсь в школу, буду работать учителем».

А он и скажи: «Дура ты, что ли? Зачем? Деньги есть, в школе ничего не зарабатываешь!»

«С детьми хочу. Ген, не могу, отпусти меня», — взмолилась.

В тот день они долго молчали. Он сказал только: «Пойдешь в школу — домой не приходи. Сразу позвоню адвокату и оформим развод».

Она выбежала, чтобы прийти в себя: обычно прогулки помогали восстановиться. Стояла осень, октябрь. Шел сильный дождь. Жуткий визг тормозов. Больница. Кома. Врачи. Две операции. Боль.

Открыла глаза. Генка с букетом у кровати: «Говорил тебе, не надо в школу. Видишь, как все решилось».

Она отвернулась, заплакала: «Всё не то. Не то, Ген, жизни нет, ухожу я. Видишь, почти ушла, да не до конца. Не случилось. Ради детей надо жить. Нянечка принесла сказки, сейчас читаю. Хочешь, почитаю тебе? Про Муми-троллей...»

«Дура ты, Настька, ей-богу, какая была, такая и осталась», — пробасил он. Смотрел на нее, и глаза его становились стальными, сумрачно-стеклянными. От этого взгляда душа леденела. Она взяла книжку и стала читать вслух: вся семья Муми-троллей собралась на обед, они искали Муми-сына и еще папину шляпу. Когда закончила абзац, услышала тихий стук двери. Геннадий ушел, так больше ничего и не сказав.

И, как нарочно, в тот же момент расшатанная крепежка в окне заскрипела от сильного прорыва ветра, треснулась о водосток и надломилась. Правая створка окна раскрылась и, не выдержав нового порыва, ухнула вниз. Тут же стекло посыпалось

со страшной силой. От ледящего душу треска Настя закрыла глаза и сжалась в комочек. Вторая половинка всё еще болталась на соплях, пытаясь удержаться на высоте пятого этажа, под крышей больничного корпуса. «Чуть-чуть, и тоже ухнет вниз, — подумала Настя и схватилась за нее, — только не дать ей полететь на мокрый асфальт. Только не сейчас. Не вдребезги. Что-то же должно остаться и удержать...» Высоко, в безветренном небе, медленно летела стая черно-белых журавлей. И вспомнилась Насте любимая мамина поговорка: лучше синица в руках, чем журавль в небе. Она ведь и выбрала синицу. Синица Штольц и журавль Обломов, ай да Настена! Кричала она долго. Прибежали санитары, втащили ее в палату прямо с оконной створкой, руки вцепились в нее мертвой схваткой. Вкололи что-то, руки ослабли, Настя стала погружаться в медленный, ватный и сумбурный сон, сквозь который всё летели и летели новые стаи курлычущих журавлей.

Мама приходила в течение месяца каждый день. Криков стало меньше, к концу ноября Настю перевели в общую палату. Через неделю она смогла вставать: сначала десять шагов, потом тридцать. Еще через неделю могла пройти сто, только сил было мало: каждые тридцать шагов приходилось садиться отдыхать. Врач давал наставление: «Ходить каждый день». Уж это-то она хорошо запомнила. «Буду ходить, не сдамся. Сначала сто, потом и триста смогу, а там и до тысячи дойду», — говорила себе Настя и ходила, каждый день, отмеряя шаги по коридорам больницы.

Генка из депутатского кресла Геннадия Рэмировича оплатил всё лечение в клинике, но на том их пути разошлись. Тот год Настя помнила слабо и смутно, как стертую пленку кинокадров. В памяти всплывали лишь отдельные моменты: визг автомобиля, лицо водителя, свет фар, темнота, пустота, крики, одиночная палата, нежелание жить, вспоротые запястья, кровь, операционный стол, Генкин крик, стая журавлей, вальс кленовых листьев, первые шаги по лестнице, прогулки в парке по полчаса каждый день, одиночество, раздел имущества, дверь загса, подписи о разводе, беседы с полицейскими, поиск водителя автомобиля, сбившего ее на перекрестке.

Свобода. Год она восстанавливалась для жизни, ей был 31, но что-то словно отмерло и осталось там, в одиннадцатом классе. В тот год Насте очень помог Дмитрий Сергеевич. Она начала чувствовать опору после еженедельных сессий с ним, что-то миллиметр за миллиметром стало возвращать ее к жизни.

В один из майских дней Настя решила съездить в район, где проходило ее детство, и дойти до школы, своей школы. Ей захотелось вернуть то, что безвозвратно было потеряно — в

ощущение полета, свободы и жизни. После больницы каждой клеточкой своего озябшего тела Настя чувствовала, что желание жить в ней еще теплилось, просто примерзло где-то глубоко-глубоко. Настя понимала, что дети и занятия с ними помогут ей, родные школьные стены придадут ей сил и вернут былую радость и теплоту. Так тогда казалось. Еще Настя думала о том, что учить детей — ее сила, ее призвание. За эти десять лет она потеряла себя, свое дело, свою жизнь, она растратила ее на пустое. Пустота окружала ее. Настя ненавидела мебель, магазины. Ей хотелось вернуться в секонд-хенд, в ту одежду, в тот мир старых заштопанных колготок, обвислых балахонов и треников.

Директор школы, Афанасьев Фёдор Васильевич, выслушал ее и после успешно сданной переподготовки принял в семью. С тех пор Настасья Сергеевна работала с малышами, ребятами 1-3 классов. Вместе они перечитали много сказок, от Туве Янсон до Эдуарда Успенского.

Наступил сентябрь. Клин разноголосых журавлей сделал круг над школой и полетел в южные края отогреться. Генка остался где-то в далеком прошлом.

С Валентином они почти каждый день обедали в столовой и обсуждали успехи учеников. Изредка он приносил билеты на театральные постановки. Особенно Настасья Сергеевна полюбила фортепианные концерты Рахманинова. Они помогали ей переноситься в другой мир, мир пронзительных светотеней оркестровых звуков.

* * *

Часы в гостиной пробили двенадцать гулких раз. Медленными короткими шагами Настасья Сергеевна подошла к библиотеке, взяла в руки лестницу, встала на нее, поднялась на три ступеньки, открыла самую верхнюю дверцу. Со школьной поры никто ее так и не открывал: руки стали пыльными-пыльными. На той полке среди старых потертых книг стоял всё на том же месте томик Гончарова «Обломов» с ее школьными карандашными пометками.

Настасья Сергеевна спустилась со ступенек, подошла к окну, чуть-чуть отодвинула занавеску и выглянула во двор. Мама больше нет. Листья кружили в необычном вальсе. Зеленые приплясывали и пытались вернуть лето, как будто говоря: тепло еще придет, подождите чуть-чуть. Желтые словно соревновались с красными, не осознавая своего необыкновенно солнечно-радостного свечения. Красные плыли медленно, яркими всполохами перетягивая на себя внимание в танце. Багровые же словно сторонились, боясь показаться невзрачными и тусклыми среди остальных. Потом ветер прекратился, и все листья упали. «Вот так и встречаются

жизнь и смерть, — думала Настя, глядя на осенний танец. — Ты меняешься, начинаешь ценить жизнь, которая с каждым годом становится короче, и осознавать неизбежность смерти. Природа меняется из зимы в лето, из осени в весну. Всё переменчиво. Бури сменяются тишиной и спокойствием. Каждая жизнь мимолетна и неповторима. Мама».

Она уже собиралась сесть в любимое мамино кресло с потертыми подлокотниками, включить торшер и открыть книгу, как в дверь позвонили. Звонили часто, быстро. Настасья Сергеевна подбежала к двери. Почему-то в этот раз она не стала смотреть в глазок. Она сразу открыла.

Иллюстрация: Яна Аршинова

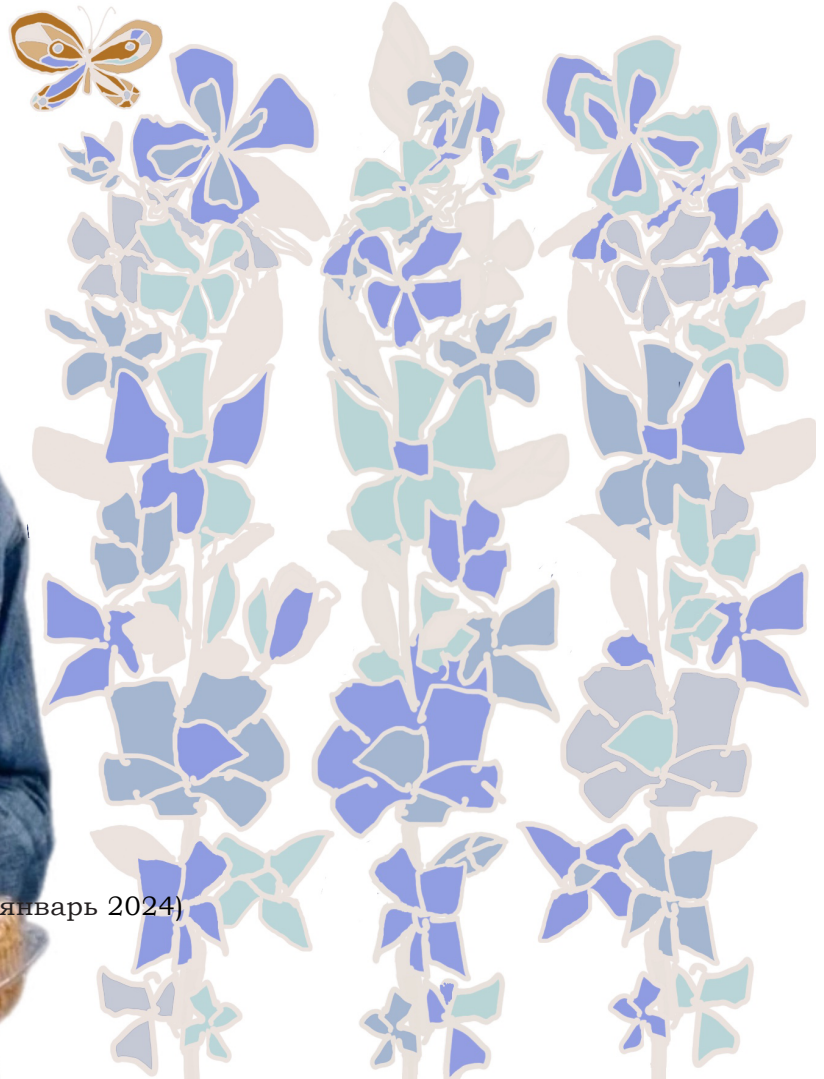
АННА РЫБАЛКИНА

Родилась в Казани. Окончила драматургическую магистратуру РГИСИ в Петербурге (курс Натальи Скороход), как драматург участвовала в совместном проекте Эрмитажа и РГИСИ «Чудесный источник» (2022).

Педагог французского языка, работает с детьми (рисование, комиксы и сторителлинг), изучает теорию комикса и его взаимосвязь с другими видами искусства.

Защитила диссертацию по теме «Трансформация зрительского восприятия в театрально-музейных проектах».

Пьесы входили в шорт-листы конкурсов драматургии «Ремарка» и «Любимовка» (2020, 2023).

Армения снова меня накрыла

2018-2022-2023

Октябрь 2022. Армения снова меня накрыла. Я ее окончательно забыла, а она возвращается снова и снова. Почему? Так надо, видимо. Кому? Неизвестно.

Четыре года назад я говорила подруге о том, что бессмысленно рисовать комикс на армянскую тему, его всё равно никто не будет читать. Кому это надо в Питере? Люди старше 35 не читают комиксы, тем более про республику экс-СССР. Я всё время хотела бросить рисовать, потому что это дело трудное. Куда это потом можно будет пристроить? Кому нужна меланхоличная история? Какая-то обычная семья с детьми, какие-то не слишком развлекательные приключения, какой-то самый обычный роудмуви в какой-то очень маленькой и не очень подготовленной для туризма стране.

Подруга говорила: «Подожди, пройдет десять лет, и твоя аудитория созреет». И вот прошло немногим меньше. Один из моих знакомых фотограф Сергей выложил вчера в сториз фото с фразой «Такой красивый город, но в нем так тоскливо». «Так, кажется это Ереван», — подумала я. Да, точно Ереван. И меня вдруг перенесло в него, в 2018-й, мне там тоже было ужасно печально. Я написала Сергею: «Понимаю тебя, была там с таким же настроением и даже что-то зарисовала». Он стал просить прислать комикс. Отправила ему несколько страниц. Смотри-ка, понадобилось! Ему было интересно.

Сергей туда поехал из родного Питера, без семьи, без собаки, без денег, без связей и, главное, почти без надежды вернуться. И таких людей тысячи. Я попала в Ереван при более выгодных обстоятельствах: отпуск, дети и муж. Думала — вернемся через неделю довольные. Вернулись. Совсем другими, как будто нас перепахало. Но в самой Армении еще было довольно мирно.

Реклама: ЕРЕВАН — ЭТО ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Да, мне почему-то там было с самого начала очень скучно. Я ожидала чего-то отпускного, приятного, расслабляющего — и всё было не то. Радовали только интересные вкусняшки в лавках, приветливые продавщицы в магазинах. Но из ущелий улиц и дорог выдувало и распыляло в воздухе нечто такое, что наводило на меня еле заметную грусть-тоску. Не радовали красивые скульптуры, не радовали низкие цены. Всё не мое, что ли...

Страна, которая очень долго находится в состоянии между войной и миром, всё время живет в напряжении, всё время в страхе, в предчувствии катастрофы, страна, не простившая

никому старые обиды, не может открыто и спокойно жить, тем более улыбаться. Мне захотелось уехать сразу, как только вышла из такси и вдохнула воздух.

В комиксе, который я буду муржить два с половиной года (отрисую 100 страниц, а потом застопорюсь навсегда на его середине), я сделала фрейм — как мы выходим из такси. Я даже помню лицо таксиста, который содрал с нас какую-то несусветную сумму. Наверное, я рисовала по возвращении эти кадры со скрытой мыслью отомстить. Отомстить этому городу, который я не полюбила. И он не полюбил меня.

Фотографа Сергея, который попал сюда осенью 22го, Ереван тоже, видимо, не принял. Ему горько, и мне было не по себе... хотя зря я жалуясь. У меня не было нужды в деньгах, времени и свободе. Гуляла. Часто одна. А муж...

Я обижалась на него каждый день из-за ерунды, из-за невнимания, из-за того, что он всё время искал развлечений, мужские компании. И эта обида послужила поводом, нет, не отомстить мужу, просто начать писать, фиксировать, что произошло, свои эмоции, выплескивать эту набухающую муть внутри.

83

И зачем только я предложила ему поехать в Армению? Шесть дней мытарств. Не везло нам на каждом шагу: то с погодой, то с хозяевами квартир. Когда на обратном пути мы пересекли границу, я подумала, что это самая ужасная поездка в моей жизни, но она может стать книгой. Села писать, начертила карту, перечислила все посещенные достопримечательности, описала политическую картину в стране: мягкая революция без единого выстрела, с шашлыками и фейерверками, упомянула забитое положение женщин в маленьких городках, постоянные разговоры о геноциде и карабахской войне. И что дальше? Писать об армянках? Маловато материала. Они очень закрытые. Я почти ни с кем не общалась. Рассказать о красоте природы? О древней истории? Не то.

Я не могла тогда еще писать и формулировать задачу. Мне еще надо было до этого дойти и поучиться. Поэтому я фиксировала в альбоме названия мест, армянские буквы, фразы, рисовала. Кучи эскизов церквей и гор. Глупая. Надо было делать наброски того, что окружало, быта. Я же не знала тогда, что потом буду создавать комикс, и мне придется рыскать по интернету часами, чтобы найти, как выглядит обычный ереванский подъезд, дом, стол. А тогда в Армении я страдала и просто, как отдушину, брала мелки, бумагу и чиркала.

В Армении у меня никого не было, в смысле, знакомых, никаких. Мы общались только с теми, у кого мы снимали квартиры по ходу маршрута. Точнее были их контакты. Их голоса по телефону.

И всё. Мы мучились с поиском хорошего проводника водителя. И вот сейчас у меня в Ереване куча знакомых.

*Реклама: СЪЕЗДИТЬ В АРМЕНИЮ ВСЁ РАВНО ЧТО ПОБЫВАТЬ
В ГОСТЯХ У БАБУШКИ*

Мне нравилось рисовать ереванский митинг 2018-го года на бумаге. Я тогда пожалела, что не сфотографировала с телевизора некоторые кадры из новостей. Хотя я и сейчас ничего не снимаю с экрана. Сейчас всё ранит. А тогда, четыре года назад? Тогда я смотрела на их бархатную революцию и думала: а пошла бы я туда, на площадь, будь я на их месте? Не знаю. Они вышли все, с флагами, громкие, сильные, возмущенные. Стихия толпы. Рисую комикс кадр за кадром, я пыталась копировать найденные в интернете образы. Парень с огромным флагом на грузовике. Люди в спортивных костюмах, раздающие всем бананы бесплатно. Пашинаян в бейсболке и с громкоговорителем, и его все слушают.

Когда таксист вез наши чемоданы в гостиницу, он показал пальцем, где была революция: вот площадь, вот фонтаны. Он так воодушевленно говорил!

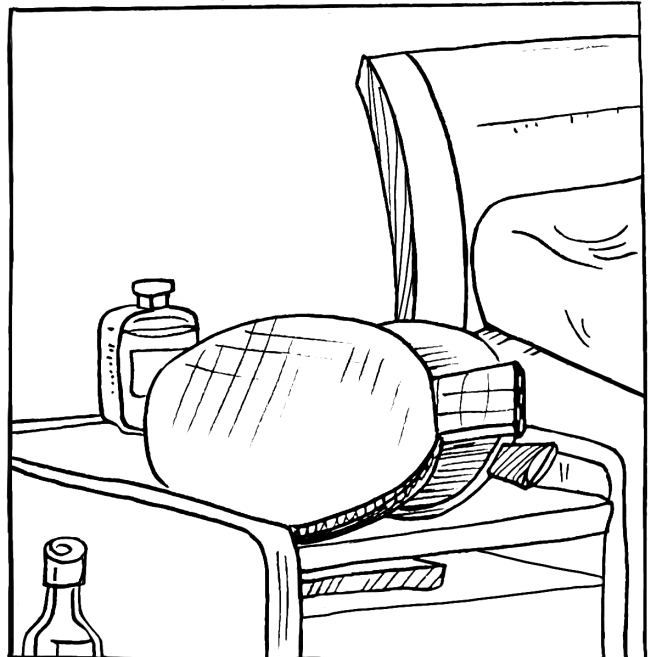
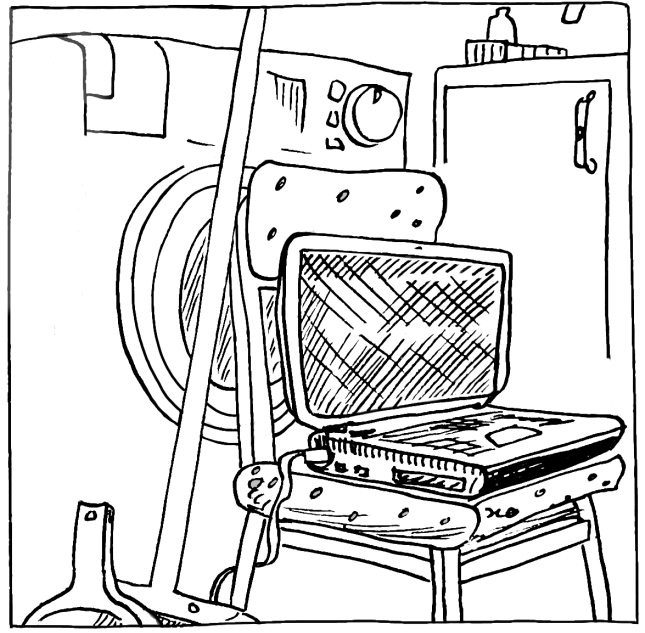
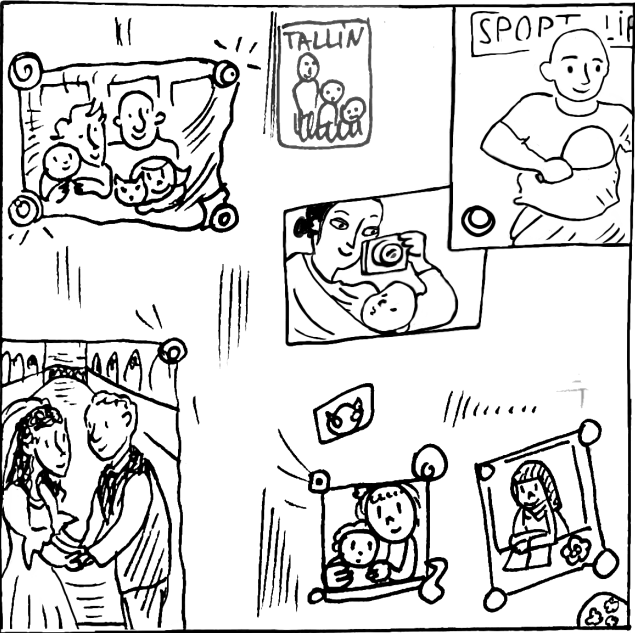
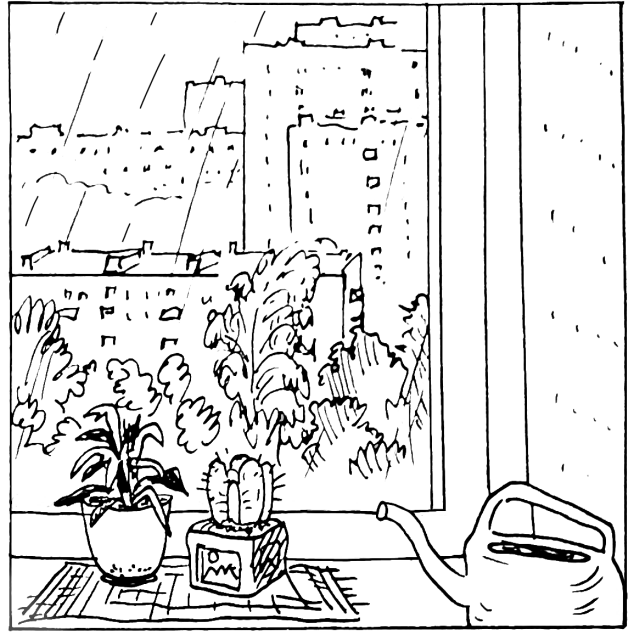
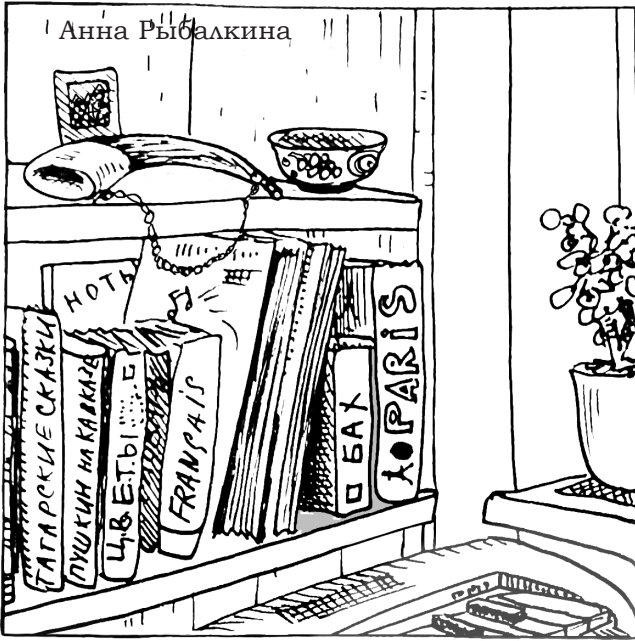
ТАКСИСТ. Никто не был раненый, ни одного человека не убили! Все обнимались, радовались: гуляли всю ночь, танцевали, пели, делали люля. Все кафе и рестораны были открыты!

Это звучало наивно и радостно, что нам стало даже завидно. Смена власти произошла быстро и бескровно. Сейчас я уже понимаю, что всё было не совсем так, как казалось простому народу. Не всё бархатное, что кажется бархатным. Сегодня митинги в Ереване другие.

Помню, как встретила одну женщину на заправке у озера Севан. Она, единственная среди встреченных нами армян, ни на что не надеялась, не верила в перемены к лучшему. Она смогла отправить сына в Россию учиться, говорила, что шлет ему очень много денег. Но оно того стоило, потому что его не забрали в армию.

Интересно, что после революции прошло не так много времени, но со стен исчезли все граффити, из магазинов для туристов — все футболки и сумки с бородатым лицом Пашинаяна. Наверное, покрасили и те гаражи, на которых мы заметили троицу Ленин–Сталин–Пашинаян. Граффити недолго живут. Мне сказали, что и памятник, воздвигнутый на дороге в Гюмри сразу после того, как новый президент отправил своего сына служить в Карабах, тоже разрушили: «Никто ему больше не верит».

ФОТОГРАФ СЕРГЕЙ. Вот уже две недели как я не могу найти работу и впадаю в панику. Без любимого дела жизнь теряет краски.

Этой осенью я почти каждый день нажимала хэштег #ереван2022. Среди рекламы бровей, ногтей и жирно покрашенных дамочек мне удавалось найти фотографии уехавших. Обычно это была какая-нибудь достопримечательность города, рядом одинокая мужская фигура и внизу печальная короткая фраза, типа «Последнее фото в России».

Вот Николай, художник. Фотоколлаж на тему релокации. Новое слово, кстати, «релокация». И мы теперь точно знаем дату появления этого слова. Да, Николай — релокант, как и Сергей. Его желтенькие милые полупрозрачные образы эдаких покемонов-человечков парят над мирной монохромной армянской столицей. С одной стороны тоска, с другой — красота: четкие линии, архитектурные элементы. Черные треугольники балконов на фоне абсолютного белого холодного неба. Название: «Русские улетают из России». Куча реакций: смайлики со слезами. Черные такие воздушные шары с корзинами. Желтые человечки цепляются за них, боятся упасть. Ощущение подвешенности: ни на земле, ни на небе, ни в Питере, ни в Ереване. Комментарий снизу: «Летят перелетные люди, летят из родимой страны».

Реклама: ДАВАЙТЕ ИЗУЧАТЬ АРМЕНИЮ ВМЕСТЕ С НАМИ!
НАСТЯ-ДОМОХОЗЯЙКА. Прошло уже 2 недели, как я в Ереване. Вот наша квартира.

С Настей (женой айтишника) мы не были лично знакомы. Я стала смотреть ее записи в сети после того, как она уехала из России. Сначала показывала просто красивые фоточки с кофе, туфельками на траве, виды из окон, люстры с хрустальными висюльками. Я послала реакцию: «армяне любят поблестящее и покрасивше». Настя ответила, что к этому быстро привыкаешь.

НАСТЯ-ДОМОХОЗЯЙКА. Когда я летела одна с двумя детьми и тремя чемоданами по 20 килограммов, мои чувства были отключены, как у Елены из «Дневников вампиров»: я делала всё на автомате, чтобы всем было комфортно. Потом всё стало меня раздражать. Мне не нравилась квартира, не нравился район: шумно, выхлопные газы, непривычный язык, другая валюта, непонятные цены, слишком добрые люди. Да. Это напрягало, и не хочется им улыбаться в ответ. Курят просто везде. Всё валится из рук, всё не так, как я ожидала. Мне хочется домой. Муж меня успокаивал: главное, мы вместе. Без него я бы с ума сошла. И еще, сервис тут никакой: закажешь электрика, а он не придет ко времени. И прождешь его зазря. Как так?

Электрик, ну да. У меня, конечно, всплыла в памяти та наша история с лампой. С нее-то всё и началось. Ереван пять лет назад. Центр города. Улица Абовяна. Панельный дом. Мы прилетели ночным рейсом. Все спят. И вдруг грохот: лампа, подвешенная в комнате у детей, стукнулась от сквозняка об шкаф и грохнулась на пол. Лампа разлетелась на миллион мелких осколков: она была сделана из голубой мозаики.

Мне это показалось плохим предзнаменованием. Когда я написала хозяйину квартиры об инциденте, он спросил меня: «Ребёнки пострадали?» «Нет», — говорю. Он: «Слава Богу!» А сам так и не приехал разобраться. «Я потом поменяю лампу».

НАСТЯ-ДОМОХОЗЯЙКА. Коротко о погоде у нас дома. Реально очень холодно. Спим в штанах и носках. Ждем, когда включат отопление. То трубы текут, то котел не работает. Обещают на днях починить. Осень в Ереване 22-го года всё-таки холодная, хотя теплее, чем в Ярославле.

Из минусов жизни для молодых мам: огромная проблема купить большую пачку памперсов, продают только поштучно. А еще здесь водят машины по очень странным правилам и не пристегивают малышей к детским креслам. Кошмар!

Из плюсов. Очень вкусная клубника, как у мамы на даче. И, конечно, вода — чистая и можно везде найти в фонтанчиках. В целом у нас хороший район, есть детские площадки. Я начинаю привыкать.

ПСИХОЛОГ ЕГИА. Начал чувствовать первые признаки спада эйфории после переезда. Он сопровождается гореванием, оплакиванием. Начинает догонять, другими словами. Теоретически это важный этап в адаптации в новой реальности.

Егия переехал в Ереван из Москвы, тоже жаловался вначале на необязательность людей, сложности с вождением машины на дороге, но потом оброс новыми связями. Егия по национальности армянин. Кажется, ему легче должно было адаптироваться. Оказалось, совсем нет.

НАСТЯ-ДОМОХОЗЯЙКА. А еще я поражена силой веры в Армении, многие каждую неделю ездят к святым местам по всей стране, чтобы помолиться и прикоснуться к стенам. Я давно тут ничего не писала, меня накрыло недавно. Такая депрессия была.

Ник занимается спортом, ведет ютуб-канал, призывает всех следовать его примеру. Вот на этом видео он поднимается по лестнице Каскада. Снимает себя при помощи селфи-палки. Звучит ритмичная музыка.

НИК-БЛОГЕР. «Не существует более глубокого одиночества, чем одиночество самурая. Разве что, может быть, одиночество тигра в джунглях».

Снизу Ник добавил к этому свой коммент. «Держи нос по ветру, носки чистыми и любите маму».

Реклама: ЕРЕВАН — РОЗОВЫЙ ГОРОД НА ВЕЧНЫХ
КАНИКУЛАХ

Каскад. Именно здесь мой муж снимал квадрокопте-

ром горы, и именно здесь у него ничего не получилось. Вокруг квадрака собиралась кучка молодых мужчин, они наперебой задавали вопросы и с горящими глазами смотрели, как двигаются пропеллеры, слушали, как они жужжат пчелой. Как я ненавидела этот звук тогда! Я ревновала и к квадрокоптеру, и к мужикам, и ко всему Еревану. То, что не было видно Арарата, вызывало у меня не сожаление, а ухмылку. А муж очень увлекся своим мощным гаджетом и не замечал моих чувств. А может, и замечал, только делал вид, что не замечает. Для него запустить квадрак было всё равно что полетать самому. В Питере запуск квадрокоптера в центре мог обернуться немаленьким штрафом. А тут запускай, сколько хочешь. Тогда слово «беспилотник» и в Армении, и в России носило развлекательный характер.

Но вернемся к Каскаду. Вдруг, откуда ни возьмись, появился он, Мушег. Как он был мне неприятен! Это лицо, такое ухоженное, улыбающееся, наивное, фигура в чистеньком розовом поло. Отглаженный и прилизанный, стерильный. Я могла бы просто не обратить на него внимания. Но нет. Меня раздражала эта святая невинность на его лице. Он окончил институт и боялся попасть в Карабах.

89

«А я-то тут причем? Я в чем виновата?» — подумалось тогда. Это мой первый день в Ереване, я только что прилетела в отпуск, перепсиховала в полете, мало спала. А тут уже кто-то лезет со своей проблемой. Мушег хотел что-то объяснить по-английски, но знал язык слабо. По-русски ноль. Муж просто улыбался и не реагировал на него, а я кипела.

Я. Зачем ты дал ему свой имейл?

МУЖ. А че такого?

Я. Он же будет напрашиваться, чтоб ты ему сделал вызов в Россию для визы.

МУЖ. Ничего страшного.

Я. Я не хочу решать чужие проблемы, я не хочу эту их войну в себя пускать, понимаешь?

МУЖ. Я же не собираюсь ему отвечать. Не пожарь.

По закону в Армении все молодые люди в 17–18 лет призывались в армию на 2 года. Поступление в институт давало отсрочку. Но после института тебе надо было служить уже не два, а три года. А если кто-то уклоняется, то его объявят в розыск и вкатят огромный штраф. В 20-м году начались боевые действия на границе с Карабахом, тогда за дезертирство и уклонение давали уже не штраф, а тюремный срок до 15 лет.

На днях я спросила мужа, как он сейчас смотрит на ту историю с

Мушегом.

Я. Надо было ему помочь?

МУЖ. Тогда же не было никакой войны, он просто хотел дезертировать в мирное время. Почему я должен был ему помогать? Он мне чужой. Не, не помог бы.

И я успокоилась этим ответом. А то уже было начала себя грызть за ту нелюбовь к Мушегу.

В разных городах Армении мы часто встречали военных в кафе или ресторане. В увольнительном они старались хорошенько посидеть и выпить, иногда даже танцевали, и танцы их были похожи на разбрасывание сгустков энергии. Было видно, что они очень старались компенсировать себе что-то. Они либо мечтали, о том, что закончится служба, они вернутся на Родину, к себе в село, либо хотели отомстить кому-то и за что-то раз и навсегда. Всех их ждал 2020 год. Живы ли они?

Комменты в одной социальной сети под фотографией Каскада.

ПОДПИСЧИЦА БЛОГА 1. Очень красивый город Ереван. Но ехать страшновато.

ПОДПИСЧИЦА БЛОГА 2. Почему страшно? Вроде безопасно тут.

ПОДПИСЧИЦА БЛОГА 1. Я купалась на Ильин день в этом фонтане, когда маленькая была.

ПОДПИСЧИЦА БЛОГА 2. Наверное, не на Ильин, а на Ивана Купала.

ПОДПИСЧИЦА БЛОГА 1. Я армянка, мне скидка 50 процентов. Ваню с Ильей спутала.

ПОДПИСЧИЦА БЛОГА 3. Помню Ереван середины 80-х. Розовый город с невероятным количеством фонтанов.

ПОДПИСЧИЦА БЛОГА 1. И вода там вкусная, напиток не могла.

ПОДПИСЧИЦА БЛОГА 2. Фонтанчик — пульпуляк тут называется.

ПОДПИСЧИЦА БЛОГА 1. Хорошее тогда было время. Не было войны. А сейчас ехать боязно.

Реклама: НАГОРНЫЙ КАРАБАХ В ОЖИДАНИИ ТУРИСТОВ

Я. Как там у вас?

ЛЕНА. Все ходят на военные курсы.

Лена, ереванская комиксистка, с которой я познакомилась в интернете сразу после поездки в Армению. С тех пор мы часто переписывались, обсуждали свои проекты и новости.

Я. В смысле, «на военные»?

ЛЕНА. Все хотят учиться военному делу.

Я. Ничего себе. Платные курсы?

ЛЕНА. Нет.

Я не знаю, о чем дальше можно говорить.

ЛЕНА. Я сама ходила, училась стрелять. Время плохое, очень плохое. Самооборона.

Я. Мамочки.

ЛЕНА. Стрелять я уже немного училась, только зрение у меня плохое.

Молчу в ступоре. Как стрелять? Зачем стрелять?

ЛЕНА. Если в твой дом ворвутся.

Я. Ты думаешь, что могут? Стрелять???

Какой кошмар! О чем они думают там? Я не хочу знать про это вот всё! Подальше от меня все эти «стрелять-убивать»!

ЛЕНА. Медицинскую помощь хотя бы надо научиться оказывать.

Я. Мне страшно.

ЛЕНА. Русских много. Помогают нам. На передовую еду и одежду посылают. Очень много помощи.

Я. На передовую? (Боже, Боже, Боже!) Пока, Лен. Напишу еще потом.

Я не хочу знать про войну. Я не хочу слышать, как армяне несут азербайджанцев и турок. Почему люди вместо того, чтобы решать мирные вопросы, всё время думают о войне и мести? При чем с самого детства. Почему же я взяла в руки эту свою нескончаемую «Армению»? Почему мне опять это нужно? Потому что она вокруг. Армения. Она тут. Она вернулась. Вернулась и накрыла. Если бы я не рисовала тогда комикс, я бы никогда не стала писать пьесы. И этого текста бы точно не было. И он бы не звал меня его закончить.

91

*Реклама: ТОП 5 ДРЕМУЧИХ МИФОВ КАРАБАХА РАСКОПАЛИ
ИЗВЕСТНЫЕ ТУРИСТЫ*

Они переименовали его. Я узнала об этом только что. Они изменили название Степанакерт. Это столица Карабаха. Теперь Степанакерт записан в интернете как Ханкенди. Азербайджанские военные взяли его во время войны 20-го года.

ВИКИПЕДИЯ. Ханкенди находится на международно признанной территории Азербайджана, фактически контролируемой непризнанной Нагорно-Карабахской республики.

Я не понимаю, кто что контролирует. Наверное, и не очень хочу это понимать. Я знаю лишь, что погибло очень много мирного населения, что многие спасались бегством, что потом какая-то часть армян вернулась в села, рядом со Степанкертом, то есть Ханкеди: им разрешили. Но кто где живет теперь, мне не понять.

Карабахский конфликт имеет давние корни, после развала

СССР в 89-м году начались волнения, так как официально Карабах присоединили к Армении. Кровопролитная война длилась 5 лет. Тогда Нагорный Карабах остался под армянским флагом. Люди там хранят память о войне, ненавидят всех азербайджанцев. Если спросить у азербайджанцев, что они думают об армянах, они ответят то же самое. И неважно, родился ты после или до войны первой-второй карабахской войны. Если ты по ту сторону границы, ты враг. Ощущение врага сплачивает. Ощущение общей беды сплачивает.

Открыла Трипадвайзор. Фотография армянского танка в память о погибших в первой карабахской войне. Да, я его помню. Рядом еще было уличное кафе, единственное на районе. Нас не оставили там голодными.

«Развлечение номер 6 из 12 в Шуши. Танк». 2018 год. Отзыв от Александра:

«А там солдат лежит, что толку от него, когда слеза бежит у матерей его.

Да пропади оно, нет мира без войны.

Попробуй убеди,

Заткните ствол ему гранатой и толмой,

Стреляет в небо, вверх над радостной толпой,

Снесите все столбы и дайте людям путь:

пусть празднуют вином объединенья грусть».

Вспомнила. В этом кафе около танка ко мне подошел мужчина в штатском, спросил, откуда мы приехали, показал вдалеке белеющее здание тюрьмы, сказал, что раньше на ее месте была крепость и это местная достопримечательность. Одна из двенадцати в Шуши. Дал свой телефон на всякий случай. Сказал, что его зовут Майор. Не звание такое, а имя. Майор. Да, подходящее в данном месте имя. Я поскорее поспешила уйти.

Это просто дневник. Просто даты, просто переписка с моими знакомыми, просто места и просто мои ощущения. Ощущения тогда, в 18-м. И ощущения сейчас и здесь, в 22-м.

У меня еще будет время подумать.

У меня еще будет время покликать хэштеги #ереван #карабах #2022

У меня еще есть время.

Место для текста внизу еще есть. Жаль, что всегда есть о чем писать. Жаль, что это всё не закончилось. Но оно закончится. Обязательно.

Реклама: СКАЗКА ИЗ НАГОРНОГО КАРАБАХА. В ЦАРСТВЕ КАМНЕЙ, МХА И ВОДЫ.

Ущелье Керчь, Шуши. 2018

СОНЯ. Давайте я для вас травы соберу, хорошая трава в чай.

Я киваю, рисую и молчу. Мы с дочками и Соней сидим на самом краю красивейшего ущелья. Местные его называют Керчь.

АРСО. Тут я воевал. Вертолеты летали внутри ущелья. Здесь была страшная битва. За Шуши. Много погибло народу.

Арсо смотрит, как муж запускает квадрик. Соня и Арсо сами подошли к нам в гостинице в городе Шуши, чтобы предложить помощь, захотели показать красивый вид. Ничего не требовали взамен.

СОНЯ. Я вышла за Аарона 5 лет назад. Моего первого мужа убили на войне. Дочки выросли. У них семьи, живут в разных городах Армении. Сейчас они отказываются принимать Арсо. Даже домой не впускают. Говорят, что я предала память их отца. Что мне должно быть стыдно. Не дают с внуками встречаться, особенно младшая. Такая агрессивная. Кричит, невозможно с ней говорить, ничего не помогает. Не знаю, что делать.

Я перестаю рисовать.

Я. Всё наладится, вот увидите. Она всё поймет и простит, рано или поздно примет.

93

СОНЯ. Ты так думаешь? Арсо притащил меня сюда, в Шуши. У него здесь родительский дом заброшенный стоит. Я согласилась посмотреть, приехала. Как я тут буду жить? Кто я здесь? С ним все соседи хорошо общаются, но не со мной. Я чужая. Но тут такие женщины! И говорят карабахские немного по-другому. Надо возвращаться обратно. Я вообще-то ереванская армянка. Нас тут не очень любят. Денег у нас мало. Живем на копейках.

Я. А Ваш муж работает или на пенсии?

СОНЯ. Пенсия мизерная. На нее жить нельзя. Арсо раньше работал учителем русского языка. И сейчас хотел бы.

Я. А репетиторством не подрабатывает?

СОНЯ. Ему стыдно этим заниматься.

Я. Стыдно?

СОНЯ. Уедем, я тут всё равно не смогу жить, буду работать как раньше. Я же продавец, работа всегда есть. А у тебя что, только дочки?

Я. Да.

СОНЯ. А чего мальчика мужу не родишь? Ты еще сможешь. Ты вон какая, в силах еще.

Я краснею. Мне неловко. Открываю пакетик, который протя-

гивает Соня. Чабрец. Очень вкусно пахнет.

Кому-то стыдно брать деньги за репетиторство, а кому-то стыдно от того, что нарушают его личные границы. В Карабахе, и правда, люди очень отзывчивые и предлагают помощь. Это потрясающе. Но это и настораживает. Сколько же люди натерпелись, чтобы так вот подходить и предлагать!

ЛЕНА. Может, Сонины дочки уже приняли Арсо? Как ты думаешь?

Я рассказала Лене, как мы общались с Соней и Арсо в ущелье. Я. Эта история не дает мне покоя. Люди совсем не хотят мириться, не хотят принимать поступки, которые кажутся им неправильными, не умеют принимать «чужого», а иногда не умеют принимать и «своего».

ЛЕНА. Война, может, помогла воссоединить семью. Я думаю, они помирились, а?

«Дорогая Лена. Я с мужем тоже помирилась тогда, в 18-м. Как это ни ужасно звучит, но война и правда может помирить. Те, кто находятся в сильном конфликте в семье, могут одуматься, увидев, что бывает, когда не получилось договориться. И еще я получила ответ от издателя. Он отрицательный. Комикс не хотят брать».

ИЗДАТЕЛЬ. А почему ты не написала про развод героев? Пусть бы они развелись.

Я. Они очень сильно поцапались, и это стало им уроком на многие годы вперед. Они смогли договориться и простить.

ИЗДАТЕЛЬ. Благодаря чему?

Я. Благодаря тому, что их пригласили в гости. И там они увидели старика, который всё делал сам, ухаживал за парализованной женой, выращивал картошку.

ИЗДАТЕЛЬ. Причем тут картошка?

Я. Картошка посажена недалеко от пещер, где во время войны прятались бойцы, а во время репрессий там держали арестованных. Там же у входа и расстреливали.

ИЗДАТЕЛЬ. Ничего не пойму, зачем нам пещеры? Это Карабах, что-ли?

Я. На границе с Карабахом.

ИЗДАТЕЛЬ. О чем комикс?

Я. О том, как трудно договориться.

ИЗДАТЕЛЬ. Боюсь, что наше издательство пока не может взять ваш комикс в работу.

Я. Почему?

ИЗДАТЕЛЬ. Меланхолические черно-белые переживания плохо

продаются. Может, в Европе ты и найдешь спрос. Пиши сразу на английском.

Репрессии в Горисе (на границе с Карабахом) приобрели массовый характер в 34–35 годах, тюрьмы были переполнены, поэтому для заключенных, а их были сотни, приспособили две большие пещеры для мужчин и одну маленькую для женщин. Репрессии были связаны с армяно-азербайджанскими стычками. Никаких полноценных исследований на эту тему нет, только рассказы местных стариков.

Реклама: БАРЕВ ДЕС, РОССИЙСКИЙ РЕЛОКАНТ!

Кстати, мой знакомый фотограф Сергей стал официально работать на европейское фотоагентство и научился делать видеоролики с анимацией. Нашел заказы. И еще — к нему в Ереван приехала семья.

Я. У тебя улыбка на лице.

ФОТОГРАФ СЕРГЕЙ. Понемногу отпускает.

ПСИХОЛОГ ЕГИА. Армянский клининг — это когда уборщица просит тебя поставить кофе и выпить с ней. Эти армянские моменты непосредственности, человечности отогрели мне сердце за это время, пока я тут. И я вижу это как что-то положительное.

95 НАСТЯ-ДОМОХОЗЯЙКА. Мы рады, что переехали: не могу представить, как бы я каждый раз со страхом открывала почтовый ящик. Здесь уже привыкли. Но адаптация — это очень тяжело. Для себя мы поняли, что спокойствие и уверенность в жизни, даже при переездах, мы даем себе сами. Дом там, где мы вместе.

ПСИХОЛОГ ЕГИА. Я чувствую, что Армения могла бы стать моим новым домом, несмотря на все колебания. Но стране грозит война, и никто ничего не знает. Сложно обустроить дом, когда рядом непредсказуемый, агрессивный сосед. Я не хочу пускать корни, а потом снова переживать утрату.

НАСТЯ-ДОМОХОЗЯЙКА. Конечно, мы скучаем, по нашим друзьям и родителям. Мы знали, что будет нервно. Но мы справляемся. Иногда приходят на помощь местные, иногда сами приезжие. У всех одинаковые проблемы. И пути решения всегда находятся.

Через четыре месяца Егия уедет из Армении на Бали, а Настя с семьей — на Кипр.

ПСИХОЛОГ ЕГИА. При развитии технологий пропадает человеческое, мы меньше перемещаемся, меньше живого общения, голод сердца растет. В Армении этот процесс идет медленнее.

ПОДПИСЧИЦА БЛОГА 1. Муж ходит к парикмахеру, который стрижет, как Боженка, но каждый раз приходится ждать, пока

парикмахер доиграет в нарды на телефоне. Парикмахер всегда очень радуется, когда выигрывает, и хвастается перед мужем своими очками в мобильном приложении.

ПОДПИСЧИЦА БЛОГА 2. В любой профессии важно иметь быстрые победы для серотонина. Я вот стою в очереди в продуктивном, потому что продавщица показывает покупателю фотки своей внучки.

Реклама: ПОЧЕМУ СТОИТ ПОЕХАТЬ В АРМЕНИЮ. НАЙТИ ПОКОЙ В ДУШЕ.

НИК-БЛОГЕР. По-армянски спасибо будет «Шноракалятун», это невозможно выговорить. Местные ребята просто выбросили это слово из своего лексикона. Они взяли французское слово «мерси», и живут себе припеваючи. Мерси, Армения.

ФОТОГРАФ СЕРГЕЙ. Когда мне было невыносимо тоскливо в Ереване, я пошел в Конд, самый заброшенный властями угол, и снимал там на голубятне двух мужчин. Они братья. Приходят туда каждый вечер и чият: кормят голубей, смотрят на закат. У моего отца тоже была голубятня. Я вырос с голубями. Как они. Любимое дело — отдушина. Очень красивые голуби. Как в детство попал. Правда, сейчас главный герой репортажа запил, поссорился с женой. Поэтому съемки прекратились. Но я всё равно дождусь, когда они помирятся, а они обязательно помирятся. И сделаю о голубях очень хороший репортаж. Обещаю.

2022 год

ВАДИМ ФЕДОРОВ

Драматург, писатель, сказочник.

Председатель Союза

русскоязычных писателей Чехии.

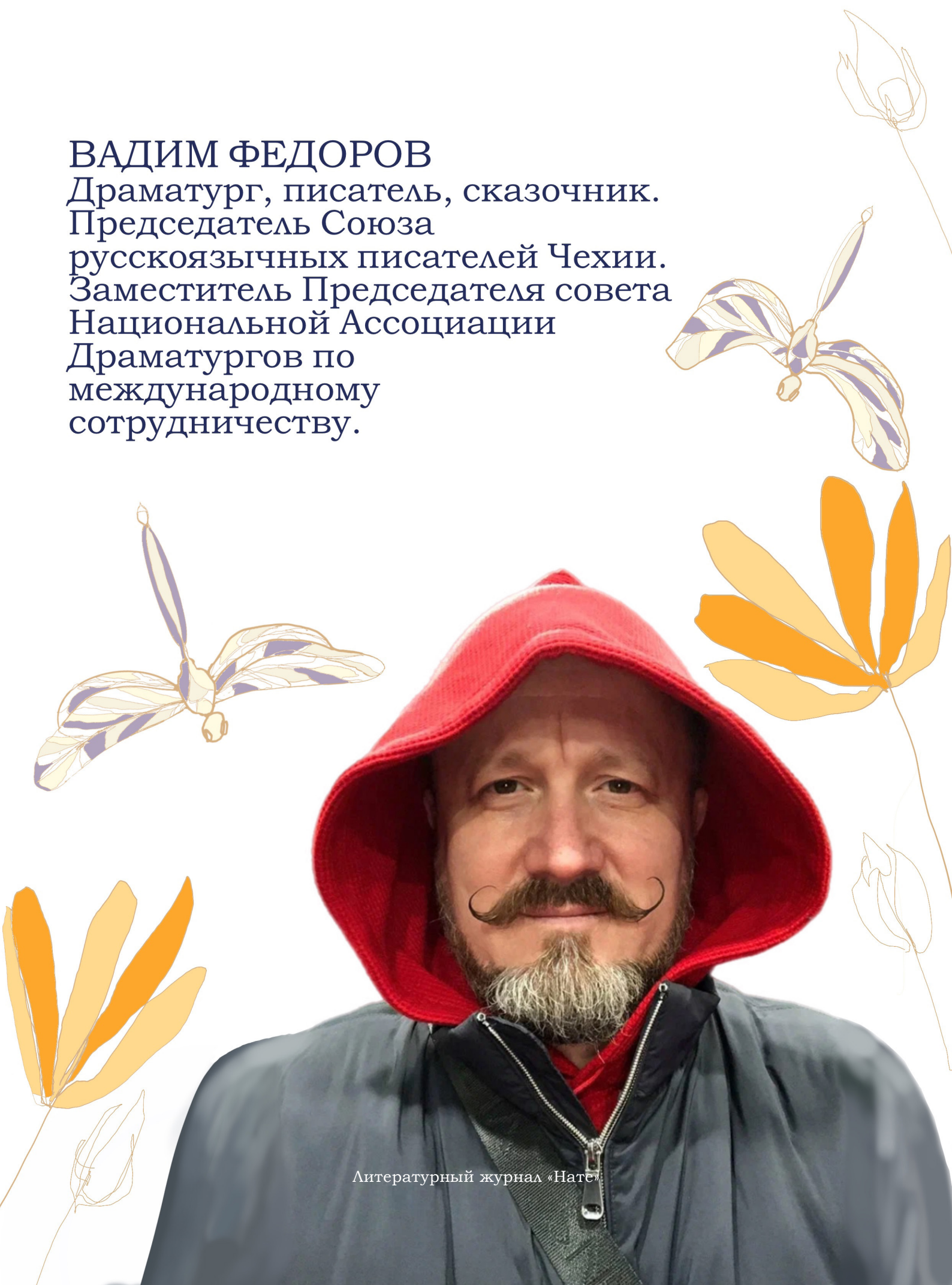
Заместитель Председателя совета

Национальной Ассоциации

Драматургов по

международному

сотрудничеству.

НА КЛАДБИЩЕ

комедия в 1 действии

Действующие лица:

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА, женщина 50 лет.

БАБА ЗИНА, сухонькая старушка с пятого этажа, 70 лет.

АЛЛА БОРИСОВНА, обычная женщина с третьего этажа, 40 лет.

САША, модный молодой человек с третьего этажа, 25 лет.

ВАСИЛИЙ, электрик с первого этажа.

СВЕТА, молодая мамаша с пятого этажа.

МУЖ СВЕТЫ, мужчина в очках.

МУЖ НАТАЛЬИ ВАСИЛЬЕВНЫ, интеллигентного вида мужчина.

ФЕДОРОВ, риелтор.

НИНА, женщина со второго этажа.

99 ЛЕНОЧКА, женщина с девятого этажа.

ВНУК, круглый мужичок неопределенного возраста.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА, наглый мужчина.

СТОРОЖ, мужчина с пропитым лицом.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1, человек в спецовке.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2, человек в спецовке.

КУРЬЕР, молодой человек с прыщами.

БЕЛОБРЫСЫЙ КУРЬЕР, молодой человек без прыщей.

ШАЛИМОВ, худой полицейский.

ДУДЫРЕВ, полный полицейский.

ЛЕОНИД, молодой человек.

Кладбище. Двое роют могилу на краю сцены.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Всё, успели. Заканчиваем. Старушке понравится.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. А ты откуда знаешь, что тут старушка будет лежать? Может, старичок?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Эх, стажер, стажер. Кому могилу копаешь, обязательно знать надо. Я это еще в девяностых понял, когда нас бандиты чуть не положили в кривую ямку, выкопанную нами же. Какого-то авторитета хоронили, а мы с бодуна асимметрично края забабахали.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Асимметрично? Это как?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Это когда углы не девяносто градусов, а сорок. Как у водки.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Понятно. Так кого хороним-то?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Кострюкова Клавдия Андреевна, 97 лет. Улица Парковая, дом 17.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Не авторитет?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Нет. Обычная старушка.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Тогда можно расслабиться.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Расслабляйся. (*Смотрит на часы.*) Теперь не мы опаздываем, а они опаздывают. В этом доме, кстати, на Парковой, ясновидящая живет.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Какая ясновидящая?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Здрасьте, приехали. Весь город знает, а ты не знаешь?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Да какая ясновидящая! Это все выдумки — все эти гадалки и ворожеи. Это народ дурят.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Не, эта настоящая. Я точно знаю.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Откуда?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. У меня жена раньше вместе с Натальей Васильевной в поликлинике работала.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. А кто такая Наталья Васильевна?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Ясновидящая, про которую я тебе рассказываю. Точнее, раньше она была простым зубным врачом, а потом с ней что-то случилось: то ли током ударило, то ли съела чего, но вдруг стала выдавать предсказания.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Какие?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Разные. На новогоднем корпоративе вдруг взяла и лягнула, что завхоза посадят, а главврача уволят. Все вначале подумали, что она водки перепила, и внимания не обратили.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. И че?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Да ниче. Через пару месяцев комиссия из Москвы приехала, и завхоза посадили за растрату. А главврача уволили: он завхоза покрывал.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Обалдеть!

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Ага. А потом она клиентке одной пломбу ставила, студентке какой-то, и вдруг возьми и скажи: «Ты беременна двойней. Две девочки у тебя». Та бегом в аптеку тест покупать.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. И тест показал, что студентка беременна двойней?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Нет. Тест показал одну полоску.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. А в чем тогда пророчество?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Ранний срок был. Тест еще не среагировал. Зато через неделю две полоски выдало, а через восемь месяцев студентка родила двух здоровых девочек: Леночку и Ларисочку. Вот.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Ты не врешь?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Делать мне больше нечего. Про нее все знают. Только она после того, что с ней стало происходить, уволилась. На пенсию вышла. Да там у нее муж богатый — юрист. Так что сидит дома. Но периодически у нее припадочки случаются — приступы ясновидения. Да.

101

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. С ума сойти! Такого же не бывает.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Я раньше тоже думал, что не бывает. Оказывается, бывает. (Смотрит на часы.) Что-то опаздывает наш покойник. На сорок минут уже.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Люди вообще непунктуальные стали. Что при жизни, что при смерти.

На сцену вбегает Внук.

ВНУК. Здравствуйте!

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Приветствуем вас!

ВНУК. Мы приехали.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. «Мы» — это кто?

ВНУК. Бабушка моя, Кострюкова, и сопровождающие лица.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. А чего опоздали-то?

ВНУК. Автобус сломался. Колесо. Пока поменяли, туда-сюда. Ну, сами понимаете. Могила готова?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Давно готова. Еще с утра. Стоит, ждет вашу бабушку. Мы края выровняли — как бетон смотрит-ся. Не хуже, чем у американцев.

ВНУК (*протягивает копателю деньги*). Спасибо большое! Вот. Помяните, за упокой.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Вам спасибо! Примите наши со-

болезнования. А много народу?

ВНУК. Да она же старшая по дому была, бабушка моя. Там полдома собралось ее проводить. Даже не знал, что в вашем городе такие отзывчивые люди живут. Вот. Несут.

На сцену выносят гроб. Ставят его на табуретки возле могилы. За гробом идет толпа людей.

ВНУК. Спасибо большое, что пришли. Очень приятно, что столько народу пришло к моей бабушке. Спасибо вам! Вы очень дружный дом.

НИНА. Да, хорошая была женщина. По-моему, это первые похороны из нашего дома. С самого заселения никто не умирал.

БАБА ЗИНА. Да. Хорошая женщина. Земля ей пухом! Может, кто скажет слово про покойную? Наталья Васильевна, скажите слово про Клавдию Андреевну!

Наталья Васильевна выходит вперед, запрокидывает голову, трясется и выдает пророчество металлическим голосом.

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Следующим умрет тот, кто первый выйдет из ворот этого кладбища.

Пауза.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Вот. Я же тебе рассказывал — пророчество.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Обалдеть!

ВАСИЛИЙ. Твою мать, охрেনеть просто! «Пункт назначения», серия десятая.

ВНУК. Вы чего?

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Пойдем в сторонку. Расскажу.

Работник отводит внука в сторону и рассказывает о даре Натальи Васильевны. Народ начинает между собой обсуждать происшедшее. Ясновидящую усаживают на скамейку. Она приходит в себя.

БАБА ЗИНА. Наташ, что нам делать-то?

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. А? Как — что делать? На поминки ехать. Или рано еще?

СВЕТА. Она не помнит ничего.

БАБА ЗИНА. Ты нам нагадала: кто первый с кладбища выйдет, тот умрет. Только что.

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я? Я ничего не помню.

БАБА ЗИНА. Да я понимаю, ты инструмент в руках высших сил. Но ты совершенно ясно сказала: «Кто первый выйдет из ворот кладбища, тот тут же и умрет».

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ой, я не специально. Что же теперь делать-то?

БАБА ЗИНА. Да что сейчас сделаешь-то? Вот посижу чуть-чуть, и отправимся на поминки. Что-то у меня колени заболели. К грозе,

наверное.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Извините, что вмешиваюсь. С покойной что делать?

БАБА ЗИНА. Закапывайте.

ВНУК. Закапывайте.

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я не специально. Я... Я... Я не специально.

Гроб опускают в могилу. Закапывают. Народ слоняется по сцене. Приходит водитель автобуса. Толпа шарахается от него к могиле.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Всё, что ли? Так чего сидите? Поехали! У меня рабочий день заканчивается.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Кто это?

ВНУК. Водитель автобуса. Он нас сюда привез.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Поехали. Мне еще с колесами разбираться. Понабросают гвоздей на дороге, а обычные водители страдают.

БАБА ЗИНА. Ты иди, милоч, заводи мотор, прогрей свою колымагу, а мы сейчас подойдем через минуту-другую.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. У меня не колымага. Два года всего бусику. Почти новый, можно сказать.

БАБА ЗИНА. Иди, иди. Мы за тобой. Поскорбим чуток и придем. Торопиться на кладбище — грех.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Хорошо. Вы долго не скорбите. На поминках лучше всего скорбеть.

103

Разворачивается и уходит.

СВЕТА. Стойте, стойте! Да как вы можете человека на смерть толкать? Стойте!

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Что?

ВАСИЛИЙ. Я убью эту стерву.

СВЕТА. Не ходите! Тут такое дело. Наталья Васильевна предсказала, что первый, кто выйдет из ворот кладбища, умрет. А Наталья Васильевна, она у нас предсказывает будущее.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Это которая зубной врач?

СВЕТА. А вы про нее знаете?

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Про нее весь город знает. Местная достопримечательность.

СВЕТА. Она с нами была, и случилось предсказание. Так что вы не ходите, а то выйдете и умрете.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Понятно. А это что за милая женщина, которая меня прогреть двигатель отправляла? Кто это?

БАБА ЗИНА. Никто. Я не подумала. Не специально.

СВЕТА. Она не специально. Простите ее, пожалуйста.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Я подумаю.

АЛЛА БОРИСОВНА. Я есть хочу, я с утра ничего не ела. А у меня больная поджелудочная. Сводит всё.

САША. Ну, так идите и поешьте, вас никто не держит. Обедать надо вовремя. Я вот супчика дома поел перед поездкой.

АЛЛА БОРИСОВНА. А я не стала, я на поминки рассчитывала, что там поем, и на завтрак только чай с бутербродом съела. И всё. А теперь мне плохо. Я кушать хочу.

САША. Пиццу будете? И если будете, то какую?

АЛЛА БОРИСОВНА. Издеваетесь? У меня поджелудочная болит, сил нету терпеть, а вы дразните.

САША. Так будете или нет? *(Достает из кармана мобильный телефон.)* Я закажу. И на вашу долю тоже.

ВНУК. Тут связь плохая. Где-то берет, а где-то нет.

САША. Это у ваших низкобюджетных телефонов нет связи, а у меня есть. Одно деление, но хватит, я думаю.

АЛЛА БОРИСОВНА. Мне карбонару большую, кока-колу и салатик. Сашенька, я вам деньги потом отдам. Я как-то не рассчитывала, что на кладбище надо будет себе еду покупать.

САША. Але! Две карбонары, два греческих салата, кока-колу, бутылку воды и печенье.

НИНА. А возьмите мне, пожалуйста, вегетарианскую пиццу и «Байкал».

ВНУК. И мне карбонару и попить. Я отдам. Наличными.

САША. Погодите, еще одну карбонару, вегетарианскую пиццу и «Байкал». И еще водички. Две. Да.

АЛЛА БОРИСОВНА. Спасибо.

САША. Адрес? Адрес — городское кладбище. Как войдете, направо. РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Тринадцатая аллея.

САША. Тринадцатая аллея. Да, я знаю, что это звучит немного непривычно. Но я с друзьями нахожусь на кладбище, и мы хороним дорогого нам человека. И вот мы решили подкрепиться.

ВАСИЛИЙ. Не приедут. Никто работать не хочет. Что за страна?

САША *(кричит)*. Девушка! Вы напротив моей фамилии видите значок «VIP-клиент»? Видите? Это значит, что я ваш самый лучший клиент. Я постоянно покупаю у вас пиццу. Я лично знаком с вашим директором. И он мне говорил, что мне пиццу привезут в любое время и куда угодно. В чем проблема — приехать на кладбище и накормить голодных людей? От вашей пиццерии до кладбища пять минут пешком идти. Если надо, я курьера у ворот встречу.

ВАСИЛИЙ. Привезут. По блату привезут. Всё по блату. Что за страна?

САША. Ща привезут. У них и вправду вкусная пицца. Но вот колл-центр — тупые, как пробки.

ВАСИЛИЙ. Все колл-центры тупые, как пробки.

АЛЛА БОРИСОВНА. У меня «Нокия», и у меня тоже телефон ловит.

САША. Так что же вы сами тогда себе пиццу не заказали?

АЛЛА БОРИСОВНА. Я не подумала, да и денег у меня нет с собой. Я потом отдам, как приедем домой.

САША. Да ладно. Разберемся.

Из-за края сцены выбегает Светлана. За ней гонится сторож с дубинкой. Они бегают по кругу. Светлана забегает в толпу. Ряды людей смыкаются. Сторож останавливается, тяжело дыша.

СТОРОЖ. Вы что же это, сволочи, делаете?

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА (*в телефон*). Я перезвоню. (*сторожу.*) А ты кто такой будешь, чтобы тут вопросы задавать?

СТОРОЖ. Сторож я, а вы кто такие?

АЛЛА БОРИСОВНА. Скорбящие мы. Подругу похоронили и скорбим.

СТОРОЖ. И на могилы ссыте. Говнюки вы, скорбящие. Совсем совесть потеряли.

СВЕТА. Я не на могилу, я рядом. Я же не виновата, что мне писать захотелось, а у вас тут туалетов нет.

СТОРОЖ. Нет, потому что, мля, это кладбище. Покойники не ссут. А если вам приспичило, то за воротами — сразу налево. Большими буквами написано — WC.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Ну, что вы так плохо про покойных? С девушкой мы проведем беседу. Она больше не будет.

105

СВЕТА. Не буду.

СТОРОЖ. Буду, не буду, совсем стыд потеряли. Думает, красные ажурные трусы надела, и теперь всё можно? Чтобы через десять минут вас тут никого не было!

БАБА ЗИНА. А почему через десять?

СТОРОЖ. Кладбище сегодня до четырех, и чтобы через десять минут я вас тут не видел.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. А если увидишь? Чего тогда?

СТОРОЖ. Полицию вызову. Десять минут вам даю, чтобы очистить территорию. Десять минут и ни секундой больше.

Сторож отступает за край сцены, толпа надвигается на него. Чуть не столкнувшись со сторожем, входит курьер с пакетами. Толпа отходит к могиле.

КУРЬЕР. Пиццу кто заказывал?

САША. Мы заказывали. Я заказывал. Чего не позвонил? Я бы у ворот встретил.

КУРЬЕР. А там телефон не берет. Мертвая зона.

САША. Спасибо, спасибо большое.

КУРЬЕР. Пожалуйста, кушайте на здоровье.

Курьер передает заказ Саше. Тот раздает коробки с пиццей остальным.

КУРЬЕР. Ну, я пошел.

САША. Иди, иди. Спасибо. Выручил. Очень сильно нас всех выручил.

АЛЛА БОРИСОВНА. Молодой совсем. Ему бы жить и жить.

Курьер делает несколько шагов. Оборачивается. Все смотрят на него.

КУРЬЕР. Вы чего?

САША. Ничего, ничего, ты иди. Мы тут скорбим. Близкий нам человек. А ты посторонний. Не мешай нам горевать.

КУРЬЕР. Хорошо, извините.

Курьер оборачивается и делает еще несколько шагов.

СВЕТА. Стойте, стойте! Стойте, молодой человек!

ВАСИЛИЙ. Я убью эту стерву.

Светлана хватается курьера за руку и рассказывает ему про ясновидение.

СВЕТА. Наталья Васильевна предсказала, что первый, кто выйдет из ворот кладбища, умрет. Не выходите из ворот, не выходите. Наталья Васильевна, она пророк, она ясновидящая. Она вот минут пятнадцать назад это сказала.

КУРЬЕР. Да ну, на фиг! Это всё предрассудки. Никто не может знать, что с нами будет.

СВЕТА. Ага, никто, кроме Натальи Васильевны. То есть вы тут один умный, а мы, двадцать дураков, идиоты?

КУРЬЕР. Это всё предрассудки.

Курьер делает несколько шагов к выходу.

ВАСИЛИЙ. Наконец-то домой поедем.

Курьер возвращается.

КУРЬЕР. Мне позвонить надо, доложить о доставленном заказе, а у ворот сигнала нет.

Достает телефон. Звонит.

КУРЬЕР. Тут ясновидящая. Говорят, что предсказание сделала.

СВЕТА. Наталья Васильевна.

КУРЬЕР. Наталья Васильевна. Да. А вы знаете? Ага. Да. Двойня? Девочки? Как интересно! А она? А он? И прямо на следующий день замуж вышла? Да что вы говорите!

Курьер отключает телефон. Смотрит на толпу. Толпа смотрит на него.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Ну, ты едешь или нет? Там тебя люди с пиццей ждут.

КУРЬЕР. У меня рабочий день закончился. Все, я теперь выходной. И это... У меня тут где-то родственники похоронены, двоюродные. Надо их навестить.

ЛЕНОЧКА. Молодой человек...

На сцену вбегают баба Зина. За ней гонится сторож. Сторож бьет несколько раз дубинкой бабу Зину по спине. Они бегают вокруг толпы, пока водитель не ставит подножку сторожу. Тот падает, роняет дубинку. Ее подбирает Саша.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Ты чего это наших женщин бьешь?

СТОРОЖ. Сволочи! Я при исполнении! Я вас всех посажу!

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Сначала мы тебя посадим на твою же дубинку.

САША. Иди сюда! Иди сюда, упырь кладбищенский!

Сторож, отступая, достает телефон.

СТОРОЖ. Полиция, полиция! Это с кладбища звонят. Сторож Михалчук. Тут у меня банда сатанистов. Оскверняют могилы. Пришлите наряд, пожалуйста. Или даже не наряд — тут ОМОН нужен. Их человек пятьдесят. Избили меня. Да, жду. Как в ворота войдете, направо, тринадцатая аллея. *(прячет телефон.)* Через пять минут будут. Сушите сухари.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Иди отсюда, пес трехглавый! Нашелся тут на нашу голову Цербер.

СТОРОЖ. От пса слышу!

Убегает.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Как сторож или кассирша на кассе, так пуп земли, елы-палы.

СВЕТА. Баба Зина, чего он за тобой гнался?

БАБА ЗИНА. Понятия не имею. Иду по дорожке, памятники разглядываю, а тут этот ненормальный как прыгнет, как заорет!

СВЕТА. Просто так заорал?

БАБА ЗИНА. А ты чего красные трусы на похороны надела?

107

СВЕТА. А что? Какие хочу, такие и надеваю. Это же мое личное дело.

БАБА ЗИНА. Нельзя на похороны красные трусы, ой, нельзя.

СВЕТА. А какие можно?

БАБА ЗИНА. Черные можно. Уважение надо иметь к покойным. Мы как-никак на кладбище, а ты... Тьфу! Ажурные, красные... Так нельзя. Нельзя так.

СВЕТА. Да ну вас!

Светлана отходит в сторону. К ней подходит курьер.

КУРЬЕР. Если хотите, я могу вас поохранять от сторожа, пока вы трусики будете снимать.

СВЕТА. А зачем мне их снимать?

КУРЬЕР. Ну, вот же женщина сказала, что нельзя в красных кружевных трусиках. Надо снять. А я вас поохраняю. Не здесь же, при посторонних, вы будете их снимать?

СВЕТА. А вы не посторонний?

КУРЬЕР. Меня Максим зовут.

СВЕТА. Я замужем, и я кушать хочу. Вы не могли бы позвонить к вам на работу и попросить привезти еще пиццы?

КУРЬЕР. Наши не поедут. Я им рассказал, что отсюда выходить нельзя. Они мне сначала не поверили, но потом пробили по интернету и подтвердили. Про эту вашу ясновидящую.

СВЕТА. А другие, кто еду развозит по адресу, может, они привезут?
КУРЬЕР. Сейчас попробую.

Курьер достает телефон и уходит в глубь сцены. На сцену заходят двое полицейских и сторож.

ДУДЫРЕВ. Кто тут сатанисты?

АЛЛА БОРИСОВНА. Мы скорбящие, сатанистов среди нас нет. Это сторож тут сумасшедший: бегает по кладбищу и за голыми женщинами подглядывает.

ШАЛИМОВ. За голыми? На кладбище? Вы тут совсем от скорби, я погляжу, сдурели.

ЛЕНОЧКА. Представьтесь, пожалуйста, и удостоверения ваши покажите.

ШАЛИМОВ. Младший сержант Шалимов.

ДУДЫРЕВ. Сержант Дудырев.

ЛЕНОЧКА. Тут такое дело, товарищи. Мы все жильцы одного дома. Похоронили нашу старшую по дому сегодня. Вот ее могила. И уже по окончании церемонии с одной из наших жилищек случился приступ, в результате которого она предсказала, что первый, кто выйдет из ворот кладбища, умрет.

ШАЛИМОВ. Вы это сейчас серьезно?

ЛЕНОЧКА. Я понимаю, что звучит дико, но она ясновидящая, и, как видите, все мы в ее предсказание поверили.

ДУДЫРЕВ. А раньше ее предсказания сбывались?

ЛЕНОЧКА. Все до одного, все до одного. Я понимаю, что это всё предрассудки, но всегда все сбывалось. И вот мы здесь.

БАБА ЗИНА. Скорбим.

ДУДЫРЕВ. Хорошо, а сторож где?

СТОРОЖ. Тут я. Я не знал про предсказание, мне никто не доложил. Я просто пресекал попытки справлять нужду на могилах. А вот они на меня напали и отобрали дубинку. А я при исполнении. Михалчук моя фамилия.

САША. Вот она, дубинка эта. Он ею женщин бил.

Отдает дубинку сторожу.

СТОРОЖ. Спасибо, а то у меня из оружия вот только это. А ружье нам не положено.

ГОЛОС ИЗ РАЦИИ. Шестой, шестой, что там у вас?

ШАЛИМОВ. Прибыли на место, нашли несколько скорбящих человек. Сатанистов не обнаружено.

ГОЛОС ИЗ РАЦИИ. Возвращайтесь! Тут на Парковой, семнадцать, на детской площадке спиртное распивают.

БАБА ЗИНА. Ой, это же наш дом.

ВАСИЛИЙ. Он так далек.

ШАЛИМОВ. Это... Мы должны территорию осмотреть. По инструк-

ции.

ГОЛОС ИЗ РАЦИИ. По какой инструкции?

ШАЛИМОВ. Осмотрим территорию и приедем. На этой Парковой постоянно что-то распивают.

ДУДЫРЕВ. Да выключи ты ее! Только работать мешают.

Шалимов выключает рацию.

ШАЛИМОВ. Где сама ясновидящая?

БАБА ЗИНА. Вот она.

ШАЛИМОВ. Что можете рассказать в связи с данным обстоятельством?

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Ничего. Я в этот момент отключаюсь.

БАБА ЗИНА. Да не помнит она ничего. Она слепая сила в руках.

ДУДЫРЕВ. В чьих руках?

БАБА ЗИНА. В чьих надо руках.

ШАЛИМОВ. Ладно, мы тут пройдемся, осмотрим местность. По инструкции. А вы пока посидите, поскорбите. Михалчук, показывайте территорию!

СТОРОЖ. Пойдемте. У нас кладбище небольшое, но порядок. Все пронумеровано, и везде таблички висят.

Уходят.

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я правда ничего не помню.

109

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Кто в картишки желает перекинуться? Покер, омаха или тexasский холдем?

ВАСИЛИЙ. Я буду. На деньги или на интерес?

АЛЛА БОРИСОВНА. И я буду.

САША. И я.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Кто проиграет, тот выходит из ворот кладбища.

ВАСИЛИЙ. Я тебе сейчас морду набью!

АЛЛА БОРИСОВНА. Я на это играть не буду.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Да пошутил я, пошутил. На деньги играем, по мелочи.

АЛЛА БОРИСОВНА. Сашенька, займете мне рублей полтыщи? Я отдам.

САША. Хорошо.

Игроки садятся играть в карты. На сцену заходит белобрысый курьер.

БЕЛОБРЫСЫЙ КУРЬЕР. Кто пиццу заказывал?

ВАСИЛИЙ. У меня дежавю какое-то.

КУРЬЕР. Я заказывал. Я.

Забирает у белобрысого пакет и уходит вместе со Светланой. Звонит телефон. Белобрысый достает его.

БЕЛОБРЫСЫЙ КУРЬЕР. Да. Да. Передал. Только что. Что?

БАБА ЗИНА. Да что же поскорбеть-то не дадут! Иди отсюда, маль-

чик. Вон за ворота выйди и звони, сколько вздумается. Нельзя на кладбище с телефоном. Тут покойники. Тут тишина нужна.

БЕЛОБРЫСЫЙ КУРЬЕР. Да, человек двадцать. Ждут. На меня смотрят. Да не может быть! Да ладно! Че, серьезно?

БАБА ЗИНА. Какой наглый молодой человек.

БЕЛОБРЫСЫЙ КУРЬЕР. Я понял. Спасибо, что предупредил. С меня бутылка. Хорошо, две. Пока!

БАБА ЗИНА. Поговорил?

БЕЛОБРЫСЫЙ КУРЬЕР. Поговорил.

БАБА ЗИНА. И че?

БЕЛОБРЫСЫЙ КУРЬЕР. Родственники у меня тут похоронены. Где-то тут. Надо навестить.

НИНА. Да весь город уже про нас знает. Дураков в семье нема.

БЕЛОБРЫСЫЙ КУРЬЕР. А Наталья Васильевна, она кто?

БАБА ЗИНА. Да вон, сидит на скамеечке.

БЕЛОБРЫСЫЙ КУРЬЕР. Здравсьте!

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Добрый вечер!

Зажигаются фонари.

БАБА ЗИНА. О, свет дали. Веселее стало.

АЛЛА БОРИСОВНА. Саша, у них карты крапленые, смотри. В темноте не видно, а сейчас все тайное стало явным.

САША. Точно.

ВАСИЛИЙ. Ах вы, сволочи!

Василий дерется с работниками кладбища. Прибегают полицейские. Растаскивают дерущихся.

ШАЛИМОВ. Всем стоять! Работает патрульно-постовая служба МВД России!

САША. Вот эти сволочи краплеными картами играют. Они нас на деньги поставили.

АЛЛА БОРИСОВНА. Я свидетель. Они у меня тыщу выиграли.

ВАСИЛИЙ. Гады они.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 2. Я вообще не в курсе про карты.

РАБОТНИК КЛАДБИЩА НОМЕР 1. Я тоже не в курсе.

ДУДЫРЕВ. Тихо все! Так. Деньги и карты мы конфискуем.

ВАСИЛИЙ. Не имеете права! Это произвол!

ДУДЫРЕВ. Имеем. Изымаем. Играть в азартные игры на деньги в общественном месте... Да вы с ума сошли!

АЛЛА БОРИСОВНА. Это даже не мои деньги. Я их займы взяла.

ДУДЫРЕВ. Сейчас напишем протокол и изымаем. А кто кому займы дал и кто кому сколько проиграл, в отделении будем разбираться потом. Коля, пиши протокол. Дату и время не забудь поставить.

ШАЛИМОВ. Пишу.

ДУДЫРЕВ. Итак, при патрулировании местности нарядом была об-

наружена группа лиц, играющих в карты на деньги. Деньги в количестве восьми тысяч рублей и игральные карты иностранного производства изъяты.

ШАЛИМОВ. А какой адрес указывать? Не кладбище же.

ДУДЫРЕВ. Пиши: улица Парковая, дом семнадцать.

ШАЛИМОВ. Пишу.

АЛЛА БОРИСОВНА. Это наш дом.

ДУДЫРЕВ. Ну да. А вы хотите, чтобы мой коллега написал, что вы играли в карты на деньги ночью на кладбище?

АЛЛА БОРИСОВНА. Нет. Лучше Парковая, семнадцать. Извините.

ШАЛИМОВ. Так, игроки, расписываемся. И документы показываем.

Шалимов оформляет протокол. На сцену входит муж Светланы.

МУЖ СВЕТЫ. Добрый вечер!

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Что, опять пиццу привезли?

МУЖ СВЕТЫ. Нет. Какую пиццу?

ДУДЫРЕВ. Мужчина, вы кто? И что тут делаете ночью?

МУЖ СВЕТЫ. Я муж.

ВНУК. Из командировки вернулся?

МУЖ СВЕТЫ. Нет, из дома. Я муж Светланы.

АЛЛА БОРИСОВНА. Это Виталий. Он муж Светланы.

111 БАБА ЗИНА. Да. Это Виталий. Он муж Светки, у которой трусы красные и кружевные. Ее за это еще ваш сумасшедший сторож побил.

МУЖ СВЕТЫ. Здравствуйте!

Несколько жильцов здороваются с Виталием.

МУЖ СВЕТЫ. Какой сторож? А где Света? Я маму попросил, она с нашей дочкой сидит. А Света телефон забыла, и ее нет и нет. Я — в кафе. Думал, там поминки, а там говорят, что с кладбища еще никто не приезжал.

ДУДЫРЕВ. Продолжайте.

МУЖ СВЕТЫ. И вот я здесь. А где Света? Она тут?

БАБА ЗИНА. Была тут. А потом она с курьером куда-то ушла.

ДУДЫРЕВ. Так, спокойно. Сейчас найдем вашу Свету. Не в лесу потерялась — на кладбище. Найдем, не переживайте.

МУЖ СВЕТЫ. Хорошо.

ДУДЫРЕВ. А где сторож?

НИНА. Так они втроем ушли: Света, курьер и сторож.

МУЖ СВЕТЫ. Куда ушли?

НИНА. Туда.

Муж Светланы убегает в указанном направлении.

ДУДЫРЕВ. Молодой человек, подождите! Вы двое, со мной. Будем прочесывать территорию и искать пропавших людей.

НИНА. А можно и я пойду?

ВНУК. А можно я не пойду? Я покойников боюсь.

ДУДЫРЕВ. Идут все! Кроме задержанных за карты.

Часть жильцов убегает вслед за Дудыревым.

ШАЛИМОВ. Значится, так, граждане картежники. Еще карты и ценности есть?

КАРТЕЖНИКИ. Нет.

ШАЛИМОВ. Смотрите у меня!

Прячет бумаги. На сцену врывается полуодетый курьер. В руке у него красные ажурные трусики.

КУРЬЕР. Полиция, помогите! Убивают!

ШАЛИМОВ. Спокойно. Что случилось?

КУРЬЕР. Убивают! Убивают меня!

На сцену врывается муж Светланы. У него в руках дубинка сторожа. За ним прибегает Дудырев. Последней прибегает Света. Курьер прячется за Шалимова.

МУЖ СВЕТЫ. Убью!

ШАЛИМОВ. Стоять!

КУРЬЕР. Помогите!

Полицейские отбирают дубинку у мужа Светланы и приковывают его к ограде наручниками.

ШАЛИМОВ. Прекратите орать! Все успокоились! Все!

КУРЬЕР. Я не виноват. Она сама пришла.

ШАЛИМОВ. Разберемся.

ДУДЫРЕВ. Коля, у нас еще много бланков протокола?

ШАЛИМОВ. Опять писать?

ДУДЫРЕВ. Не опять, а снова. Доставай бумагу.

МУЖ СВЕТЫ. Отпустите меня, супостаты!

ШАЛИМОВ. Молчи, а то мы тебе еще и оскорбление при исполнении припишем. Свидетелей вон — целый дом.

СВЕТА (*кричит*). Виталик! Ты совсем все неправильно понял!

Пауза.

ВАСИЛИЙ. Обожаю русских женщин.

МУЖ СВЕТЫ. Как это — неправильно понял? Он же тебя за грудь держал. Держал и тискал грудь твою своими грязными лапами.

СВЕТА. Нет, не тискал. Это мы молоко сдаивали. Мне одной неудобно, я попросила курьера мне помочь. Я же тут застряла. Ребенка рядом нет, чтобы покормить.

КУРЬЕР. Да. Я помочь хотел. Я без задней мысли.

МУЖ СВЕТЫ (*кричит*). Да?! Без мысли?! А почему тогда у него в руках твои трусы? А?

СВЕТА. Почему?

ВАСИЛИЙ. Почему?

СВЕТА (*кричит*). Ты что, и вправду не понимаешь почему?! Правда, не понимаешь? Все понимают, а ты не понимаешь?

МУЖ СВЕТЫ (*кричит*). Не понимаю! Объясни, будь добра!

СВЕТА (*кричит*). Да потому что на кладбище нельзя в красных трусах! Нельзя! Вон баба Зина подтвердит. Нельзя в красных. Только в черных!

КУРЬЕР. Я рефлекторно трусы схватил. Без всякой задней мысли.

СВЕТА. Витечка, ну ка ты мог подумать про меня такое? Витечка!

Света подходит к мужу, начинает гладить его по голове и что-то шептать. В это время вносят сторожа.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Пьян, как сапожник. Был найден на могиле некоего Вадима Гвоздева. Вот в таком виде.

ДУДЫРЕВ. Коля, пиши еще один протокол: распитие спиртных напитков в общественном месте.

ШАЛИМОВ. Адрес какой указывать?

ДУДЫРЕВ. Как обычно, Парковая улица, дом номер семнадцать. Потом подписи не забудь взять у пары понятых из этого дома.

ШАЛИМОВ. Хорошо. А где этот сапожник выпить нашел?

БЕЛОБРЫСЫЙ КУРЬЕР. Это я принес. Заказ. Коньяк «Коктебель», пять звезд. Вот этот, с трусиками, он его заказывал.

КУРЬЕР. Я сторожу отдал как плату за место в его сторожке. Не могли же мы среди могил сдаиваться? Вот он нам место в сторожке предоставил. Я не знал, что он всю бутылку тут же выпьет. Я не виноват.

ГОЛОС ИЗ РАЦИИ. Шестой, шестой, ответьте! Вы где?

ДУДЫРЕВ. Я Шестой. Тут мы.

ГОЛОС ИЗ РАЦИИ. Где тут?

ДУДЫРЕВ. Улица Парковая, дом семнадцать.

ГОЛОС ИЗ РАЦИИ. А что вы там застряли?

ДУДЫРЕВ. У нас тут азартные игры, пьянство, семейные разборки с рукоприкладством, хулиганство и по мелочи. (*Затем обращаясь к курьеру.*) Не грызи ногти. Не грызи, говорю.

ГОЛОС ИЗ РАЦИИ. А вы когда в отделение-то вернетесь? Ночь на дворе.

ДУДЫРЕВ. Когда всех преступников на районе поймает, тогда и вернемся. Тут на этой Парковой банда орудует, судя по всему.

ГОЛОС ИЗ РАЦИИ. Ясно. Не буду мешать работать. Может, подкрепление прислать?

ДУДЫРЕВ. Не надо. Сами справимся.

Выключает рацию. К полицейским подходит Наталья Васильевна.

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я пошутила.

ШАЛИМОВ. В каком смысле «пошутила»?

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Не было никакого ясновидения сегодня. Меня все уже достали с этим даром, вот я и пошутила. Сказала, что

умрет первый тот, кто из ворот выйдет.

БАБА ЗИНА. Как это — пошутила? Это что за шутки? Со смертью не шутят.

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Я все наврала про то, что кто-то умрет.

БАБА ЗИНА. Я на тебя в суд подам!

ШАЛИМОВ. Вы издеваетесь?

ДУДЫРЕВ. Погоди, Коля.

СВЕТА. Мне кажется, что она сейчас врет. Она решила таким образом спасти того несчастного, который должен умереть. Ее надо остановить.

ВАСИЛИЙ. Я все-таки убью эту стерву. Задушу!

Наталья Васильевна разворачивается и уходит.

НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА. Прощайте!

Водитель автобуса бросается вслед за ясновидящей.

СВЕТА. Остановите ее!

ШАЛИМОВ. Мы вас сейчас рядом с мужем прикуем!

СВЕТА. Я с ним помирилась. Освободите его, пожалуйста. Он больше не будет.

МУЖ СВЕТЫ. Я больше не буду.

ДУДЫРЕВ. Тихо!

За сценой раздается визг тормозов и кошачий крик.

БАБА ЗИНА. Судя по всему, дорога свободна.

ДУДЫРЕВ. Коля, идем!

СВЕТА. Освободите моего мужа!

Полицейские, чертыхаясь, освобождают мужа Светланы. Возвращается водитель автобуса.

БАБА ЗИНА. Я надеюсь, она недолго мучилась? *(встает.)*

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Кто?

БАБА ЗИНА. Наталья Васильевна.

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Да она села в «Лексус» и уехала. Пока вы тут с красными трусами носились, она мужу позвонила. Тот за ней приехал.

БАБА ЗИНА. И она осталась жива? *(садится.)*

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Да, жива. Но тут какой-то кошка рыже-серый за мышью гнался. Чуть эту вашу Наталью Васильевну с ног не сбил. И прямо перед ней в ворота сиганул. А там как раз «Лексус» приехал ейного мужа. Белый.

БАБА ЗИНА. Так он кота задавил? *(встает.)*

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Не-а, не задавил. Кот из-под колес выпрыгнул и бежать!

БАБА ЗИНА. Че-то у меня опять колени разболелись. *(садится.)*

ВОДИТЕЛЬ АВТОБУСА. Он мышку задавил. Та первая из ворот выбежала, и ее белый «Лексус» раздавил. В лепешку. Можете посмотреть.

Конец

Иллюстрация: Вика Левотаева

ЯСНОТІВІДЯСЯ

№8 (январь 2024)

СЕРИИ

116

**ЕВГЕНИЙ
БАРАНОВСКИЙ**
Родился в городе
Кохтла-Ярве, в 2019
окончил ВГИК,
сценарную мастерскую
Юрия Арабова, написал
несколько сценариев
для сериалов и кино.
Печатался в журналах
«Искусство кино»,
«Россия без нас».

Терпилы

(повесть)¹

* * *

ПРИНЦИП

§ 111 — Прошлое функционально[*dynamic*]. Детство[*infancy*] — приобретение формы[*formation*], дающей направленность жизни[*motivation*]. Нарратив[*narrative*] семантического поля данности[*mark*]. Динамика усложнения[*complexity*] и развития сквозного сюжета[*vector*], нацунанного в преодолении[*overcoming*]/сопротивлении[*resistance*]/страдании[*suffering*].

II

ПЕРВАЯ ПРОБЕЖКА

От обиды уже ничего не хотелось, тело налилось невыносимой тяжестью. Страшно было подумать, что придется нарушить эту гармонию и неподвижность. Отец возвышался надо мной, как темное божество, готовое разрушить мою привычную скорлупу. Его голос разрядом пронизывал всё мое тело, и от каждого слова, а точнее, от звука, исходящего от него, мир рассыпался. Я увидел на земле металлическую крышечку от колы и ботинком стал ее выбивать. Получалось не очень. С очередного удара крышечка отлетела в сторону и с кляцаньем врезалась в бетонную пристройку. Отец замолчал и задыхался тяжело, присвистывая, как чайник, который вот-вот закипит. Он подошел ближе и взял меня за голову, вынуждая смотреть в глаза.

— Ты тут вообще? Усек, что сказал?

Чайник внутри него медленно закипал, и голос стал еще громче и отвратительнее.

— Ради тебя же пыжусь... Легкие тренировать, чтоб, эт самое, не подох...

— Да тут я, тут, — выдавил я из себя, выворачиваясь из его рук.

— Спишь на ходу... — отец отвесил мне подзатыльник и продолжил свою тираду.

— Жить это тебе не за ящиком своим сидеть сутками и не вино с пацанами за гаражами бухать... Надо в себе, эт самое, воспитывать Мельхиседека... Чтоб всё, эт самое, не абы как, а как мужик...

---

¹ Первый фрагмент см.: «Нате» №6 2023, с. 108–142.

Второй — «Нате» №7 2023, с. 194–216.

и чтоб не ссать... Руки-ноги целые, голова на месте... Вперед и с песней...

Я старался не слушать этот поток сознания, отец явно был выпившим, в такие моменты он лепил фразы из всего когда-то прочитанного или просмотренного. Я заметил стаю птиц, которых ветер гонял по темному небу. Около магазина слышался сигнал «каблучка», шумели машины из-за Борковского леса, а птиц гоняло по небу как прищепки на плохо натянутой бельевой веревке. Я сливался со всеми этими звуками, стоя здесь, на старом плацу заброшенной военной части, которая уже лет сто не действовала. Когда-то вчерашнюю школоту здесь учили стрелять, убивать и ненавидеть врага. Но эти времена прошли. Или нет. Не знаю. На стене с облупившейся краской красовалась выгоревшая надпись «слава труду». Буква «р» совсем затерлась, поэтому получалась «слава ту_ду». ТУ ДУ. Смешно и бессмысленно. Я представил, что вместе всего того бреда что нес отец, он издавал этот нелепый звук, а из его ушей при этом валил пар, и ходил он, так медленно переставляя ноги, вокруг меня, как по рельсам. Я еле заметно улыбнулся.

119

Голос отца уже немного заплетался, и он перешел к прямым оскорблениям: про мою никчемность, лень и тупость. Что-то там про «ослиный взгляд» и «перед соседями стыдно». Но я его особо не слушал, я был всем вокруг, но не собой. Мне меньше всего на свете хотелось быть в этом моменте, в этом городе и этом возрасте. Хотелось запереться в ванной комнате, набрать теплой воды и с головой в нее погрузиться. Чтобы слышать глухие звуки, ощущать теплую воду и понимать, что на эти минуты существую только я и никого больше.

— Давай, погнал... — сердито прокричал отец, даже скорее прорычал. Я вынырнул из своей воображаемой ванны и с непониманием посмотрел на него. Его внутренний чайник уже совсем раскалился и плевался брызгами пузырящейся воды. А мне нужно было сделать всего один шаг, но за ним следовало, что остановлюсь я уже не скоро. Это была именно та грань: если не побежать, тогда конфликт с отцом и он точно мне вмажет, а если побежать, тогда конфликт с собой, что, с одной стороны, не так страшно и не несет физических увечий. Но, с другой, запускает внутри меня моторчик с дробным выбиванием «позор–позор–позор» или «стыд–стыд–стыд» что, пожалуй, более напряжно. Возможно, именно этот моторчик распирял мое тело недовольством и выступал россыпью воспаленных прыщей, в особенности на лице. Я где-то читал, что такое может быть, не помню только, где.

Я наконец сделал шаг, и земля закрутилась вокруг оси сильней, подталкивая меня. И я побежал. Внутренне ненавидя себя и

разрываясь вихрем эмоций от этой ненависти. Прыткие ветки деревьев стегали меня по лицу. Беззвучно текли слезы по щекам. Да, я расплакался прямо во время бега, и это было не впервые. «Если есть на небе Бог, тогда он прекратит мои мучения. Пошлет в меня молнию или очередным порывом ветра дерево на меня повалит, ну, или, в крайнем случае, в самый неподходящий момент остановит сердце, как у моего деда». Мне иногда нравилось представлять, что мир со мной общается и где-то там на небе кто-то постоянно решает, жить мне дальше или не жить. Постоянно взвешивая все мои поступки, мысли и состояния, и, как мне кажется, уже давно давая мне фору, ведь ничего полезного и значительного для мира я уж точно не делал. Я посмотрел наверх, но небо всё так же темнело где-то над моей макушкой. Не говоря со мной и не давая мне знаков. А я так и бежал, и слезы сливались с морозящим дождем и опали на землю, как листья с иссохшего дерева на палящем солнце. На земле оставались вязкие следы моих ног. Вот бы замести их: нет следов, значит, нет и самого этого гнусного бега, и бегущего меня тоже нет. Осталась бы просто невзрачная тропинка, которая, впрочем, быстро бы заросла без людей, бессмысленно ее топтавших.

Тропинка шла на подъем и петляла: где-то была совсем развалена, где-то перетекала в большие грязевые лужи, и я продолжал бежать прямо по ним. После того, как я сделал первый шаг, я перестал быть человеком с чувствами, эмоциями, и стал функцией. Приложением. Приложением к навязчивой идее моего отца. Идеи о продолжении этого бессмысленного движения, этого бега в никуда. Отец рассказывал, как в детстве его гонял дед, и, если он сливался или халтурил, дед сажал его в мешок и бил палкой. Деда, в свою очередь, бил прадед. Он тогда помогал разносить военную почту или что-то типа того. Прадед сам когда-то прибежал в эти края не от лучшей жизни и всего боялся. У его семьи отобрали дом, деньги и вообще всё и выкинули в минус тридцать на холод. Он только один и выжил. Его, тогда еще совсем мелкого, мать перемотала своей одеждой и, сунув в карман какие-то золотые побрякушки, отправила бежать куда глаза глядят. Так он махровым шаром (от всех этих платков и накидок) катился по снежным бурьянам и в итоге прикатился сюда, почти за тысячу километров от дома. По пути он останавливался в разных деревнях, ночевал в лесу, и наконец встретил свою будущую жену и мою будущую бабушку, которая добросовестно заменила ему мать, отца и потерянный рай. У прадеда даже татуировка была на руке с ее именем — «Маня» — кривая, недоделанная и мрачная. Отец почему-то часто рассказывал эту историю, при этом как-то посмеиваясь. Но я отчетливо ощущал, что за этим смехом скрывается какое-то беспросветное горе, отсутствие веры в себя и страх, поколениями наслаивающийся-

ся на окружающей действительности. И эта действительность в итоге и получилась такой же кривенькой, недоделанной и мрачной, как прадед, дед и отец. Где-то в самых недрах в них всегда жила затаившаяся обида и страх. Но они, позабыв или осознанно закрыв глаза, ставили памятники тем, кто когда-то разрушал их гармонию, и от этого разрушались сами и разрушали всё вокруг. Единственное, что они могли — это передавать свои истории дальше и дальше. Например, мне. В надежде, что такой балбес что-то сделает с ними или хотя бы не сильно их исказит и передаст дальше. И когда-нибудь правда и справедливость восторжествует и, возможно, кто-то из потомков задумается о нашей бесчеловечной и такой противоречивой жизни.

Я бежал и думал обо всём этом, и мысли текли, как им вздумается, почему-то, когда мысль принимала самую беспросветную форму, мне всегда вспоминалась Савина. Моя приставучая одноклассница. Она вчера пришла в школу в такой короткой юбке, и когда она смеялась, сидя на перилах пролета на второй этаж, можно было отчетливо различить ее ярко-синие трусы. Она как будто специально садилась так, чтобы я их увидел. И пока она болтала с подругами на перемене, я, наверное, раз пять сходил мимо нее в столовку, чтобы в очередной раз украдкой взглянуть на них. Она только улыбалась и как-то странно на меня посматривала. А я давился очередной ватрушкой, а я их никогда особо не любил. Жуть, мне было противно от самого себя. Я встряхнул головой, стараясь отогнать от себя позорное ощущение. Мне всегда было очень стыдно, когда какая-то эмоция заставляла меня что-то странное делать. Что-то вопреки моей воле.

* * *

Я пробивался через темно-зеленые деревья, тонувшие в сумерках. Они как будто сгущались и уплотнялись, пока, наконец, не открывали гору мусора, освещенную тусклым фонарем. Куча состояла из разноцветных венков, деревяшек, старых крестов и много чего другого. Так странно было видеть эти яркие цвета среди окружающей темноты. Рядом с этой горой копался приземистый человек в военной кепке и растянутой жилетке, какие бывают у бывших военных. Его один глаз смотрел перед собой, а другой в сторону. Как будто пытаюсь уловить происходящее вокруг. Это был Грбовщик. Рассказывали, что он собирает металл от старых оградов, табличек и прочего и перепродает. Еще рассказывали, что он выкапывает свежие трупы и потом их ест. В это всё, конечно, мало верилось, но кто знает. Когда я с ним поравнялся, он неожиданно меня окликнул.

— Эй, малой, подойди.

Я удивленно на него посмотрел и, остановившись, с неохотой подошел.

— Давно тебя тут вижу, хотел познакомиться.

Я оглянулся и увидел, что около него красуется несколько свежевскопанных ям.

— А что вы делаете?

— Я копаю могилы.

— А зачем?

— Кладбище ожило. Оно зовет меня. Как мертвая почва станет садом, если она не потревожена и не возделана? Я закапываю мертвецов и даю пищу земле и верю, что когда-нибудь здесь будет сад. Я возделаю его, а ты мне поможешь...

Я нахмурился и исподлобья посматривал на коренастого мужичка. Он хитро пялился на меня, улыбаясь беззубым ртом.

— Когда я был маленьким, я мечтал делать что-то полезное. Может, у меня было видение, я не знаю. Я лежал в яме и смотрел на солнце, оно говорило со мной. Я не сильно надеялся, но то, о чем я мечтал, произошло со мной. И теперь я верю, что мы можем сгущать время, притягивать его к себе. Эти мечты о будущем для глупцов, они говорят, — «я сделаю что-то завтра». Но это обман, завтрашнего дня не существует, следующего часа не существует. Это лишь возможность. Но мы можем перетянуть время в настоящее, сейчас, прямо в солнечное сплетение.

Он несколько раз ударил себя кулаком по груди.

— Понимаешь? Я всегда рыл могилы, и сейчас у меня много работы... Я верил, что так будет, а все вокруг крутили у виска. Но все они будут тут, под моей лопатой. Понимаешь?

Гробовщик гулко засмеялся.

— Скоро будет для меня много работы, потому что я всегда верил в то, что делаю. Это самое важное. А если ты не веришь, играй в веру. Действуй так, как будто ты веришь. Это и есть сила. Это абсолютная сила. И тогда это произойдет. Я чувствую, что ты веришь, я чувствую, что ты такой же, как и я...

По моей спине пробежал озноб, косой глаз Гробовщика меня гипнотизировал.

— ...верь мне, дураку. Сработало в моей жизни, сработает и в твоей.

В черных косых глазах гробовщика сверкал огонек. А длинные редкие волосы колыхались от каждого его слова. Я оглянулся вокруг, но никого не было, и становилось как-то жутковато. Он поймал мое движение и улыбнулся.

— Теперь беги и будь осторожен с желаниями...

Я сначала попятился и побежал. Через несколько шагов я повернулся, Гробовщик стоял все так же, провожая меня взглядом. Я, смутившись, развернулся и решил до поворота больше не поворачиваться.

* * *

Спереди замаячили деревянные кресты, покосившиеся ограды и мрачного вида люди, которые, независимо от дождя, погоды и чего бы то ни было, как улитки, ползали в этом темном пространстве. Сидят на своих лавочках напротив холодных каменных плит и что-то нашептывают мертвецам. Это финиш. Маршрут пробежки — до кладбища и обратно. Я добежал и, хватая ртом воздух, повалился на землю. Я встал сначала на колени, а потом распластался живым крестом на мху, напротив таких же крестов, только деревянных. Воздух из моих легких выходил с хрипом. Я был как дикий зверь, пробивающий себе путь через ветки и водные потоки.

Я лежал, и дождь барабанил по мне, не давая даже на миг выйти из этого обреченного состояния. Во время бега я так сильно промок, что мне было совершенно всё равно, лежу я на мокрой земле или не лежу. Всё одно. Вода, земля и я, насквозь пропитанный и тем, и тем. Слившийся с этим местом. Лежа на земле, я как будто ощущал всех мертвецов, собравшихся где-то подо мной. Я представлял, как они, треща своими косточками и пристукивая челюстями, собираются вокруг меня. Готовые забрать в свой мир смерти и тлена и сделать меня своим королем. Чтобы преклонять передо мной костяные колени и подносить к моим ногам конфеты и пластиковые венки... Неожиданно я услышал шорох и увидел, что неподалеку от меня в лесу кто-то стоит и светит фонариком от телефона куда-то вверх.

— Вань, ты, что ли? Фонарь резко повернулся в мою сторону, и я зажмурился.

Через пару секунд фонарик погас, и я увидел Савину. Ее футболка от накрапывающего дождя намокла и облепила тело. Мысли о смерти сразу растворились. Стало даже как-то стыдно за них.

— Да я так, о корень споткнулся, — я стал судорожно подниматься.

— Ну, конечно. Тут же мох один, какие корни? Она продолжала нависать надо мной и, усмехаясь, смотреть на меня сверху вниз.

— Давай иди отсюда, я просто мимо пробежал и поскользнулся на мху.

— Споткнулся о корень или поскользнулся на мху? — Савина уже в открытую смеялась.

Я поднялся и с вызовом посмотрел на нее.

— Отвали от меня!

— Ты чо такой злой? Бешеная собака укусила? — Савина, улыбаясь, пялилась на меня, а я готов был провалиться под землю. — Брательник вечером хочет Леру-Валеру поздравить. Хочешь тоже пойти?

Я не отвечал. Мне не хотелось вылезать из моего мира смерти и забвения в этот банальный мир подростковой жизни со школой, поздравлениями и прочей несуразицей. Всё это в тот момент ощущалось каким-то противным и поверхностным. Как она посмела такое вообще спрашивать? Савина, так и не дождавшись от меня ответа, еще раз окинула меня ироничным взглядом.

— В общем, ты подумай, — сказала Савина и побежала к своим родителям, которые, видимо, приехали на какую-то семейную могилу. Красная «Нива» стояла на обочине дороги, выделяясь своим ярким цветом среди темноты спутанных веток и крестов. Савина запрыгнула в нее. В «Ниве» заиграла какая-то цыганщина с позвякиванием и прицокиванием, и она, запыхтев, унеслась, оставив меня в своем мрачном и темном мирке.

«Вот я дурак», — подумалось мне. Но ничего сделать я уже не мог. Обрато я решил побежать через берег реки. Мне захотелось искупаться и смыть с себя весь окружающий абсурд.

* * *

Было достаточно темно, и белая дымка легкого тумана зависла в воздухе, и я погружался в него. Добежав, я разделся и нырнул в реку, начал крутить сальто в воде, пытаюсь всплывать, но вместо этого уперся в дно реки. Я открыл глаза: через толщу воды пробивался тусклый лунный свет. Я поплыл в его сторону и выплыл на поверхность, часто и глубоко дыша. Я раскинул руки и лег на поверхности реки, смотря на звезды, появившиеся на черном небе. Вот упала первая звезда. Бабушка рассказывала, что это самое подходящее время загадывать желания. Я просто лежал на воде, раскинув руки, и смотрел в небо. Начал накрапывать дождь, который пузырился вокруг меня. «Что мне загадывать?» В голове была полная пустота: я вспомнил Савину и разговор с Гробовщиком. «Я верю в то, что делаю», — прошептал я и закрыл глаза, и мне показалось, что я слышу тихую мелодию. Будто кто-то поет на небе песню, похожую на молитву. Нечетко, комкая слова, но поет. Возможно, это был просто ветер. Прислушиваясь, я смотрел в небо, пока не начал дрожать.

Я оделся и пошел к дому. Мокрый песок дороги, по которой я бежал, хлестал меня по голым лодыжкам, и ощущения реальности

становилось настолько плотным, что я сливался с ним и становился голый волей. Которая разносит по этим деревьям и смешным панелькам, покореженным деревьям и болотам мою веру.

* * *

Если отец начинал пить до моей пробежки, это почти всегда означало, что ждать меня с секундомером он точно не будет, и в такие дни я позволял себе подхалтурить. По пути я заглянул в киоск и купил маленькую стеклянную бутылочку колы. В этом киоске почему-то их до сих пор продавали. Это было частью моего бегового ритуала. Я собирал ту мелочевку, которую давала мне мама в школу, и покупал себе колу.

Отца у начала дороги, конечно же, не было. Рядом с лавкой, где он сидел, лежала пустая бутылка. Я сел на лавку и привычным движением открыл свою бутылочку, пробка с щелчком отлетела куда-то под ноги. Я сделал глоток и представил, что я где-то в Калифорнии, с серфом под мышкой, пью колу, ожидая друзей, чтобы пойти ловить очередную волну. Но нет. Это была не Калифорния, а забытый богом военный городок в Тверской области, у которого и названия-то нормального не было. На картах его обозначали 124УДЕ, просто набор цифр и букв, как на могиле неизвестного солдата. Я посмотрел через мутное стекло бутылки на тусклый свет фонаря. От проходящих через стекло лучей всё как-то расплывалось: и здания, и деревья вокруг казались игрушечными. Я вздохнул и поставил свою бутылочку рядом с папиной и неспешно побрел домой. Грязный и мокрый.

125

ДОМ

Зайдя в квартиру, я сразу ощутил эту холодную тишину. Какое-то застывшее состояние тоски и сырости. Будто в склепе. Пьяный отец уже спал на столе, рядом красовался обглоданный кусок хлеба и недоеденный суп. Я тихо зашел на кухню и осторожно налил себе воды из-под крана. Пуская воду тонкой струйкой по краю стакана. Отец представился мне драконом, лежащим на своем сокровище: каждый шорох, может его разбудить, и тогда он наверняка меня испепелит своим огненным дыханием или размелет в порошок острыми зубами.

Я пошел по длинному темному коридору, заглядывая в комнаты.

— Мама, — негромко сказал я. Никто не отвечал.

Зайдя в самую маленькую комнатку, в конце квартиры я увидел мать, спящую на диване. Мать приподняла голову, непонимающе оглядываясь.

— Вань, ой, что-то я прилегла на минутку и уснула.

— Ничего, мам, спи.

— Ты чего такой грязный?

— Под дождь попал.

— Положи в таз, я постираю потом. А папа где, не знаешь? — спохватилась она.

— На кухне спит.

В ванной я стянул с себя грязные вещи и кинул их в таз. С обидой посмотрел на дрожащую стиральную машинку. Она была включена, и на циферблате было 33 минуты, а это значило, что нельзя было залечь в ванну еще как минимум час. У нас почему-то ванна билась током, когда машинка работала. И после нескольких таких ударов, когда подкашивались коленки и шумело в ушах, я стал опасаться заходить в ванну, пока там орудовал этот рычащий монстр. Я покосился на машинку и быстро умылся, посмотрев на свое осунувшееся прыщавое лицо в зеркало. В одних трусах я высунулся проверить, где мать. Почему-то стыдно было перед ней показывать свое тело, уже так повзрослевшее. Семеня, прошмыгнув в свою комнату.

В комнате я включил компьютер, но место того, чтобы за него сесть, завалился на кровать. Компьютер был старенький и загружался несколько минут. Комната выходила на север, из окна сильно дуло, и было прохладно. В окно то и дело стучали ветки огромной березы, которую, по легенде, посадила моя бабушка. Когда бабушка умерла, мама стала часто поливать мелкий росток, сделала небольшую оградку и посадила вокруг цветы. Когда ветки от ветра бились в окно, мне представлялось, что бабушка стучит мне и грозит пальцем: «В наше-то время мужики в твоём возрасте ротой командовали и баб в сарае зажимали. А ты что?». Компьютер с привычным звуком загрузился, но мне было лениво подниматься и не хотелось за него садиться. Из меня как будто высосали все жизненные соки и я, как мумия, лежал, иссушенный и безжизненный, в своем мрачном могильнике. Я отвернулся и уткнулся в стену с бледно-синими обоями, около которой стояла кровать. Фонарь с улицы, проходя через стекло, оставлял на ней яркий квадрат, иногда он начинал двигаться, и его разрезал свет фар проезжающих мимо автомобилей. В каком-то неправильном мире мы живем, если всё, что нас окружает, — это только квадрат комнаты и темный лес вокруг. Блеклые потрескавшиеся обои слоями накладывались друг на друга. Сколько поколений людей жили в этом убогом месте, раз за разом заходя в комнату и ничего, кроме этой блеклости, не замечая? Интересно, а бабушка или дедушка когда-нибудь задумывались, что жизнь может быть другой? А Мама или Папа?

По стене пробежался ярко-зеленый жук, я поднес к нему руку, и он забрался мне на палец. Я раньше терпеть не мог всех этих жуков, потому что рука не поднималась их убивать, а мне почему-то казалось, что все они то ли ядовитые, то ли опасные. Поэтому паялся на них, как идиот, и ничего не делал — не могу представить, как это: по жуку — тапком, и хруст еще этот. Вообще, я в детстве дал себе зарок никого не убивать, даже комаров. Конечно, навряд ли, если я поднимаю тапок, у жука пронесется вся жизнь перед глазами. Но, с другой стороны, пока он живет, он для чего-то нужен: делает какие-то свои дела, но вот мгновение — и его нет. Еще помню, когда в школе нам говорили карандаши не ронять — а то у них внутри грифель ломается, и я представлял себе, что у них сломанный позвоночник потом и такое электричество по телу пробегало. Или это чувство, когда случайно сломаешь что-нибудь, и всё внутри падает: только что было целое, живое — а теперь всё, целостность атомов нарушена. У меня всегда была проблема с этим живым-неживым, потому что я не понимал логики, почему вот нам говорили, чтобы мы не ломали ветки у деревьев, типа вы им пальцы ломаете, — «вам бы было приятно, если бы вам пальцы ломали?» Ну а пишем же мы в тетрадях, которые тоже из дерева. И тогда получается, что основной вопрос — с целью мы ветки ломаем и лишаем кого-то жизни или просто так?

127

Жук раскрыл крылья и полетел к окну. Я от нечего делать стал ковырять стену и неожиданно на старом слое обоев обнаружил линию. Я стал отрывать наслоившуюся бумагу, и постепенно мне открылось выцарапанное на стене маленькое изображение птицы. Выцарапано оно была очень неумело, надрывно, всё состояло из из острых и глубоких царапин. От птицы тянулась линия, и я стал отдирать кусок обоев дальше. Линия пересекалась другой линией, они расходились и сходились. Я достал телефон и включил фонарик, с удивлением прошелся пальцем по получившейся линии и изображению птицы. Холод стены обжег кожу.

На кухне глухо загудела ругань: видимо, дракон пробудился и теперь превращает всё вокруг в пепел. Я откинулся на спину. Ругань как чугунным утюгом гладила меня по макушке против роста волос. Я отложил телефон и закрыл подушкой голову. Все мысли как-то растворились: я лежал в абсолютной серой пустоте, проваливаясь всё глубже и глубже, пока не задремал.

Мне снились птицы. Они взлетали и кувыркались на ветру. Перелетали с места на место. Если где-то им не нравилось, они улетали куда-то еще. А я оставался здесь, в своем холодном могильнике. Птица села на березу у моего дома, и бабушка, постучав мне в окно, снова погрозила пальцем. И в этот момент я проснулся.

СТАРШАКИ

С улицы раздался какой-то щелчок, повторился. Я открыл глаза и тупо уставился в окно. Это был не звук от ветки. За окном была какая-то возня. Неохотно поднялся и подошел к окну. Моя квартира располагалась на первом этаже и под окном я увидел Савину и нескольких ребят из школы. Савина махала мне рукой.

— Вы чо тут?.. — я, удивленно пялясь, начал открывать окно, пытаюсь сильно не шуметь.

— Давай вылезай. Погнали с нами... — негромко проговорила Савина.

Я тупо уставился на нее, пытаюсь собраться с мыслями, и молчал.

«Я же говорил, что он сольется», — сказал коренастый парень в синей толстовке. Он развернулся и пошел в сторону. Это был Крот, старший брат Савиной. Он был на два года старше нас. У него были слегка раскосые глаза, и возникало ощущение, что он постоянно щурится, как слепой. Так его за спиной и называли Кротом. Рядом с ним была его одноклассница Соня Соломонова. Ее все называли Еврейкой. Это было с легкой подачи нашего историка Сансаныча, когда у Сони спросили, что она знает про древний Израиль, она под смех класса сказала, что знает, что еврейским мальчикам делают обрезание. Учитель с иронией заметил, что с такой фамилией и ее познаниями странно, что ее род дожил до наших дней и ее отцу там что-то случайно не отрезали. А затем рассказал про царя Соломона, главного еврейского царя, или что-то типа того. После этого Соню начали называть Еврейкой. Рядом с ней стояли Столб и Сова. Их прозвища были проще: у одного была фамилия Столбов, а у второго имя Савелий. Дурацкое, конечно, имя.

Я некоторое время собирался с мыслями, готовый просто развернуться и плотнее закрыть штору, но Савина смотрела на меня таким умоляющим взглядом, что мне стало неловко. Я тяжело вздохнул и, сам не понимая, почему, тихо пробормотал, что сейчас выйду.

* * *

Я на носочках вышел в коридор. Из-за двери родительской комнаты слышался бубнеж телевизора. Не включая свет, я взял с батареи всё еще мокрые ботинки и натянул их. Внутри было влажно и тепло, и от этого очень противно. Хлюпая, я тихонько вернулся в комнату. Затем плотно закрыл дверь, сел на подоконник, свесился и, повисев пару секунд на руках, спрыгнул вниз. На улице же была полная духота. Видимо, началось бабье лето.

— Темный, тебя мы берем на наш праздник жизни чисто в

виде исключения. Скажи ей спасибо! — процедил Крот, ковыряясь в своих ногтях и указывая на сестру.

— Да и чисто по приколу, забавно что местный фрик с нами на тусовке. — добавил Столб.

Я бы назвал его «думкопф» — скалясь и разбрызгивая слюну, промычал Сова. У него кто-то из родственников жил в Германии, и он любил шикануть каким-нибудь непонятным для остальных и труднопроизносимым словом. Крот его толкнул.

— Хорош умничать. Сегодня он Темный, — Крот пристально посмотрел на меня.

Я кивнул. Мне понравилось, что Крот меня называл «Темный», а не кучей других более обидных моих прозвищ. Меня так иногда называли из-за моего немного темноватого цвета кожи. Моя мать была из крымских греков, и мне, видать, передалось это свойство. А возможно, и оттого, что я всегда ходил в одежде темных тонов. У меня никогда не было яркой одежды. Только темная и неприметная, как одежда охранника у моего отца. Понятия не имею, как хаос человеческих особенностей выкристаллизовывается в одно емкое слово.

— К тому же ты умеешь водить машину... — наконец улыбаясь раскрыл все карты Крот.

129

Я всё понял и посмотрел на Савину, она, не выдержав мой взгляд, отвернулась. Им был нужен не я, а моя способность водить. В очередной раз я убедился, что человек в этой дыре никому не нужен. Нужна функция, не более. Тут все знали, что я, несмотря на свой возраст, уже лет пять как вожу. Впервые я поехал на машине лет в девять. Ну это, конечно, сложно назвать привычными покатушками. Тогда мы с отцом поехали на реку, и пока я целый час не вылезал из воды, отец так набрался, что уснул прямо на заднем сидении машины. Что делать, я не знал: до дома было километров пятнадцать, а по телеку скоро должны были начаться мультики. Тогда я решил, что доеду, к тому же, отец несколько раз пробовал меня учить. Правда без особого успеха, да и ездил я, сидя на его коленках. Но я почему-то был уверен, что с легкостью справлюсь. Я нашел в багажнике большие резиновые сапоги и, набив их травой, надел так, чтобы доставать до педалей газа и тормоза. После этого я завел машину и вот так вот, чередуя ноги, передвигаясь рывками и виляя, кое-как проехал проселочную дорогу, выехал на нашу бетонку и дальше, уже по прямой, довез отца, себя и машину в целости и сохранности. Отец иногда пытался открыть глаза и мутно смотрел на меня, тихо-тихо бормотал: «Поднимите мне, эт самое, веки». После этого подобная история повторялась десятки раз, и многие в городе уже не удивлялись, увидев за рулем совсем мелкого

пацана. Я еще раз посмотрел на старшаков и Савину.

— Я могу отказаться?

Старшаки смотрели на меня с усмешкой.

— Нет, не можешь, — грубо сказал Крот и, развернувшись, пошел вперед. Остальные посеменили за ним. Я поплелся следом.

Мы шли мимо обшарпанных многоэтажек. Кое-где горели тусклые фонари, где-то валялись какие-то доски и тянулись длинные металлические трубы водопровода, облепленные рваными кусками стекловаты. Старшаки всю дорогу о чем-то трындели и ржали, совершенно не замечая меня с Савиной. Она шла рядом и постоянно несла какой-то бред.

— Мамка сказала брательнику не спускать с меня глаз. В прошлый раз, когда она уезжала, он несколько дней не появлялся дома, и я устроила погром. Затопила соседей там и прочее, ну, они сами виноваты...

Я посмотрел на нее и промычал свое типичное «угу».

— Брательник просто мутит с Лерой-Валерой и решил на дедовской тачке подогнуть. Типа сюрприз, понял? А водит он, как гусь, и тут я про тебя подумала...

— Я понял... — перебил я.

Савина, порывшись в карманах, достала розовый твердый пенал и с щелчком его открыла. В пенале лежало несколько сигарет. Она протянула мне.

— Я у деда стащила... собирала несколько дней его окурки и подкинула в его пепельницу. Он подумал, что скурил все сижки.

Я отрицательно покачал головой.

— Мне типа нельзя. Астма.

— Сорян. Я на автомате, — пожала плечами и зажгла свою. Не затягиваясь, выпустила дым. С сигаретой в руках она сразу стала смелее.

— Как дела ваще? А то сидишь в углу, молчишь, как лох...

Говорить мне что-то совсем не хотелось: я успел пожалеть, что ввязался во всё это.

— Извини. Все почему-то этот вопрос задают. Меня он тоже бесит. Всем плевать на ответ. Просто спрашивают, чтобы, типа, показать свой интерес. Но мне правда интересно...

— Ага, типа того. Всем плевать.

Савина, почувствовав с моей стороны подобие поддержки, оживилась:

— Ну, да... Типа: «Да, мам, дела мои интересны? У меня одно-

классник кошек в лесу вешает, а биолог типа окно забывает занавесить, и ходит голым, и бухает на уроках коньяк...»

Я невольно усмехнулся. Надя замолчала и медленно проговорила.

— Итак — как оно вообще?

Я сдался.

— Да так как-то. Бесит всё... А у тебя?

Надя пожала плечами.

— И у меня как-то так и тоже всё бесит.

— Отстой.

— Зато с брательником хоть всю ночь могу гулять. Родители считают, что он будущий гений или что-то типа того. Хотя он тот еще тормоз.

— А чего ты там в лесу светила?

Савина резко замолчала и посмотрела на меня.

— Да так, просто.

— Ясно.

Савина медленно заговорила, тщательно подбирая слова.

131

— Я когда совсем мелкой была, меня мамка часто с бабкой оставляла. Она уже совсем старой была. Но с ней всегда было о чем поговорить. А еще она разрешала кино смотреть, хотя было уже поздно. Мамка бы меня сразу спать погнала, без разговоров. Последний раз мы смотрели фильм про инопланетян. И ночью она умерла. Я была уверена, что ее забрали на планету там какую-то. Ну, где ее истории с войной, грядки с цветами и самогон. В то лето я каждую ночь светила в небо фонариком. Привет ей с земли передавала типа... Думала, что они увидят, прилетят и заберут меня к себе. В высокоразвитую цивилизацию. Правда, тупизм?

Я с удивлением посмотрел на Надю. Если бы она знала, что там у меня в голове происходит...

Какое-то время мы шли молча мимо длинного ряда панельных пятиэтажек, потом завернули за старую пристройку.

— Вот и наша кра-крас-с-сотка — громко сказал Крот. Он иногда заикался. Около 7-го дома, на возвышенности стояла красная «Нива».

Мы подошли к ней, и все перевели взгляд на меня. Мне стало как-то не по себе от такого внимания, и я молча вжал голову в плечи. В крыше машины был выпилен кривой люк, затянутый клеенкой.

— Ноу-хау, деда, — сказала Савина.

— Смотри чо.

Савина первой юркнула вовнутрь. Через мгновение внутри салона начало сверкать разными цветами.

— Понтово, — Крот, улыбаясь, достал ключи и кинул мне.

— За нее головой отвечаешь, ка-ароч.

Я кивнул, залез в машину и повернул ключ. Ничего не произошло.

— Дед его вот так от-т-тягивает, — сказал Крот и, нависнув надо мной, оттянул ключ зажигания к себе. От него пахло каким-то мужицким потом, как от коня. Меня чуть не стошнило.

Я, морща нос, повторил за Кротом, оттянул ключ и медленно его повернул, машина, немного покашляв, запыхтела. Все залезли внутрь, и «Нива» с пробуксовки сорвалась с места.

— Темный, давай полегче.

Я доставал до педалей носочками, поэтому было не особо удобно вести машину.

Мы подъехали к светящейся неонов вывески «АПТЕКА 24». По крыше машины барабанил дождь.

— Эй, скройся, тебя с дороги видно, — прошипел Столб.

Я переключился на задний ход и, нажав на газ, резко отъехал, чуть не протаранив столб с пешеходным знаком.

— Кретин, чо творишь?

В машину проникали капли дождя через натянутую на крыше клеенку.

— Погодка, конечно, просто супер... — протянула Еврейка.

— Да и пофиг, — проговорил всё еще недовольный моей ездой Крот.

На дороге появилась девчонка в белом платье. Она, не обращая внимания на морозящий дождь, встала посреди дороги и стала оглядываться, затем достала телефон. В машине раздается гудящий звук вибро-вызова. Еврейка достала телефон. Все ненадолго замерли.

— Погнали! — крикнул Крот.

Я нажал на газ и выехал на дорогу. Савина включила гирлянду внутри, и все закричали.

— С днем рождения!

Лера-Валера, улыбаясь, подбежала к машине.

Ее так называли, потому что в детстве ее всегда коротко стригли, и во дворе сначала думали, что она пацан, и называли Валерой. Она не сопротивлялась, думая, что быть дворовым пацаном — это

круто. И пока ее подруги играли в куклы, она гоняла с дворовыми по гаражам. Но всё поменялось, когда летом все пошли купаться и, радостно стянув трусы, бросились в воду. Лера-Валера очень стеснялась и купалась в плавках. Но пацанский совет не принял такого бунта и заставил их снять, и тогда все были шокированы. Ее изгнали из дворовой тусовки, но через какое-то время все по очереди стали к ней подкатывать. И Валера с радостью приняла новый статус пацанского поклонения и стала Лерой. Но за спиной другие девчонки начали называть ее Лерой-Валерой. И так за ней это постепенно закрепилось.

Я хмуро сидел и поначалу со стороны наблюдал за общим весельем, стараясь не вмешиваться. Савина тоже сидела, недовольно за всеми наблюдая. Но постепенно праздничный мандраж передался и мне. Я, конечно, всеми силами его отгонял, стараясь навести на себя привычный мрачный видок. Но как-то плохо получалось.

Несмотря на мокрое платье и прилипшие к лицу волосы, Лера-Валера улыбалась и обнимаясь с друзьями.

— Ничо себе, вы дали. Ночь же. Завтра в школу...

— Нахуй школу!

Столб и Сова заржали. Лера-Валера завалилась в машину, с удивлением покосились на меня. Я вжался в сидение.

— А этот тут чо?

— Не обращай на него внимание. Просто водила. Трогай давай! — крикнул мне Крот, и я, злясь на себя и на весь мир, нажал на газ. Столб достал из рюкзака бутылку вина. Передал ее Лере-Валере.

Магнитола в машине не работала, и Еврейка достала колонку и, поковырявшись в телефоне, включила музыку. По машине растекались гнусавые биты. Машину изнутри освещала гирлянда, переливаясь разными цветами по лицам сидящих в ней. Громко играла музыка.

Лера-Валера с бутылкой вина высунулась из самопального люка: ей, видимо, было плевать на дождь. Она включила на телефоне камеру и начала снимать.

— Пиздец всему живому! — прокричала Лера-Валера.

Рядом с ней высунулась Еврейка. Девчонки кричали и смеялись. А я, сидя за рулем, злился. Мне не нравилось происходящее, к тому же, они постоянно проливали вино, и оно попадало на меня.

— Я люблю своих друзей и ненавижу мир! — громко закричала Лера-Валера.

Местные, ждущие маршрутку на ночную смену и прячущиеся

от дождя в автобусной остановке, хмуро провожали взглядом веселую компанию.

Так мы и мчали к водохранилищу. На темной дороге без единого фонаря машина со сверкающей гирляндой внутри казалась чем-то из другой реальности. «Слабоумие и отвага» было словесным описанием нашего состояния. Я представил, что если нужно избавиться от максимума бесполезных людей, то сейчас мы должны либо врезаться в какую-нибудь бетонную плиту, либо выезжающая из-за угла фура не справится с управлением и придавит нас многотонным прицепом. Но ничего подобного не происходило. Дорога была пустой.

«Что ты смотришь? Глаза закрой, представь, что я твоя смерть, и вступи в этот строй», — орала колонка.

Тормоз и руль в машине работали плохо, что доставляло всем еще больше удовольствия. Я пытался совладать с педалями, но получалось плохо, и «Нива» виляла на дороге. Каждый такой виток сопровождался криками и смехом. Под колеса что-то попало, и машина подпрыгнула. Все весело вскрикнули. А мне стало как-то не по себе: показалось что что-то живое прошмыгнуло по дороге за несколько секунд до толчка. В итоге дорога кончилась, я вырулил на обочину и понесся прямо к берегу. Дождь уже закончился, но все были мокрые. То ли от алкоголя, то ли действительно от дождя.

— Водила, стопься! — крикнул Крот. Я остановился у пляжа, на котором виднелось темное пятно старой баржи, и старшаки повыпрыгивали наружу.

Сова отошел к завалившейся на бок барже. Присел на корточки и начал устанавливать ящик с салютом. Еврейка достала из рюкзака серебристые колпачки, стала их раздавать. Все смеялись, натягивая их на голову. Я смотрел на серебристый колпачок в своей руке. Я не хотел участвовать в этой клоунаде. Я перевел взгляд на Столба, тот провел рукой поперек шеи, явно намекая, что мне конец, если я не надену. Я надел. Сова запустил салют. Столб достал еще несколько бутылок дешманского шампанского и несколько пакетов вина.

Лере-Валере передали бутылку с отколотым горлышком, потом застучали по коленям. Она стала захлеб вливать в себя вино. Окружающие считали: «Раз, два, три, четыре, пять», когда дошли до «16», Лера-Валера откинула пакет и засмеялась. Затем резким движением скинула платье и, оставшись в одной длинной футболке, побежала к пирсу и прыгнула в воду.

— Эй, мелочь, чо пялишься, — сказал, скаля гнилые зубы, Столб.

За Лерой-Валерой побежали Еврейка и Крот. Сова протянул мне пакет с вином.

— Давай, только немного.

Я посмотрел на пакет и сделал несколько крупных глотков. Сова неспешно снял шорты и кофту и аккуратно сложил их на капоте. А мы с Савиной сидели в стороне, продолжая наблюдать за праздником жизни.

— Какие они все противные, — поморщилась Савина.

Я лег на спину и уставился на звезды. Опьянение было довольно приятным. Савина растянулась неподалеку.

Всем вокруг было весело, старшаки брызгались, ныряли, сажали друг друга на плечи и выталкивали вверх. Я лежа посматривал, как Крот с Лерой-Валерой отошли в сторону и скрылись за баржой. Савина тоже смотрела на них. Я достал телефон. На экране высветилось три ночи.

— Фигасе раритет, — Савина выхватила мой телефон и стала крутить в руке. — Вот это развалюха.

Я пожал плечами: это был старый мамин самсунг. Денег на новый у моей семьи, естественно, не было, да и мне было как-то всё равно. Я старался не участвовать в этой общественной гонке за крутизной с телефонами, кроссовками и прочей мутью. Савина включила внешнюю камеру и, вытянув руку, сфотографировала нас. Камера долго фокусировалась, но, прицокнув, наконец запечатлела пиксельное, но светящееся лицо Савиной. Она посмотрела мне в глаза.

— Знаешь, я раньше, когда фильмы ужасов смотрела, никогда не понимала главных героев. Вот сидишь ты в пустом доме, за окном гроза, электричество отключили, и тут на чердаке какие-то шорохи или там детский плач. И ты вместо того, чтобы как можно скорее оттуда свалить, зачем-то идешь посмотреть. Ну это же бред. Ни один нормальный человек так поступать не станет.

— Ну и...

— Ну, а с другой стороны, ты просто не можешь не пойти. Потому что впервые в жизни с тобой что-то происходит. Ну вот как сейчас... Сейчас что-то происходит.

— Сейчас что-то происходит, — тихо повторил я.

Савина пристально на меня посмотрела. Мне стало неудобно, и я покраснел.

— Ты когда-нибудь прежде видел голых? Ну, типа не твоего пола, а противоположного?

— Как-то случайно зашел в ванну, когда там мать мылась. Мне

потом стыдно очень было несколько дней.

— Пипец ты пошляк. А я как-то зимой болела сильно. И родители решили, что мне нужно пить парное молоко каждый день. Тогда мы впервые поехали в деревню. Родители с хозяевами что-то обсуждают. Я рядом болтаюсь. И вдруг я замечаю маленький покосившейся домик с яркой дверью, а оттуда звуки какие-то. Ну я, конечно, подошла и резко распахнула эту дверь. А там мужики стоят с голые в бане. И сын их, как я такой же, тоже голый. На меня смотрят и ржут. И даже не прикрываются. Я потом стороной их сына обходила, а этот дебил всё следом таскался, придурок.

— И чего?

— И ничего. А ты не хочешь посмотреть?

Я с удивлением поднял голову на Савину. Она скинула лямки с плеч, неожиданно спустила свою футболку, и я увидел ее грудь. В свете луны очень бледную, как у покойницы. Я замер. Волнение подступило к горлу, а глазах стало как-то темнеть, неожиданно я стал задыхаться. Я откинулся на землю, хватая ртом воздух. Савина хмуро посмотрела на меня и подняла футболку.

— Жесть у тебя реакция. Ты чо, умираешь?

— Типо того, — хрипло выдавил я.

— Нас потом не посадят за это?

— Надеюсь, что посадят... — кряхтя снова выдавил я. Но через мгновение я поборол в себе приступ и задышал нормально. Савина решила, что я так прикалываюсь, и засмеялась. Я украдкой посмотрел на нее, она была очень красивая, я почувствовал возбуждение. От этого я еще сильнее смутился. Я как будто увидел себя со стороны, и чувства, которые сковали мое тело, будто бы были вовсе не моими. Я поднялся и просто пошел в сторону. Через несколько шагов повернулся и крикнул:

— Отвали от меня. Я не хочу тебя знать! И знаешь, что?

Я не знал, что мне добавить: от ее усмешки становилось только стыднее и противней.

— Просто исчезни из моей жизни.

Я быстрым шагом пошел в сторону. Савина так и осталась сидеть, провожая меня взглядом.

— Эй, куда он? — заорал Столб, который увидел, что я ухожу. — Нафиг вообще позвали его. Он же конченный... Как мы свалим отсюда?

— Сам ты конченный, — с обидой проговорила Савина, включила фонарик на телефоне и подняла его над головой.

* * *

Я шел пешком через поле, светил фонариком на телефоне и злился на себя. Краем глаза ухватил легкое движение в траве. Я подошел, раздвинув заросли и увидел лежащую в канаве собаку. Она тяжело дышала и смотрела на меня. Весь ее бок был в крови. При каждом вдохе слышался свист, как ветер в электричке с открытыми окнами. Я нагнулся, рассматривая рану, а собака задергала лапками, как будто пытаюсь убежать. Я осторожно погладил ее. Почувствовав тепло моей руки, собака подняла сухой нос, понюхала, потом тихо заскулила. Я лег рядом с ней и стал согревать ее своим телом. Через какое-то время собака зарычала и, задергавшись, умерла. Я лежал, обнимая мертвую собаку, и думал о Савиной. Кажется, я влюбился. В этот момент небо стало как-то странно менять цвет, и мне показалось, что из него вылетел огромный белый шар: он пролетел надо мной, и на какое-то время стало очень светло и безумно жарко. Я обливался потом и не мог шевелиться. Шар же продолжал медленно двигаться в сторону реки, окрашивая окружающее пространство в белый. Я закрыл глаза, всё глубже проваливаясь в вату накатывающей неопределенности.

137

Когда я открыл глаза, было очень холодно. Дрожа, я поднялся на ноги и посмотрел на часы: было около 4-х утра. Походу, я заснул прямо на земле. Трясаясь, я быстрым шагом шел по дороге вдоль уходящего вниз оврага, через панельки и домики из потемневших досок, светящихся вывесок супермаркетов и чуть видневшейся заправки. Всё окружающее окрашивалось в красный цвет занимавшегося рассвета.

Я дошел до дома. Поставив у стены короткую доску, с разбега зацепился за подоконник и, толкнув створку окна, залез в свою комнату. Прямо у кровати скинул ботинки и, не раздеваясь, юркнул под одеяло. Трясло. Остаток ночи мне снились голые люди, улыбка Савиной, ее белая грудь и я, прыгающий в воду, крутящий там сальто и вынырывающий на кладбище. Скелеты тянули мне корону, собака тыкалась в меня носом, а я с удовольствием принимал новую роль и, садясь на пса, пускался в полет над нашим городком по огромному звездному небу.

Иллюстрация: Валерия Жданова

Литературный журнал «Нате»

Виктор Михайлов с дочерью Машей

ВИКТОР МИХАЙЛОВ (1901–1990 гг.)

Доктор технических наук,
действительный член Академии
архитектуры и строительства СССР,
член Американской академии
железобетона, заслуженный деятель
науки и техники РСФСР.

Жизнь в борьбе

(повесть)¹

Глава 16. Гибель Иры Егоровой

Ехали мы с вокзала порознь и вечером не виделись. С приездом у нас была куча дел. Во-первых, надо было проведать сад. Однако ускользнуть в сад сразу мне не удалось. Папа встречал нас дома. Он был очень занят какими-то делами и приехал домой одновременно с нами. Меня он расцеловал очень сердечно и тихонько шепнул мне на ухо: «Я занимаюсь финансовыми делами мамы».

— Ты, наверное, помнишь, как справедливо упрекнул меня, что я спокойно смотрю, как разоряется твоя мать? Упрек был правильный. Потом я обо всем расскажу тебе, мой дорогой, но строгий критик.

Всех сразу пригласили к столу, на котором были расставлены лакомые блюда. Но кушать не хотелось. Я посмотрел на сестру и спросил:

— Верочка, куда исчезла Ирочка? Ведь занятия еще не начались? Она свободна, как ветер? Куда же она унеслась?

— Я сама удивляюсь, — сказала Вера. — Я не успела сказать ей даже пару слов. И главное, ведь встречать она приехала тебя? Это было очевидно! Что ты сказал ей такое, что она мгновенно улетучилась? Наверное, ты ее сильно обидел. Иначе она бы так не поступила...

— Ничего обидного я ей не сказал, — возразил я. — Правда, она упрекнула меня в молчании. Действительно, я за все лето не написал ей ни строчки. Любочке писал предлинные письма, а ней ничего. Даже понять не могу, почему это. Ведь я очень дорожу ее дружбой, мы дружим более пяти лет! И вот такая глупость! За два с половиной месяца отдыха — ни одной строчки! Но ведь и она мало писала мне. Так что мы квиты. Хотя нет, нельзя равнять мужчину и женщину. Как ты думаешь, Ира будет дуться на меня и завтра?

— Думаю, что завтра она придет, если нет — тебе придется идти за ней. Наверное, ты сказал ей о своих похождениях в Карлсбаде? Если да, то сделал это неудачно. Почему-то Ира прощает тебе только Любу... Знаешь, они переписываются, чего я совсем не понимаю! Одним словом, разбирайся сам в своих похождениях. Здесь я тебе не помощник.

И тут меня осенила догадка! Это Люба, которой я писал обо

¹ Главы 1–4 и предисловие М.В. Михайловой см. «Нате» №3, с. 56–126.

Главы 5–8 см. «Нате» №4, с. 77–94.

Главы 9–11 см. «Нате» №5, с. 141–174.

Главы 12–13 см. «Нате» №6, с. 143–195.

Главы 14–15 см. «Нате» №7, с. 217–236.

всем и очень подробно, по всей вероятности, написала Ире о моих подробных частых письмах и, может быть, об их содержании. Я понял, что завтра Ира не придет и что надо что-то предпринять. Импульсивность — главная черта моей неуравновешенной натуры. Я, недолго думая, подбежал к маме и спросил разрешения отлучиться на час.

— Уж, наверное, спешишь в сад?

Но я не стал объяснять, что спешу не в мой сад, а к Ире. Мне просто стало страшно, что я могу потерять ее дружбу. Но почему мне стало страшно за нашу дружбу? Ведь я летом совсем не думал об Ире и не написал ей ни одной строчки. В чем же дело?

Жила Ира напротив городского бульвара, совсем недалеко от нас. Однако я так спешил, как будто от этого зависела потеря или сохранение дружбы... Через считанные минуты я входил в хорошо знакомый подъезд. Ира была дома и, как потом выяснилось, никого, кроме нее, не было. Встретила Ира меня приветливо, даже с радостью. Как будто она ждала меня и была уверена, что я приду. Провожая меня в комнаты, она сказала:

— Ты представить себе не можешь, как я рада, что ты пришел ко мне сразу, как приехал! Твоего приезда я ждала с большим и странным нетерпением. Ты — единственный мой товарищ, с кем я могу поделиться самой сокровенной тайной моей жизни... Посиди, родненький, я сейчас приду, только приведу себя в порядок. Ты застал меня врасплох!

Тут стало ясно, что мои опасения были напрасными. Мелькнувшая ранее мысль, что Ирочка обиделась на меня, казалась мне теперь глупой и самоуверенной. В связи с этим изменились мои намерения каяться в своих грехах. Ирочка вернулась нарядно переодетой и еще на ходу начала говорить:

— Витенька, дорогой мой друг, мои дела очень плохи, хуже не может быть! Слушай меня внимательно и не перебивай, пока я не расскажу всё. Ты, наверное, помнишь: на наших балах я танцевала с молодым грузинским офицером Сашей Кикнадзе. Он только что окончил военное училище, произведен в офицеры и по протекции откомандирован служить на родину. Он кутаисский, и ему всего 17 лет. Так вот, представь себе, он влюбился в меня. Так, по крайней мере, он всё время твердит... Ходит за мной по пятам. По субботам ждет меня у Заведения, провожает домой, приходит затем к нам в гости. Он настаивает, чтобы я бросила учиться и вышла за него замуж! Ты не смейся, это очень серьезно и страшно. Ведь мне еще только 14 лет! Какие могут быть разговоры и мысли о браке?! К тому же он мне не нравится. Он, конечно, парень красивый, такой гладкий, с черными маленькими усиками, в духе грузинских деву-

шек. Но мне он совсем не нужен. Страшно даже подумать, чтобы бросить училище и остаться недоучкой. Нет, ты не подумай, что он нарушает правила приличия и ведет себя нахально. Он вежлив, сдержан, и мои родные ни о чем не догадываются, и я пока им ничего не говорила. Тебе первому. Даже Вере я ничего не скажу. Пожалуйста, подумай, как мне выпутаться из западни, в которую я вот-вот могу попасть. Родной мой Витенька, помоги мне! Ты умный, ты всё можешь решить, подскажи мне, как быть?

— Дорогая Ирочка, — сказал я, — первое, что нужно сделать, — это постараться не оставаться тебе с ним одной. Всю неделю в будущем ты в Заведении св. Нины. Я буду встречать тебя и провожать домой; если нужно — сидеть у тебя все субботние вечера. Пусть он тоже будет с нами. А по воскресеньям ты будешь все дни у нас. Мы с Верой будем провожать тебя домой. В очередной понедельник утром я зайду за тобой и провожу в Заведение. Это не избавление, а лишь первая мера предосторожности. Таким образом, возникнет время для решения вопроса коренным образом.

— Наверное, именно так надо будет поступить, — воскликнула Ирочка. — Но я боюсь за тебя. Не потеряет ли Александр спокойствие, не обозлится ли он на тебя, не постарается ли он избавиться от тебя силой? Я так теперь боюсь всего!

— За меня не бойся, — спокойно сказал я, — я молодой, но сильный и ловкий, а в школьном кружке нас обучают джиу-джитсу². Кое-чему я научился и за себя постоять сумею. Не думаю, чтоб Александр решился применить оружие. Я Сашу знаю плохо, но полагаю, что он не из храброго десятка. Помню один случай, когда толпа мальчиков не то шутя, не то нарочно напали на Александра, меня и Веру, когда мы вечером выходили из кинематографа. Сначала Саша грозно набросился на ребят, но, видя, что они не испугались, а схватились за камни, сразу пошел на попятный и, схватив Веру за руку, помчался в сторону, бросив меня одного против шестерых забияк. Я не испугался и не побежал, а громко и весело заговорил с забияками, стараясь шуткой их успокоить. Восхитился тем, какие они грозные: напали вшестером на одного офицера и обратили его в бегство: «Достойно ли это вас? Я ведь всех вас знаю. Вот ты! — обратился я к одному из хулиганов. — Здесь ты хорохоришься, а матери своей побаиваешься». Все ребята вдруг засмеялись и уставились на парня, к которому я обратился.

— А он такой и есть: когда за спиной шестикратная защита, он храбрый, — заметил, продолжая смеяться, один из хулиганов.

Я понял, что накал напряжения спал и, пользуясь моментом,

---

² Джиу-джицу, или Джиу-джитсу, точнее Дзюдзюцу — общее название, применяемое для японских боевых искусств (Здесь и далее прим. М.В. Михайловой).

продолжил разговор:

— Вот я давно хотел спросить вас. Говорят, что в Рионском лесу, это сейчас же за нашим кладбищем, до самой станции Рион водятся грибы, которые называются «царскими». Это единственное место в мире, где такие грибы растут. Правда ли это?

Один из ребят выступил вперед и заявил:

— Да, правда, и они вкуснее белых грибов и боровиков.

Все обступили его и засыпали вопросами. Да какой же это гриб? Как он растет? Где его искать? Я тоже старался не отставать от других, хотя этот гриб хорошо знал, и не раз мы с Люлей и нашим садовником Петром после дождя ходили собирать такие грибы, а затем лакомились ими в жареном виде. Но я и виду не показал, что вопрос-то я задал, чтобы просто переменить тему и успокоить хулиганов. Я даже договорился с одним из них, что пойдем вместе за этими грибами.

Так мирно разошлись мы, и я вернулся домой, где Вера взволнованно рассказывала Люле, что, наверное, меня мальчишки избили, и надо, чтобы Петр бежал мне на подмогу (Александра дома не было: он проводил Веру и быстро улетучился).

143

— Вот видишь, — сказала я, — твой Саша не храбрец и мне ничего не сделает. Ты за меня не бойся. Но совет мой остается прежним: прими мою защиту, и всё будет хорошо. Как избавиться от претендента на тебя, я обдумую тщательно и сообщу.

Ирочка схватила меня за руку, посмотрела на меня пристально и дружески поцеловала меня раз, потом подумала и поцеловала вторично... Затем задумчиво промолвила:

— Не знаю, почему, но я верю тебе, надеюсь на тебя, полагаюсь на тебя. Вот поговорила с тобой, и мне стало как-то спокойнее. Но ты сейчас не уходи, пока не придут родные, а то вдруг заявится Саша, и я снова расстроюсь...

Так сидели мы с Ирочкой, и я рассказал ей о летнем отдыхе, о несчастье, которое постигло Матильду, и как я изменился в отношении ее, когда она вернулась из Митавы слепой на один глаз.

— Ты не мог поступить иначе, — заметила Ирочка. — Твой поступок — доказательство твоей порядочности. О твоём благородстве постоянно твердит в своих письмах Любочка. Она тебе самый верный и любящий друг. Я весь тоже неравнодушна к тебе, верю в тебя и убеждена, что будешь ты великим изобретателем воздушных кораблей. Когда ты рассказываешь о небесных светилах и о предстоящих тебе звездных путешествиях, невольно, вслед за тобой, устремляюсь в небо.

И она весело засмеялась, и на лице у нее не было беспокой-

ства и страха. Пришли родители, увидели меня и сразу набросились с вопросами: как мама? Вернулась ли тоже домой? Почему так рано? Хорошо ли провели лето? Почему не писал Ирочке? Ее часто навещает Саша; наверное, Ирочка нравится ему; но ведь он уже взрослый — офицер; Ирочке надо еще расти, учиться и уметь... Я отвечал, отвечал и, наконец, заявил, что должен бежать домой, а то мама рассердится.

— К тому же, — добавил я, — вы не поверите, я еще не побывал в нашем саду. От имени мамы я приглашаю вас — вместе с Ирочкой, конечно, — прийти к нам на весь день. Мама будет очень вам рада, а вечером я провожу вас домой. Значит, решено? Завтра мы ждем вас к нам. Я распрощался, Ирочка проводила меня до выходной двери, крепко пожала мне руку и сказала:

— Ты большая умница, как всё это здорово придумал! Я бесконечно тебе благодарна. Верю, что всё теперь станет по-другому. До свидания, родной Витенька. Приходи завтра пораньше за мной. Обязательно приходи. До свидания. И она опять крепко пожала мою руку.

Я шел домой и думал, как я оправдаюсь перед мамой, что без ее согласия пригласил всех Егоровых к нам в гости? Ведь не могу же я объяснить ей истинные мотивы приглашения.

Мама, конечно, была очень недовольна моей самостоятельностью.

— Дом еще не приведен в порядок, мы ведь только что приехали. Надо же думать и не приглашать друзей в неудобное время.

— Мамочка, родная, не сердись, — перебил ее я, — Егоровы любят тебя, хотят увидеть и поговорить с тобой. Ведь они не чужие, а родные и близкие...

Я нежно поцеловал ее руку. Мама растаяла и сказала:

— Ну и подлиза ты, хитрец Витюша! Ничего не сказал... Мы были уверены, что ты побежал в сад. Но нет. Ты изменил своим привычкам и сразу побежал к своей подружке Ирочке. А ведь на даче ни разу не вспомнил о ней! Но что с тобой делать, ты растешь не по дням, а по часам. Смотри, какой высокий и сильный ты стал теперь! А помнишь, несколько лет тому назад ты чуть не умер от воспаления легких? А теперь совсем молодец! Когда мы ехали в поезде, соседи по купе решили, что тебе 15 лет. Что же, ты в саду так и не был? Просто невероятно! Что подумает садовник Петр?

— Ничего, мамочка, — сказал я, — завтра мы с Ирочкой целый день проведем в саду, задобрим Петра, похвалив его труды по саду. У меня еще есть секрет для Петра, но об этом позже... А теперь выпьем чай и ляжем спать. Утро вечера мудренее. Мамочка, время

бежит быстро. Ты ведь знаешь, что в гимназии я усиленно занимаюсь спортом и беру уроки джиу-джитсу — это очень полезно для физического развития человека. Ты знаешь мои намерения быть покорителем звезд, а это по силам только физически развитым людям. Вот я и хочу быть сильным и мужественным.

Тут я вновь поцеловал маме руку и был прощен. За чаем я удивился, как быстро растут мои братья Сережа и Коля. Сережа готовился идти в гимназию, бегло читал и любил чтение так же, как и я. Хорошие у меня братья! Папа очень внимателен к маме. За чаем он рассказал, что Никодим Антонович Бялусский, мой дядя, муж тети Лели, приехал в Кутаиси доложить о продаже сухумского имения на лучших условиях, чем предполагалось ранее. Папа тоже, оказывается, приложил к этому свою руку. И он рад, что помог маме в этом деле. Молодец папа! Я очень, очень люблю его...

После чая я не удержался и побежал в сад. Каким милым и дорогим он показался мне после долгой отлучки! По-видимому, Петр уж очень постарался, чтоб сад выглядел в наилучшем виде. На деревьях, лаская взор, висели налившиеся соком груши и яблони. Сливы, наполненные влагой, уже совсем спели, и надо было уже давно снимать урожай. Особенно красивыми были персики на тонких ветках: румяные, все с позолотой и пушком... Деревья унаби показались мне гораздо более высокими, чем сохранились в памяти, но плоды были еще зеленые. И наконец, мушмулиновые деревья в центре сада так и манили к себе крупными спелыми сочными плодами. Я не удержался, взобрался в знакомое гнездышко и, разломав зубами несколько плодов, потянул сок и с удовольствием съел их. В этот момент снизу раздался голос Петра:

— Что же это барин, Вы забыли свой сад? Только к вечеру вы удосужились посетить его? А я не мог дожждаться Вашего прихода. Весь измаялся, думал, уж не заболели ли Вы?

— Нет, мой дорогой друг, я не забыл наш сад, но произошло событие, которое заставило меня забыть себя, свои желания и уйти из дома. Вопрос стоял о спасении друга. Мог ли я в этих условиях думать о себе? Но сейчас пришел в сад и осознал, какую важную роль в его благополучии и состоянии играешь ты, мой друг, как горяча твоя любовь к нему. К какому дереву ни подойдешь — видна твоя забота о нем. А как велик урожай плодов на всех деревьях! Жаль, что я не художник, а то бы сразу схватил палитру. Спасибо тебе!

— А ваша знакомая девочка Света часто приходит сюда. Мы с ней беседуем, говорим о вас. Я позволил ей лакомиться фруктами, сколько она захочет. Сейчас она уехала в деревню, но сказала, что приедет к началу занятий в школе.

— Это ты хорошо поступил, Петр, что заботился о ней и всё ради меня. Мне это очень приятно! Вот о чем я хочу попросить тебя... Помнишь, мы ходили в Рионский лес собирать царские грибы? Как ты думаешь, появились ли они уже, или еще рано? Узнай, пожалуйста. А если время настало, давай соберемся вместе по грибы? На этот раз я приглашу Ирочку: пусть составит нам компанию. Однако уже поздно, надо идти спать. Дорога очень утомила маму, и надо дать ей поспать. Спокойной ночи, до завтра!

Я бегом побежал домой. В гостиной в одиночестве сидел папа. Я подошел и сел рядом с ним.

— Витенька, — заговорил он, — мне кажется, что на душе у тебя беспокойно. Что-то волнует тебя. А то, что ты сразу по приезде не побежал в сад, только усиливает мое беспокойство. Может, ты расскажешь, в чем дело?

— Папочка, дорогой мой, любимый, — воскликнул я, — ты верно заметил, что у меня на душе беспокойно; однако поделиться этим я пока не могу. Это не моя тайна. Но мне, наверное, потребуется твоя помощь, и я не премину ею воспользоваться. Дорогой мой, любимый, ты представить не можешь, как я обрадовался, что ты стал помогать маме в ее денежных делах! Ты ведь знаешь, какая она беспомощная и доверчивая. Всякий жулик может обмануть ее и воспользоваться ее доверчивостью. Спасибо тебе за это от всего моего маленького сердца!

— У тебя, Витюша, не маленькое, а большое прекрасное сердце, — нежно промолвил папа. — В этом отношении ты очень похож на маму. Такой же добрый и хороший. Мама кое-что рассказала мне о последнем месяце вашей жизни в Карлсбаде. При мне ты был одинок и ни с кем не дружил, кроме Веры. Конечно, она тебе верный друг. Она любит иногда подразнить тебя, посмеяться над тобой, но она тоже добрая. Но расскажи, что же случилось с тобой после моего отъезда с Балтики?

Я не узнавал отца. Всегда замкнутый, серьезный и строгий, он как будто преобразился. Неужели наш разговор там, на берегу Балтики, так подействовал на него, так его всего перевернул? Я был этому очень рад. Мне доставило большое удовольствие подробно, во всех деталях рассказать о Матильде. Почему я заботился о ней? Я не мог еще правильно оценить свои действия. По всей вероятности, это было горячее желание помочь бедной девочке обрести уверенность в себе, понять, что слепота одного глаза не будет драмой в ее дальнейшей жизни. Она должна была поверить, что в жизни ее ждет счастье. Папа слушал меня с пристальным вниманием. Он обнял меня, притянул к себе, и мы сидели так, тесно прижавшись друг к другу, и я продолжал рассказывать о карлсбадских событи-

ях. Наконец я закончил. Мы сидели молча и думали каждый о своем, затем папа промолвил:

— Все-таки ты, Витенька, хороший парень. У тебя золотое сердце. Твое будущее сулит тебе много радостей. Ведь ты испытал радость от сердечного отношения к Матильде. Только имей в виду: ты не можешь так просто уйти из ее жизни. Ты должен писать ей хорошие дружеские письма. На это ты мастер, как и на истории.

— Что это вы здесь засиделись? — сказала мама, появившись в дверях. — Идите, идите спать. Вася, что же ты задерживаешь Виктора? Он устал с дороги. Если у него какие-то неприятности, разберетесь завтра! Идите спать.

Я встал, поцеловал родителей и отправился в свою комнату. Теперь я занимал комнату один. Люля переселилась к младшим братьям, однако она любит меня по-прежнему и не упускает случая поговорить со мной, узнать о моих трудностях и всей душой мне помочь. Но о создавшейся у Иры ситуации я никому сказать не мог: это ее тайна. Лежа в постели, я никак не мог заснуть. Как уберечь Иру от назойливости Саши? Как мне, совсем маленькому еще мальчику, противостоять 17-летнему офицеру, грузину, влюбленному в Иру? Ира взяла с меня слово, что я никому никогда ничего об этом не скажу. Значит, я одинок в борьбе. Но как ее вести, чтоб победить? Я забыл всех, забыл Любу, Матильду, Светлану, на уме — одна Ира, которую я должен защитить, даже если это будет стоить мне жизни! Однако надо спать, во что бы то ни стало спать, чтоб завтра быть сильным, с ясным умом и неуклонной решимостью защищать Иру. Во всяком случае, утром я должен идти к Ире и привести ее к нам. Здесь, в нашем обществе, она в безопасности, а в саду Петр всегда должен быть поблизости, чтоб можно было бы его позвать. Я не знал, какая может создаться ситуация, но должны быть все условия для наибольшей безопасности.

147

Утром я проснулся очень рано, тихонько оделся, умылся и выскользнул в сад. Петра в саду не было, я прогуливался по аллеям сада и думал... Никакие ягоды, фрукты, цветы меня не занимали. Даже проходя под мушмулиновым деревом, я не соблазнился его плодами. В 8 часов утра я выпил чай с младшими братьями и Люлей. Родители еще не выходили. Вера сладко спала: она любила поспать. После чая я сказал Люле, что пойду за Ирой и приведу ее к нам. «Так сказала мама», — прибавил я.

Подойдя к дому Иры, я уже издали увидел худую, стройную фигуру Саши. Он прохаживался туда-сюда вдоль дома. Увидев меня, он широко улыбнулся, как будто обрадовался моему появлению, широко расставил руки, как бы для приветствия, и сказал:

— Наконец-то вы приехали домой! Вера тоже? Мне очень надо

ее увидеть. Ну, как отдохнули, как твои успехи? Я имею в виду, в плавании. Расскажи, что было интересного на Балтике?

То, почему он находился здесь, около дома Иры, Саша и не собирался объяснять. Считал это совершенно лишним...

— Я обязательно расскажу вам обо всем подробно, но Вера, безусловно, сделает это лучше меня. Я спешу, у меня срочное поручение от мамы.

Я проскользнул в подъезд, а Саша прокричал мне вслед:

— Скажите, пожалуйста, Ире, что я здесь и жду ее приказаний. Скажите, что именно «приказаний»!

Я ничего ему не ответил, поскольку был уже на втором этаже и нажимал кнопку звонка. Ира открыла дверь и сказала:

— Ты видел? Он торчит около дома уже час. Подумать только! Начинает осаду с рассветом! Что будем делать?

— Всё очень просто. Идем к нам в гости! — сказал я. — Он раньше 11–12 часов не может прийти к нам. Папа этого не допустит из приличия. Да Саша и сам не решится явиться раньше. Если же он придет, что же, ты ни одной минуты не будешь с ним наедине, нам придется его терпеть, но распускаться мы ему не дадим. А возвращаться ты будешь со своими родными, опять в безопасности.

В этот момент в столовую вошли родители Иры, тепло приветствовали меня, сказали, что обязательно будут у нас, но, конечно, не раньше двух часов дня.

— Мама прислала меня за Ирой, — вставил я, — Вере не терпится поговорить о прошедшем лете. Вы не против?

— Ну конечно, пусть идет, ей с нами скучно... Ты, Витенька, прекрасно выглядишь и как вырос! Смотри, ты на полголовы выше Иры. Но ведь ты моложе ее, не так ли?

— Ну конечно, моложе, — сказал я, — у нас в семье все высокие, но я всех выше. К тому же я увлекаюсь борьбой, играю в теннис и еще учусь джиу-джитсу, это полезно для самозащиты!

Я посмотрел на Иру. Она слушала меня внимательно. Но когда я заговорил о джиу-джитсу, она нахмурилась. Мне предложили выпить чаю, я отказался...

— Ну, ребята, идите, — сказал отец Иры. — Она увлечена вашим садом, но смотрите, не переedayте фруктов. До скорого свидания!

Ира на несколько минут забежала в спальню, одела пеструю, очень шедшую ей кофточку, и мы вышли на улицу. Саши у дома не было, но вот он показался из-за угла, как будто только что пришел. С широкой улыбкой вежливо он поприветствовал девушку и

сказал:

— Я очень соскучился по Вас, Ирочка. Мы так давно с Вами не виделись! Надеюсь, Вы не забыли меня?

Он пошел рядом со мной, но не с Ирочкиной стороны, что, несомненно, было ловким маневром. Ведь он не знал, что я осведомлен о его притязаниях на эту прекрасную девочку.

— Виктор, как Вы думаете, можно ли прийти сегодня к Вам в гости? Мне очень хочется поприветствовать Ваших родных и поговорить с Верой. Воображаю, какой она стала большой и красивой! Конечно, не сейчас, но позже. Как Вы думаете? — И он с надеждой устремил свой взгляд на меня. В глазах у него была мольба и надежда.

Я ответил:

— Мы вернулись из отдыха только вчера. Мама пока никого не принимает. Исключение — для самых близких, Ириных родных. Однако приходите к нам ненадолго в 5 часов, мы проведем время в саду и, таким образом, не будем досаждать маме. Приходите прямо в сад, мы с Ирой будем ждать Вас там, а уже потом на полчаса зайдем к родным.

149

Глаза молодого человека засветились радостью, и он благодарно пожал мне руку. По всей вероятности, он был искренен, но низменный инстинкт чувствовался в нем совершенно очевидно. Он проводил нас до дома и вежливо распрощался. Я понял, что он решил скрыть от меня свои чувства и любовь к Ире. Ну и пусть это будет их тайной. Ира была озадачена его поведением и страшно обрадовалась.

— Отныне я не отпущу тебя от себя, — сказала она, — ни на шаг. Я за тобой как за каменной стеной, — и благодарно пожала мне руку.

Не заходя в дом, мы отправились в сад. Каким близким, родным и любимым был он для меня сейчас! Я взял Иру за руку и потащил к мушмулиновому дереву. Ира руку не отняла, как будто это было естественно и просто — держаться друг за друга.

— Ирочка, — сказал я, — если я не писал тебе летом, то не потому, что забыл тебя. Было много причин и событий, они заняли меня всего, но главное — Матильда... Не думай, что я увлекся ею, ничего подобного, мной руководил только долг. Но вот сейчас, когда мы с тобой вместе, близко друг от друга, я сознаю, что такого друга у меня никогда не было и не будет в будущем. Дай я помогу тебе забраться на мушмулиновое дерево. Вот так. Сиди и слушай... Ты первая девочка, теперь уже девушка, которая стала мне другом. Я люблю тебя не потому, что ты такая красивая, умная и наряд-

ная, — нет, не потому... Люблю за то, что ты очень хорошая, лучше не бывает. Сашу ты не бойся, я за тебя горой, если понадобится, раздавлю его в лепешку. Знай, что я очень сильный и ловкий физически, а он трус с подленькой душонкой. Живи, дыши спокойно! У тебя верная защита — несмотря на то, что у Саши за поясом кинжал. Во-первых, он не достоин тебя, во-вторых, тебе надо окончить Заведение и, безусловно, учиться дальше. Ты будешь известной, знатной женщиной. Другой я тебя себе не представляю. Я верю в тебя.

Затем я стал рассказывать о впечатлениях лета. Подробно, как не рассказывал раньше, описал свое отношение к Матильде и то, как заставил ее поверить в свое будущее. Это доставило мне величайшее наслаждение. Затем я поведал Ирочке о своем сближении с отцом, которого раньше, хотя и любил, но считал суровым и жестоким (по отношению к маме). Попутно мы лакомились мушмулой. Ирочка внимательно слушала меня, не пропуская ни одного слова, затем промолвила:

— Витенька, дорогой мой, самый верный друг! Я счастлива, что узнала тебя и что я тебе не безразлична. Когда ты рассказываешь, невольно вместе с тобой переживаешь всё так, как будто это происходит со мной. Ты бесконечно талантливый рассказчик, слушать тебя — одно удовольствие. Благодарю тебя за это, — она схватила мою руку и хотела поцеловать. Но я вовремя напряг мускулы, и получилось так, что это я поцеловал ручку Иры.

— Ты напрасно так высоко возносишь меня, — сказал я, — есть тысячи рассказчиков лучше, талантливее меня. Наверное, и у меня имеются какие-то способности. Перед такой девочкой, как ты, даже немой станет рассказчиком. Уж поверь мне! Не так просто Саша влюбился в тебя, ты — настоящее, не поддельное золото. Такой была, такой будешь всегда. Да смотришь ли ты на себя в зеркало? Наверное, ежедневно? Значит, ты знаешь, какая ты красивая, к тому же, еще и умная. С каждым днем, с каждым часом ты всё больше хорошеешь. Беда бедным мужчинам, уже один — Саша — с ума сошел. Одним словом, ты замечательная...

Так, то об одном, то о другом, то о третьем, мы болтали без перерыва битых два часа. Время было идти завтракать.

Все собрались в столовой и удивлялись моему отсутствию. Когда мы с Ирой вошли в столовую, нас приветствовали все члены семьи. Вера вскочила, ахнула от неожиданности и бросилась обнимать Ирочку. Она вскричала:

— Этот Виктор всегда опережает меня! Смотрите, он уже успел пригласить Ирочку. А какая она стала красивая — прямо мадонна с картины Рафаэля! Нет, гораздо красивее! Ирочка, родненькая,

давай покушаем, и я арестую тебя для разговора со мной. Есть так много, что рассказать. Садитесь кушать и догоняйте нас. Но Витенька наш — молодец! Ну и прыткий же он. Успел раньше меня завладеть Ирочкой. Вы подумайте только!

После завтрака Вера увела Ирочку в свою комнату, а я занялся разбором почты. Были письма и для меня: два от Любочки, одно от Матильды и, удивительно, от Миши Котченко. Я схватился сначала за письмо от Миши, оно было грустное: отец его умер. Я сразу представил себе его строгое лицо. Его хоронили, как ссыльного, без почестей, без большой толпы провожающих — один Миша и кое-кто еще.

Я тут же вспомнил дедушкины похороны, массу людей, которые его провожали. Миша писал, что работает в мастерских, нигде не учится, только вечерами занимается сам. Удастся ли ему закончить среднюю школу? Надо написать: пусть приезжает к нам. Будет жить у нас, учиться в гимназии, выйдет в люди. Сегодня поговорю о нем с родителями.

Письма Любочки, теплые, родные, насквозь пропитанные дружбой ко мне... Ни с кем не подружилась! Девочки в гимназии — большие эгоистки и националистки. Русских мало, все капризные и злые. Мальчиков из других училищ не знает, не познакомилась. Наверное, таких, как я, не найдешь... Как тут не загордиться?

151

Письмо от Матильды оказалось грустное... Выяснилось, что написано оно было еще при мне, но нарочно отправлено мне в Кутаиси, чтоб я прочел его в день приезда. Оказывается, несмотря на все мои старания, Матильда невольно чуждается всех. Ей кажется, что все сразу замечают: она кривая на один глаз. Вот чудачка, с ее глазами можно очаровать кого угодно! Надо написать ей скорее и вновь вселить уверенность в себя.

Вера держала Иру у себя до самого обеда. Я же пошел в сад и сказал Петру:

— Петр, у меня к тебе просьба. К нам в гости будет приходить молодой офицер, Саша. Он не очень близкий знакомый нашей семьи, но по стечению обстоятельств станет посещать нас часто, пока не начнутся занятия в гимназии. Будь недалеко от нас, но так, чтоб он не заметил твоего присутствия. Возможно, потребуются твоя помощь.

— Я Вас, барин, не понимаю, — удивился Петр, — о какой помощи Вы просите? Чем могу я Вам помочь?

— Скажу потом, — сказал я, — пока просто будь поблизости...

Далее мы беседовали о саде. Я сказал, какие фрукты надо подать к обеду. Спросил, не приехала ли Света и так далее. К обеду

пришли родные Ирочки. Мама встретила их приветливо, а повар приготовил праздничный обед с большим ассортиментом блюд. Вера посадила Ирочку рядом с собой, и я мог любоваться ею только издали. Какими красивыми подружками наградила меня судьба, просто диву даешься, как мне во всем везет!

Как это было принято у нас, за столом разговаривали взрослые, а нам, детям, хотя мы уже выросли, разрешалось отвечать на вопросы взрослых. Однако старые привычки отходили в прошлое, и, например, Вера тихонько разговаривала с Ирой, и иногда они смеялись.

Я обратил внимание, что к Ире вернулась ее самоуверенность, а растерянности как не бывало. Этому я очень обрадовался. После обеда, когда было уже почти 5 часов, Вера, Ира и я пошли в сад, как раз к тому месту, где я когда-то в щели между камнями нашел червонец. Здесь сидел Саша. Увидев нас, он радостно вскочил и подошел к Вере. Козырнул заливчатски ей и поприветствовал остальных. Я увидел, как нахмурилась Ирочка и как между ее бровями легла складка. Вера дружески пожала Саше руку, взяла его под руку, и все пошли на набережную сада, где стояла новая беседка. Уселись на скамейку в ряд и начали разговаривать. Рион был спокойный мелкий, под стеной вместо воды лежала галька. Русло реки далеко отошло от стены.

Так в дружеской беседе мы провели время, сначала на набережной, затем в «беседке свиданий», затем в малиннике. Малины было много, мы вдоволь поели ее. Затем пришли в дом. Саша приветствовал моих родных и гостей, извинился, что пришел без официального приглашения, но что в сад его позвал я... Сели играть в карты. Через час Саша встал, распрощался со всеми и ушел. Вера тоже куда-то убежала. И мы с Ирой остались одни.

— Ирочка, — сказал я, — к Саше нельзя придрататься: он вел себя как самый воспитанный человек. Тебя он ничем не скомпрометировал. Если ты будешь держаться общества, тебе ничего не угрожает!

— Витя, — молвила задумчиво Ира, — не верь ему, это всё при творство. Никогда нельзя быть уверенным в нем, он способен выкинуть что-либо ужасное... Я боюсь его и страшно ненавижу. Мне он, со своими торчащими усиками, со своей развязностью просто противен!

И взволнованно продолжила:

— Витя, мое терпение иссякает, я прогоню его, что бы он со мной потом ни сделал... Я стала бояться собственной тени. Из дома я никуда не могу выйти! Наедине Саша становится наглым, хвата-

ет меня за руку, хочет поцеловать. Говорит, что похитит меня, если я не соглашусь выйти за него замуж. Вот здесь его письма... — и она вынула из сумочки толстую кипу, перевязанную веревочкой.

— Возьми и прочти. Кстати, это документы против него, если он убьет меня. Я никогда не буду принадлежать ему, даже когда вырасту. Меня от него просто тошнит.

Конечно, я, как мог, успокаивал ее, но и мне стало как-то не по себе.

* * *

Однажды я рано утром был в саду. Через 3 дня начинались занятия в гимназии, и я хотел побольше времени побыть в любимом уединении. Было еще 7 часов утра, и я был удивлен, что по большой аллее прямо ко мне идет Саша. Поздоровавшись, он сказал:

— Виктор, я пришел к Вам по делу. Мне нужно поговорить с Вами и попросить совета. Вы большой друг Егоровой и, наверное, дадите правильный совет, можете быть, поможете мне в обстоятельствах, которые выше меня... Скажу прямо: я давно и безнадежно люблю Иру. Для меня она всё: моя жизнь, моя судьба, мое будущее. Жизнь без нее для меня ничто — лучше смерть! Об этом я откровенно сказал Ире, описал безысходность моего положения и поклялся, что от отчаяния я покончу с собой... Я просил Иру выйти за меня замуж. Родные мои богаты: жизнь ее со мной будет раем! Любое, самое безумное желание ее будет выполнено немедленно. Но, увы, Ирочка, по-видимому, меня не любит! Даже больше: я ей неприятен, по крайней мере, так говорит она. Да Вы сами, наверное, замечаете, как относится она ко мне. Посоветуйте, как мне быть? Что сделать, чтобы девушка полюбила меня? Я знаю, что Вы богаты и Вам не нужны деньги. Но я буду самым верным Вашим другом и буду готов жизнь отдать за Вас, если Вы поможете мне!

— Саша, — сказал я, — чтобы завоевать любовь женщины, нужно ее заслужить. Я прочитал тысячи книг о жизни великих и не великих людей. Поверьте мне: Вы совершаете поступки, которые не помогают, а, наоборот, вредят Вам. Особенно женщины не любят назойливости, приставания и преследования. А Вы только и делаете, что следуете за Ирой по пятам. Где ваше благоразумие? А Ваше предложение о браке? Ведь Ире всего 14 или 15 лет. Она учится в Заведении св. Нины. Естественно, она хочет окончить учебу, может быть, поступить в университет в Москве. А Вы предлагаете ей всё бросить! Какая девушка не возненавидит человека, который предлагает ей подобное? Саша, Вы умный человек, а предлагаете глупость, даже преступление: в России сочетаться браком могут только совершеннолетние. Мой совет Вам: прекратите назойливые преследования, выкиньте из головы даже мысль о браке. Встре-

чайтесь реже — ну, скажем, один-два раза в неделю — и ждите... Никаких разговоров о любви. Оказывайте внимание, исполняйте ее желания, будьте приятным, но знайте меру.

Саша сидел и молчал. Но по тому, как он покачивал ногой, можно было понять, что он переживает, а мой план ему не по душе... Он встал и промолвил:

— Ну, спасибо, я обо всем подумаю. Наверное, многое мне не понятно.

Как только Ира пришла к нам, я рассказал ей о визите Саши и нашем с ним разговоре. Она задумалась, а затем сказала:

— Он мечется и сам не знает, что предпринять. Твои слова, твой совет — пустой звук для него. Я боюсь его, он как зверь... того и гляди набросится или зарежет. Таким людям я запретила бы носить кинжал.

Ирочка была права. Саша как ни в чем не бывало в этот же день явился в сад и уютно устроился в нашем обществе. Только теперь, поскольку (как он думал) я узнал об его отношении к Ире, стеснялся он меньше и иногда касался опасной темы при всех. Ирочка при этом краснела и вскоре собралась в дом, чтобы побыть, как она сказала, с Верой. Саша помрачнел, но ничего не сказал, а только тоже заторопился домой. Когда он ушел, мы перестали торопиться и пошли в малинник, где малины было много, и она уже осыпалась.

— Что-то мне холодно, — сказала Ирочка, — пойди, дорогой, принеси накидку, а я еще полакомлюсь малиной.

Я побежал в дом, взял накидку. Однако на сердце щемило и росло беспокойство. Бегом я направился в сад. Уже у ворот я услышал крики о помощи! Кричала Ира: «Помогите, помогите!» Я побежал как можно быстрее. Еще издали я увидел фигуру Саши, который руками обхватил Иру за плечи, пытаясь прижать ее к земле. Ира сопротивлялась и отбивалась изо всех сил. Била Сашу кулаками, целясь в лицо, и кричала о помощи. «Негодяй, негодяй!» — выговаривала она через силу.

Меня охватила ярость. Руки сжались в кулаки. Глазами я искал какое-нибудь оружие. На бегу взгляд упал на небольшой топорик, которым Петр обрубал с деревьев сухие ветки. Он всегда был врублен в бревно в начале малинника.

— Мерзавец! — воскликнул я, выхватывая топорик из бревна. — Мерзавец! Подлец! Я убью тебя, мерзавец!

Размахивая топориком, я бросился к негодяю. В эту минуту я был страшен. Я был уже совсем близок: оставалось пробежать вдоль малинника не более 50 метров. Увидев меня, Саша выпустил

свою жертву, сделал шаг в мою сторону, схватился за кинжал, но, посмотрев на меня с топориком в руке, вдруг как-то пригнулся и быстрой трусцой побежал к воротам. Бежал он согнувшись, трусливо, торопясь скрыться. А я мчался за ним, размахивая топориком, и кричал: «Подлец! Мерзавец! Я убью тебя, трусливая гадина!» Нас разделяло не более 15 метров, но он бежал быстрее меня. Видя, что мне его не догнать, я со всего размаху, как заправский индеец, запустил топориком, как томагавком, в негодея. Топорик с лязгом врезался в дерево в двух шагах от убегающего человека. А я подбежал к дереву, одним махом выдернул топорик из ствола и бросился дальше. Выбежал из главных ворот на улицу, но беглеца уже и след простыл. Услышав за собой гневный крик отца, я остановился. Мысли начали работать спокойнее, и я вернулся во двор, где лицом к лицу столкнулся с отцом.

Лицо его было неузнаваемым: глаза метали молнии, он кричал. Я никогда не видел его таким, не слышал такого его крика... Он кричал не своим голосом:

— Вот до чего ты докатился со своими фантазиями... со своими интригами... становишься преступником и убийцей!

155

Я не стал слушать его, а во всю прыть бросился, продолжая держать в руке топорик, обратно в сад, к Ире. На бегу крикнул отцу, что там Ира. Папа побежал за мной... Ира сидела на траве и плакала. Я закричал:

— Ира, дорогая, я не сберег тебя! Как я мог оставить тебя одну, как чутье не подсказало мне, что он может вернуться?

Быстро я встал перед ней на колени и начал целовать ее руки. Платье на Ире было разорвано, на одной руке открытая царапина, из которой сочилась кровь. Девушка плакала, как малый ребенок, со всхлипыванием и бормотанием... Подбежал отец, он тяжело дышал и не мог произнести ни одного слова. Однако понял, что произошло что-то страшное. Я продолжал успокаивать плачущую девочку. Прибежал Петр, растерянный и смущенный, и взял у меня топорик из рук, который я еще продолжал держать.

— Папа, я всё тебе объясню, только надо перевязать Ире руку. Видишь, как течет кровь... Петр, беги в беседку свидания и принеси аптечку! В ней есть бинты и йод. Мы сделаем пока временную перевязку. Ирочка, да не плачь, родная, ведь всё обошлось! Эта бешеная собака бежала, как трусливый заяц. Теперь конец. Он не посмеет явиться сюда вновь. Пойми, что всему приходит конец, вот он и пришел.

Здесь я подробно рассказал отцу обо всём, что кончилось таким вот происшествием. А ведь могло бы быть гораздо хуже, если

бы я попал топориком в негодяя и либо убил его, либо сильно поранил...

— Витя, — сказал отец, — я никогда не видел тебя таким ужасным, ведь ты мог убить человека. Пусть мерзавца, подлеца, но это было бы убийство — и даже не совсем в порядке самозащиты. Однако обстановка остается тревожной. Петр, снеси эту записку в полицейский участок: пусть пришлют охрану из двух-трех полицейских. Все вы идите в дом и никого не пускайте. Я же поеду к губернатору и попрошу решительной помощи. Надо, во-первых, хулигана посадить на гауптвахту, а во-вторых, решить его судьбу и судьбу всех нас. Если нет начальника, то записку передайте, прошу Вас, Петр, дежурному.

Отец вынул блокнот и быстро настроил записку. Петр помчался в участок, а папа уехал к губернатору. Я повел Иру в дом. Платье было разорвано во всю длину. Руку мы перевязали, вылив на рану почти всю бутылочку йода. Люля принесла чистый бинт и спирт. Рану еще раз промыли и хорошо забинтовали. Пришел полицейский и доложил, что их трое. Двое у входов в дом, третий в доме. Мама дала ему рюмку водки, и он ушел. Папы всё еще не было. Ира лежала на диване и дремала. Горничная сходила к родным Иры. В записке мама писала, что Ира споткнулась в саду, упала и поцарапала руку, поэтому мы оставили ее у нас на ночь, с тем, чтоб можно было наутро сделать, вторую перевязку, как только откроется аптека. На Иру надели Верино платье, протерли спиртом руки и лицо; Ира дремала... Прошел еще час, а папы всё не было. Почему он так задерживается? Начало темнеть. Люля приготовила три небольших бутылочки водки, сытые бутерброды и разнесла нашим охранникам. Вернувшись, сказала, что всё спокойно, никто подозрительный не появлялся.

Разбудили Иру. Первые слова ее были: «Где Виктор?» Увидев меня, успокоилась, поднялась и села пить чай. За чаем говорили о пережитом. Вдруг Ирочка заговорила:

— Опасность, и большая, грозит Витеньке. Выходить ему в эти дни никуда из дома нельзя, а тем более одному. Витя, обещай мне, что ты подчинишься такому временному заточению. Я беспокоюсь за тебя ужасно...

— Ирочка, — ответил я, — люди, которые убегают так, как убегал Александр, — это трусы. Помнишь, однажды он уже убегал подобным образом? Уверяю тебя, он сидит, прислушиваясь к каждому стуку, и ждет возмездия. Это не тот человек, который готовит мщение: он трус, трусом и останется...

В этот момент вернулся папа. Он был у губернатора, тот при нем вызвал начальника полка, где служит Александр. Начальник

приехал через час. Когда ему рассказали всю историю, он возмутился и сказал, что немедленно разжалует Александра из офицерского звания в рядовые. Папа сказал, что это только ухудшит ситуацию. Тогда губернатор сказал, что нужно немедленно посадить Александра на гауптвахту и перевести его в другой полк, подальше от Кутаиси. На том и порешили.

— Теперь, — добавил папа, — нужно 2–3 дня соблюдать осторожность. Возможно, его сразу не найдут, и он от отчаяния отважится на другую авантюру. Завтра обо всем надо рассказать родителям Иры. Давайте ужинать и спать. Всем требуется отдых. Ира будет спать с Верой.

Быстро, кое-как, поужинали и разошлись по комнатам. Ира пошла с Верой в ее комнату, что рядом с лестницей во двор. Я почти сразу заснул как убитый. Ночью проснулся от внезапного шума. Этот шум раздавался с черной лестницы. Он становился всё громче и тревожнее. Кричала Люля. В предчувствии беды я вскочил и полуодетый выбежал на балкон, куда выходила дверь Вериней комнаты. В двери стояла Вера и плакала навзрыд. Оказывается, ночью из Вериней комнаты похитили Иру. Как это произошло, толком никто сказать не мог. Вера пояснила, что почувствовала холод, дуло из открытой двери. Тахта, на которой спала Ира, была вся сбита, подушка валялась на полу, одеяло все было скомкано, а Иры, дорогой Ирочки не было, не было и ее одежды. Вера клянется, что не слышала ничего: не было ни звука, ни стоны, ни крика. Однако девочка исчезла. Прибежали родители, разбудили спавшую охрану. По-видимому, водка, которую Люля дала городовым, возымела действие: они спали и ничего не слышали.

157

Надо было немедленно организовать погоню. Полицмейстер поручил преследование отряду полицейских и взводу казаков. Погоня шла в двух направлениях: в стороны Они и Тифлиса. Я присоединился к онийскому отряду. Как я мог спать, когда должен был караулить Иру на балконе перед дверью Веры? От горя меня била дрожь, которую я никак не мог унять. Отряд казаков в 10 человек на резвых конях, не медля ни минуты, галопом двинулся вдоль реки Рион на северо-восток. Я объявил, что за поимку разбойника и освобождение жертвы начальник отряда получит 250 рублей, а каждый казак по 100 рублей. Это известие было встречено гулом одобрения.

По дороге мы спрашивали каждого встречного, не видели ли они группы всадников или линейки, которая бы ехала быстрее обычного? Никто подобной группы не встречал. Отъехав километров на 30, мы встретили женщину, которая видела 5 всадников: у одного на лошади сидела закутанная женщина, как будто спавшая.

— Группа остановилась в крайней сакле, — сказала она и добавила, — вот той. Вы можете их застать врасплох, но только не говорите, что это я указала вам на них.

— Вот тебе червонец, — воскликнул я, — спасибо. А мы немедленно окружим саклю. Парламентерам поручите передать приказ о сдаче.

И мы поскакали к сакле, которая находилась не далее километра от нас. Сакля имела мирный вид, никаких коней на привязи не было. На наш стук дверь открыл старик и сразу обмер. Он начал лепетать что-то о том, что ни в чем не виноват, что всадники, угрожая оружием, заняли саклю и были там 3 часа. Полчаса как они уехали в направлении Алпани...

— Была ли женщина жива и здорова? — воскликнул я, — Говори, старик!

— Жива-то, жива, но она, по-видимому, больная: всё время спала. Так спящую ее и увезли.

— Скорее на коней — и в погоню, далеко они уйти не могли! — воскликнул я.

Теперь каждый встречный давал исчерпывающую информацию, пока мы не доехали до развилки дороги. Там мы разделились и помчались дальше. Первые встречные показали, куда повернул отряд. Вскать повернули на правильную дорогу и продолжали погоню. Ехать было трудно: дорога шла в гору. И за поворотом нам представился отряд всадников, который в этот момент спешился. Всадники побежали в гору за большие камни. Лошадей же они даже не успели привязать, и кони спокойно паслись на лужайке. От дороги до камней было не более сотни шагов. Спешившись и привязав коней, как своих, так и разбойников, командир отряда взял в руки усилитель громкости и объявил:

— Слушайте меня! Предлагаю выйти из укрытия, сложить оружие и сдаться: в этом случае вас ждет легкое наказание. Всякое сопротивление бессмысленно! Вы окружены и находитесь в ловушке. Любая стрельба лишь усилит наказание!

— Наши предложения такие, — слышался голос Александра. — Мы выдаем похищенную, а вы не требуете сдачи никого из группы. В противном случае мы будем сопротивляться до конца.

— Дайте сказать несколько слов, — воскликнул я. — Александр, Вы запутались и хотите погубить и себя, и своих товарищей, и, главное, Иру, которую Вы любите больше жизни. Есть возможность обойтись минимальным наказанием. Неужели Вы думаете, что ваши друзья не покинут Вас сейчас же? Ведь пока они отделиваются сравнительно легко. Я обещаю, что губернатор наложит на

них только строгий выговор! Без всякого наказания, без штрафа. Только выговор! Друзья, выходите сейчас же, немедленно! Вот вам мое слово!

Из-за камня вышли четыре человека и пошли в нашу сторону. Они сняли с плеч карабины, отдали их казакам и встали в отдалении.

— Нет, вы не арестованы. Наоборот, мне нужна ваша помощь. Я понимаю, только из дружбы вы включились в операцию похищения невесты. Я родился в Грузии, больше того, я родился в Кутаиси! Я уважаю законы и неписанные обычаи Грузии. Похищение невесты было для вас романтическим обычаем, не более. Помогите мне уговорить Александра выйти из засады, вынести Иру и присоединиться к нам. Конечно, наказание его будет суровое, но мой отец будет хлопотать, чтоб оно было смягчено.

Тогда один из банды Александра выступил вперед и громко прокричал:

— Александр, не усугубляй допущенную тобой глупость, в которую ты втянул и нас! Выходи скорее, всё может обойтись малой кровью. Мы, твои друзья, говорим от всего сердца: выходи скорее!

159

Из-за камня раздался выстрел, и говоривший схватился за плечо. Прогремел второй, раненый упал на землю. Все — и из группы, и из казацких рядов — схватились за ружья, готовые стрелять. Я поднял руку и приказал:

— Следуйте за мной. Надо его взять живым. Бежим врассыпную.

И я бросился вперед, за мной остальные. Я скинул карабин и бежал впереди, делая зигзаги то в одну, то в другую стороны. Александр продолжал стрелять. Люди за мной падали один за другим. Я был уже у самого камня, обходил его слева, как вдруг почувствовал удар в грудь, но продолжал бежать. Новый удар, прямо в сердце, уложил меня на землю. Я падал, падал — как будто в бездну...

И тут проснулся. Весь в поту, одеяло на полу, подушка сбоку, прижатая к стенке... Я вскочил и только тогда понял, что всё это был ужасный сон. Прислушался: в доме стояла мертвая тишина... Я тихонько пробрался на балкон, подошел к открытому окну Веринной комнаты и долго слушал дыхание двух человек. Только после этого сел на стоящий на балконе стул и просидел так до самого утра — наверное, часа три.

На дворе началось движение: жизнь нового дня разворачивалась как всегда. Весь озябший, я вернулся в комнату, лег в постель, чтобы скорее согреться, но спать уже не мог. Спокойно я ожидал, когда проснутся другие и можно будет узнать: отыскали ли Алек-

сандра, как он? Откровенно говоря, мое озлобление против него прошло: мне было жаль чудака, причинившего себе и другим столько зла. У Веры было тихо, девушки спали. Это хорошо! Для Иры случившееся было большим потрясением, которое могло кончиться трагически. Александр, конечно, был сильнее Иры, и, не вернись я в эту минуту, наверное, он бы изнасиловал ее. Я даже думать не мог об этом, так это было страшно. Я сидел на открытой части балкона, когда ко мне вышел отец. Он, по-видимому, плохо спал: морщинки на лице, их еще не много, как-то сжались, лицо было строгое и напряженное. Он сел около меня и сказал:

— Я всю ночь не спал, думал. Как могло случиться, что ярость затмила твой разум и ты готов был убить человека? Как это на тебя не похоже, как это грустно и чуждо культурному человеку. Объясни мне, как это могло произойти? Вся твоя жизнь впереди, ты талантливый, тебя ждет славное будущее: возможно, станешь известным звездолетателем, как ты мечтаешь, или всемирно почитаемым ученым. Много тебе дано — и многое с тебя спросится. Я ведь вижу, как легко всё тебе дается. Достаточно тебе прочитать стихотворение — и ты знаешь его наизусть. Ты в совершенстве знаешь иностранные языки. Ты успеваешь и в спорте — теннисе, бильярде, беге, гимнастике. Рассказчик ты отменный. Девочки тебя любят. Мальчики завидуют. Не буду перечислять все твои достоинства. Оказывается, одним преступным поступком ты можешь перечеркнуть всё это и потерять навсегда. Как ты думаешь, простит тебе кто-нибудь такое поведение? Ты еще не знаешь, как разволновалась мама! Она плакала потому, что очень любит тебя. Мне же, когда я увидел тебя с топориком в руке, стало страшно. Ты, сын, объясни мне толком, что же это было? Как мог ты, мой сын, докатиться до попытки убить человека — пусть преступника, но человека?

— Мне трудно словами объяснить, — сказал я в ответ на столь справедливые, казалось бы, слова, — то, что произошло! Но если бы обстоятельства повторились или на месте Иры была бы мама или ты, поверь мне, я действовал бы так же. Да и как иначе? Только физическое развитие и высокий рост помогли мне утратить врага. Единственное, что мне не следовало делать — это метить прямо в Александра. Но я не метил в него, только хотел испугать. Ты это сейчас поймешь. Неужели ты думаешь, что я не сумел бы угодить топориком прямо в Александра, если бы захотел в него попасть? Из 20 метаний я попадаю в цель 20 раз! Я же бросил топор в дерево, находящееся в двух шагах от Саши. В дерево я метил нарочно, чтоб Александр слышал звон вонзающегося в дерево лезвия топора. А это значит, что в пылу гнева я понимал главное: убивать чело-

века нельзя. Было еще одно обстоятельство, объясняющее весь ход случившегося: я знал, что Александр трус. Однажды на моих глазах он трусливо убежал от напавших на него пяти юнцов 14–15-летнего возраста. Напугав врага, я заставил его трусливо бежать от такого маленького мальчика, как я. Вот и всё.

— Витя, дорогой сынок, — сказал мне отец, — лучше и талантливей объяснить случившееся было бы невозможно. Я вновь уверовал в твою порядочность и сообразительность. Да, такого защитника Ира никогда и нигде не найдет. Ты ей верный друг, лучшего доказательства и не надо. А вот, легка на помине, идет Ирочка, виновница всей суматохи. Доброе утро, Ирочка, как спала?

— Спала я крепко и спокойно. Только проснувшись, я полностью осознала, от какой беды спас меня Ваш сын. Он изумительный и бесстрашный юноша. Таких парней на свете раз и обчелся. Витенька, дорогой мой друг, чем и как я могу отплатить тебе за мужество и бесстрашие, которые ты проявил вчера, спасая меня от негодяя, напавшего на беззащитную девочку? Таких негодяев надо подвергать самому лютому наказанию. Нет слов, чтобы выразить мою ненависть, мое презрение этому подлому человеку. Спасибо тебе, родной.

161

В глазах Ирочки стояли слезы, она с преданностью и любовью смотрела на меня. Запинаясь и сдерживая волнение, я ответил:

— Ирочка, то, что я сделал, сделал бы для тебя, такой прекрасной девушки, каждый знакомый.

Затем я подробно рассказал ей свой сон. Ира восторженно смотрела на меня: она как бы вместе со мной переживала происшествие. Папа тоже слушал внимательно и ласково кивал головой.

— Я уверен теперь, — сказал он, как только я окончил рассказ, — что иначе мой сын поступить не мог. Однако время узнать, как выполнено распоряжение губернатора, — папа встал, взял зонтик (шел дождь) и вышел из дома.

Вера взяла стул и подсела к нам. Затем на балкон вышла мама и присоединилась к нашей беседе. Бедная, она так сильно переволновалась за всех нас. На меня она поглядела с каким-то ужасом. Неужели ее сын может быть таким страшным, как ей его описали отец и Ира? Беседа шла о том, как и в каких деталях, полностью или не полностью, рассказать родным Иры о происшедшем. Все сходились на том, что о худшем лучше умолчать. К полудню вернулся папа. Виновник происшествия во всем сознался и готов понести любое наказание. Сейчас он сидит на гауптвахте. Послезавтра он уезжает в другой полк, просит только не оставлять его в Закавказье. Лучше всего на Дальний Восток или в Сибирь. Остаться

в Кутаиси он сам не хочет и не может. По-видимому, в нем заговорила совесть. Через несколько дней начнутся занятия, и жизнь войдет в свою колею. А страшное событие станет прошлым.

Занятия в гимназии начались 1 сентября и сразу захватили все свободное время. К кружкам, в которых я работал раньше, прибавился еще один — математический. Так что я приходил домой довольно поздно. Однако сразу после обеда я шел в сад, где в беседке читал книжки. Все уроки я учил только по утрам, вставая на 1,5 часа раньше остальных. С нетерпением ждал воскресенья, ибо по воскресеньям к нам приходила Ира на целый день. Все уже знали, что приходит она ко мне, и относились к нашей дружбе снисходительно. Когда в голову приходили интересные мысли, я писал Ире внеочередные послания и бросал его в общий ящик Заведения. Аккуратно писал и Любе с Матильдой. Письма к Любочке стали более спокойными, к Матильде также, и всё это — результат расцвета моей дружбы с Ирочкой. Я постоянно думал о ней, она мне снилась, и по воскресеньям я весь день был с ней. Только для нее я вычитывал в книгах самые интересные истории, происшествия и любовные драмы и рассказывал их в самых пылких выражениях.

Жизнь шла своим чередом. Я продолжал числиться первым учеником. По языкам учительница считала меня своим помощником и нещадно эксплуатировала меня, поручая заниматься с самыми отстающими учениками, которые не могли, да и просто не хотели учиться. Мне было очень трудно, но всё же помогал я ей успешно. Она не знала, что я приносил французские детективы и только ими заинтересовывал оболтусов, и они стали преуспевать. Учительница восторгалась, я же смущался своим обманом. Но счастлив я был только по воскресеньям, когда приходила Ира. Целый день мы проводили вместе, но наговориться вдоволь не хватало времени. Дружба наша была настолько огромной, необъятной, что никакими словами не описать, никакими образами не воспроизвести.

Мама говорила мне, что такая дружба не естественная в моем возрасте, пусть я и созрел преждевременно. Что она имела в виду, тогда я себе еще не представлял. Инстинкты еще молчали во мне. Была бесконечная преданность, желание видеть Иру около себя, брать ее за руку, смотреть в ее глаза. Правда, иногда в сердце что-то сжималось. И все тело напрягалось от сознания ее присутствия здесь, возле меня. Как-то раз, уже весной, к нам зашла мать Иры и сказала, что муж ее должен на неделю уехать в Тифлис, а затем ей самой потребуется на 2 дня выехать к нему. У них в Кутаиси никого нет из близких. Не может ли Виктор побыть с ней две недели? После истории с Александром Ира стала пугливой. Когда уедет отец, она останется совсем одна, а по воскресеньям вдвоем с дочерью.

Мама решила помочь Егоровым и дала согласие. Конечно, я с радостью согласился. Ведь под моей охраной и защитой будут Ира и ее мать. В этот день уехал отец Иры, и я переехал в Ирин дом. Раньше я имел мало встреч с родными Иры. До знакомства с ее родными я с нетерпением ждал, когда можно будет пойти к Ире. Мать ее оказалась очень умной, начитанной женщиной, и мы интересно беседовали о русских и иностранных авторах. Она удивилась, увидев меня в их доме, а когда узнала, зачем я пришел, очень обрадовалась. Однако вид ее меня беспокоил: яркий румянец окрашивал ее щеки, руки были горячие и глаза не здорово блестели. Измерили температуру. Оказалось, что у нее жар — 38,2. Мать заставила ее выпить горячий чай и уложила ее в постель. Надо было вызвать врача, но было поздно, и решили позвать его завтра утром. Я сидел у постели Иры и рассказывал разные истории. Ирочка слушала, но жар был большой, и мы решили дать ей поспать. Оставили ночник, а сами пошли по своим комнатам. Я спал в гостиной на диване, который был необъятной ширины и сказочно мягким.

Утром пришел врач. Осмотрел, послушал Иру и заявил, что это ангина. Прописал лекарства и ушел. Я оббежал аптеки (наша была закрыта на учет), взял лекарства, затем зашел домой, предупредил маму о болезни Иры и сказал, что буду за ней ухаживать, пока она не выздоровеет. Пусть Люля сходит в гимназию и предупредит, что эту неделю я пропущу и заниматься не буду. Мама начала было возражать, но я так грозно на нее посмотрел, что она вмиг согласилась с моим решением. Ведь действительно, за Ирой некому смотреть. Более того, мама согласилась прислать в помощники повара, чтобы он готовил нам обед.

К вечеру температура у Иры поднялась до 39,2. Страшно разболелось горло. Пришел врач и констатировал признаки дифтерита в сочетании с сильным воспалением легких. Ночь была тревожной. Больная была без сознания. Всю ночь просидел я около Иры. Она сильно кашляла. Перестала узнавать близких. Только меня видела, чувствовала и держала за руку, не отпуская ни на минуту. Вечером прилег поспать на 3 часа, затем всю ночь сидел у ее постели, давая лекарства, меняя компрессы и ледяной мешок с головы. Вечером доктор Топоров, который когда-то спас меня от смерти и которого мы срочно позвали, осмотрел больную.

— Доктор, — говорил я, — вы волшебник в лечении людей, помогите девушке. Смотрите, температура 40 градусов. Только вы можете ее спасти. Сделайте всё, что можете, умоляю.

Доктор качал головой и говорил, что случай сложный. Дифтерит и одновременно воспаление обоих легких. Будем делать всё, что возможно.

Ира болела еще 5 дней. Жар не уменьшался, силы уходили... Я ни на минуту не отлучался от больной. Никого к ней не пускали. Я был тоже носителем инфекции. А Ирочке становилось всё хуже и хуже. Я был в отчаянии. О себе не думал. Всё о ней. Из Тифлиса приехал отец Ирочки. Родные совсем расстроились. Пал духом и я... На 7-ой день Ире стало совсем плохо, температура поднялась до 40,2. Девушка задыхалась, вцепившись в мою руку, и никого не узнавая.

На восьмой день Ирочки не стало. Умерла она как-то тихо, спокойно: просто перестала дышать. Пришел врач и констатировал смерть. А я всё сидел, как бы в забытьи, и держал в своей руке ее руку. Силой увели меня в другую комнату. Родные плакали, а я сидел и смотрел в окно, но ничего не видел... Какая-то страшная апатия охватила всё мое существо. Всё было безразлично и как-то враждебно мне... Так было и когда Ира лежала в гробу, такая молодая и красивая, и когда ее опускали в могилу... Я не проронил ни одной слезы, отвечал на вопросы машинально — как мумия из саркофага.

Итак, моего ближайшего друга, мою незабвенную подружку похоронили. Ее больше нет около меня. Для чего мне жизнь? Я сидел в беседке в саду и безучастно смотрел вокруг... Наш сад — он не нужен мне. Вера, мама, папа, братья, Люля — никто мне не нужен, никто... Еда — мне было противно смотреть на нее, книги — я не хотел их читать, воздух — я не хотел им дышать. И почему это так — я неделю просидел у изголовья больной дифтеритом, и не заразился, и не заболел сам?! Какая несправедливость. На 5-ый день после похорон Иры в сад, где я сидел у реки на набережной и смотрел на Рион, подошел отец, сел около меня и после долгого молчания сказал:

— Витенька, ты сильный, мужественный и здоровый юноша, и вдруг раскис, как баба, и совсем потерял здравый рассудок. Конечно, утрата для тебя была большая, очень уж вы с Ирой сдружились. Я понимаю, что забыть эту прекрасную девочку сразу нельзя. Но такое безысходное отчаяние не свойственно тебе. Просто ты забыл, что призвание человека на земле не только в преданности близкому, но и в служении стране, народу. Как тебе не стыдно так падать духом? Ты уже две недели не ходишь в гимназию. Забыл, что ты уже ученик 3 класса? Ты должен учиться. Приди в себя, дорогой мой.

Я поднял на отца пустой безжизненный взгляд, долго-долго смотрел на него, постепенно приходя в себя, затем снова опустил взор и сторбился, как старик.

— Папа, оставь меня. Скоро я приду в себя. Обещаю тебе. Всё,

что ты говорил мне, правильно. Дай моей душе переболеть, и она оправится от полученной раны.

Папа встал, покачал головой и ушел... Я остался сидеть.

Глава 17. Переезд

Каждую ночь со дня несчастья Ира снилась мне живой и здоровой. То мы вместе путешествовали по горам и лесам, и нам встречались разные препятствия, и мне приходилось защищать ее от злых призраков; то мы плыли на парусном боте, и ветер переворачивал бот, и мне приходилось вытаскивать Иру из пучины морской; то мы летели на звездной ракете, и мне приходилось спасать ее в ракетокрушении... Во всех снах возникали страшные ситуации, и мне приходилось затрачивать невероятные усилия, чтобы спасти Иру. Проснувшись, я каждый раз убеждался, что в жизни всё было хуже, чем во сне... Во сне Ира оставалась живой, в действительности же Ира мертва.

Стараясь освободиться от охватившего меня отчаяния, я вспомнил Джулию, которая утонула. Тогда я тоже был в отчаянии, но сумел справиться с собой. Сейчас реакция на трагедию была болезненней. Ира сильнее вошла в мою жизнь, в мое сердце. Мы были совсем малы, и вскоре наши пути разошлись бы. Но откуда тогда такая безысходность, такое отчаяние? И вот разгадка: я переживаю несчастье трагичнее, чем другие. Думая так, я понемногу приходил в себя, становился более спокойным, и сила воли возвращалась ко мне... С такими мыслями я пришел к отцу и сказал:

— Папа, завтра я иду в гимназию, напиши записку, что карантин кончился и мне разрешено ходить на занятия. Второе, что мы должны сделать, — это уехать из Кутаиси в Тифлис, раз и навсегда. Мы это давно собирались сделать. Мне надо поступать в консерваторию. Грасильда Вячеславовна давно твердит об этом. Я, ты знаешь, не собираюсь делаться пианистом, но культурный образованный человек должен владеть музыкальным инструментом — для меня это рояль. Ты знаешь, что все вечера у меня будут свободны, ведь уроки я всегда учу по утрам. Значит, окончить консерваторию мне не составит труда. А сейчас давай съездим на кладбище к дорогим нам умершим, в первую очередь, к дедушке и Ирочке.

Отец был страшно обрадован моему пробуждению от отчаяния. Мы на извозчике добрались до кладбища. Под роскошным платаном лежали старики. Под маленьким зеленым холмиком была похоронена Ирочка. Я посмотрел на холмик, упал на него и впервые заплакал навзрыд. Слезы текли из моих глаз потоком, они лились без остановки, без конца. А потом я сидел на скамейке у этого маленького холмика и продолжал плакать. Плакал, как ребенок, ко-

тогого сильно обидели. Отец стоял в стороне и как будто не замечал моих рыданий. Он дал мне вволю наплакаться.

Постепенно я затих и сидел молча, без слез. Прощай, моя подруженька, прощай, моя дорогая, ненаглядная, спи спокойно. Я благодарю тебя за всё, что ты мне дала. Наверное, в моих будущих победах на поприще науки твое имя будет светить мне ярким светом. Я никогда не забуду тебя. Я встал, подошел к отцу и сказал:

— Уезжать из Кутаиси нам надо скорее.

Мысль об отъезде стала мощным двигателем всех наших действий. Мама лелеяла эту мысль давно. Боялась, что наш сад, который мы так любили, удержит нас в Кутаиси надолго. Мое непоколебимое решение об отъезде явилось толчком для принятия окончательного вердикта об отъезде, и началось приготовление к переезду в Тифлис. Надо было позаботиться и о тифлисском жилье. Не откладывая, папа тронулся в путь с наказом снимать квартиру с хорошим садом — по возможности, не далеко от центра.

К сожалению, такой наказ был неосуществим. В Тифлисе все садовые участки были предельно застроены красивыми особняками, но с маленькими садиками. На примете имелась подходящая квартира на втором этаже дома 57 по ул. Александровской (впоследствии — ул. Калинина) рядом с костелом. В квартире было 6 больших комнат площадью около 150 кв. м. и с высотой потолков в 4,5 м., с галереей и балконом на улицу. Конечно, квартира была хуже Кутаисской, но папу соблазнил вид на сад костела, тихость и провинциальность этой улицы. Однако квартира освобождалась только через год. Наконец папа принял решение и заключил договор на аренду этой квартиры через год, а на ближайшее время была снята квартира на Андреевской улице, параллельной Александровской, — тоже неплохая, на третьем этаже, немного меньшей площади.

Итак, мосты были сожжены. Надо было готовиться к переезду. К этому времени мама ждала пятого ребенка. Папа ожидал, что для равновесия родится девочка!

Служебные помещения в Тифлисе были много меньше Кутаисских, и пришлось взять с собой только двоих слуг — повара и горничную. Люля давно уже считалась членом нашей семьи и в штат прислуги не входила. Квартиру в Кутаиси мама оставила на попечение помощника повара и Петра-садовника, которому прибавили жалованье за опеку квартиры и сада. С садом было жалко расставаться, но что поделаешь — судьба.

Однажды я сидел в «беседке свиданий», опустив голову на книгу, которую читал. Думы были об Ирочке. Вдруг почувствовал, что

кто-то стоит рядом. Подняв голову, увидел рядом с собой Свету. Она стояла и жалостливо смотрела на меня. Я вновь опустил голову, а Света сказала:

— Витя, я много раз была в саду и так стояла около тебя, но ты не замечал меня, ты совсем не видел меня, как будто меня не было около тебя. Ты был как мертвый, и мне было так жаль тебя. Это правда, что твоя подружка Ирочка умерла? Что ее уже нет в живых? Но с тобой я, которую ты не замечаешь, но которая тебе верный и преданный друг! Скажи, что тебе надо, и я сейчас же принесу это тебе. Всегда, когда я буду нужна тебе, крикни через улицу — и я сейчас же приду к тебе. А ты больше не горюй, я всегда с тобой.

Милая девочка, если бы она знала, как мне не хватает Ирочки! Как сильно я по ней тоскую...

Сборы были долгими. Все не могли решить, например, вопрос: вести ли мебель с собой или же купить в Тифлисе новую? Наконец, постановили ничего не перевозить, а всё купить на месте, чтобы можно было из Тифлиса выезжать в Кутаиси, как домой. Папа договорился с директором Реального училища о переводе меня в 4-й класс. От дома до училища было километра полтора, так что на дорогу в оба конца требовалось не более 30 минут.

167

Каков же итог моего проживания в Кутаиси? Я был учеником 4-го класса, учился на отлично и хорошо знал два иностранных языка: французский и немецкий. Я был начитанным юношей высокого роста, с выразительным лицом. Внешность выразительная, вполне интеллигентная — типичный сибиряк. Фигура худощавая, стройная, с хорошо развитой мускулатурой, волосы русые на пробор с упрямо торчащими пучками непокорных прядей, глаза серо-голубые, не очень большие, но тоже выразительные. Характер твердый и бесстрашный, настойчивый, резкий, даже вспыльчивый. При самозащите я мог прийти в ярость. Склонный к увлечениям, к влюбленности с первого взгляда, я был доброжелателен во всём, чутким к чужому горю и стремился творить добро. Уже в 12 лет, обладая большими способностями и талантами, я был исключительно начитанным человеком, выдающимся рассказчиком, легко усваивал научные знания (математику, физику и механику), успешно музицировал, став впоследствии учеником консерватории по классу пианино, достиг больших успехов в спорте (теннис, плавание, гимнастика) и в целом представлял собой юношу, имеющего на вид не менее 15 лет, подготовленного к восприятию всех даров и зла последующей жизни.

Конец

Иллюстрация: Светлана Подаруева

МУШМУЛЯ

Литературный журнал «Нате»

Контакты:

Прием рукописей: nate.lit@mail.ru

Сотрудничество: nate.lit.collab@mail.ru

Сайт: <https://nate-lit.ru/>

Мы в социальных сетях:

https://t.me/NATE_lit

Boosty: <https://boosty.to/glavvred>

Поддержать проект: <https://pay.cloudtips.ru/p/39896291>

